КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

Фрунзе
1977

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Под редакцией

В. М. ПЛОСКИХ
Д. Ф. ВИННИКА

Издательство „ИЛИМ“ Фрунзе 1977

Настоящий сборник представляет материалы к изучению Кетмень-Тюбинской котловины в археологическом и историко-культурном отношении. Его авторы — участники многолетних работ в зоне затопления Токтогульской ГЭС и Киргизской комплексной археологической экспедиции Института истории Академии наук Киргизской ССР 1973 г. Статьи сборника освещают все категории археологических памятников долины: местонахождения и стоянки поры верхнего палеолита, наскальные рисунки, могильники эпохи бронзы и ранних кочевников, памятники скотоводов и оседло-земледельческого населения долины поры феодализма, киргизские крепости и мазары и т. д. Большое внимание уделено политической истории Кетмень-Тюбе XVIII—XIX вв.

На основе археолого-топографического изучения долины и добытых в процессе раскопок материалов, привлечения широких аналогий и письменных источников авторами статей делается попытка выделения и определения взаимодействия древних культур Тянь-Шаня, культурных и политических связей их с сопредельными районами Средней Азии.

Рецензенты: кандидаты историч. наук
Ю. А. Заднепровский, М. Н. Федоров

1—6—2

© Издательство «Илим», 1977 г.

Светлой памяти
Петра Никитича КОЖЕМЯКО
посвящается

Предисловие

Кетмень-Тюбинская котловина расположена к северо-востоку от Ферганской долины, непосредственно граничит с районами Центрального Тянь-Шаня и является частью обширного межгорного понижения (длина 50—55 *км*, ширина 0,5—20 *км*). Высокие горные хребты окружают ее, заключая в естественные границы в бассейне среднего течения р. Нарын и его правых и левых притоков: Узун-Ахмат, Чичкан, Торкен, Толук, Ничке и др. Площадь района 8170 *кв. км*. Кетмень-Тюбе представляет собой чрезвычайно живописную местность, где мертвые солончаки чередуются с цветущими нивами, а поросшие соснами ущелья — с полупустынными равнинами. Район огражден высокими хребтами, перевалы которых блокируются снежными завалами. До недавнего времени проникнуть сюда можно было лишь в течение 4—5 месяцев в году. Единственным путем, открытым круглый год, оставалась вьючная тропа по узкому и каменистому Нарынскому ущелью. Взаимодействие природных и хозяйственных особенностей таких двух различных географических районов Средней Азии, как Фергана и Центральный Тянь-Шань, создало то своеобразие в географии Кетмень-Тюбинской котловины, которое отличает ее от всех других регионов Киргизии. Долина лежит на высоте 800—1000 *м* над уровнем моря.

Для климатических условий характерна резкая континентальность: низкие зимние температуры (—20, — 32°) и высокие летние (+42°). Вегетационный период продолжается в равнинной части семь-восемь месяцев, в горной — три-четыре.

Продолжительность снежного покрова 80—100 дней в году, его мощность 20—30 *см*. Общее среднее количество осадков 300 *мм*, из них 80% приходится на зимне-осенний, а 8—10% — на летний период.

Растительность полупустынная, сухостепная. По почвенно-растительному покрову котловина делится на четыре высотных пояса: полупустынный, сухостепной, субальпийский и альпийский.

Полупустынный пояс занимает равнинную часть и предгорья до высоты 1500 *м*. Растительность полынно-солянковая и эфемеровая.

Сухостепной пояс располагается на абсолютных высотах от 1400 до 1900—2000 *м*. В левобережной части он представлен главным образом полынно-злаковыми и ковыльно-типчаковыми сухими степями. На абсолютных высотах от 1700—1900 до 2700—2900 *м* преобладают разнотрав-

ные луговые степи и лишь местами — типчаковые. Субальпийские луга развиваются на горно-луговых почвах, преимущественно по северо-восточным склонам Атойнакского и Ферганского хребтов. Выше 3200 — 3400 *м* начинается альпийский пояс.

Благоприятные климатические условия, обилие водных источников, плодородные почвы, прекрасные субальпийские пастбища, открытые соляные месторождения не могли не привлечь внимания человека еще в древности. Неудивительно, что Кетмень-Тюбинская долина с незапамятных времен была заселена людьми каменного века, пастушескими племенами, кочевниками, а затем и оседлыми земледельцами. Однако не всегда мирным путем проникали сюда племена и народы. Орды Чингис-хана, с огнем и мечом пройдя по всей Средней Азии, принесли смерть и разрушение в Кетмень-Тюбе. Но простой народ не смирился с гнетом поработителей — непрестанные восстания сотрясали феодальный общественный строй. Пламя войны полыхало здесь и при наследниках Тимура. Джунгарские феодалы претендовали на господство в долине около двухсот лет назад, и борьба против них нашла отражение в эпосах свободолюбивого киргизского народа. Кокандские ханы властвовали над долиной, пока киргизский народ не обратился за помощью к России.

Добровольное вхождение Киргизии в состав России избавило этот край от посягательств захватчиков, дало толчок к прогрессивному развитию. «На протяжении поколений вхождение Киргизии в состав России сохраняется в народной памяти как выдающийся исторический акт, сыгравший огромную прогрессивную роль в развитии экономики и культуры киргизского народа»[1]. Однако это не избавило простой народ от нищеты и притеснений со стороны царизма и местных феодалов.

Коренные преобразования в хозяйстве и быту киргизов произошли лишь после установления Советской власти в Киргизстане. Вместе со всей страной, со всей республикой росло и крепло хозяйство Кетмень-Тюбинской долины, менялся облик ее. Беспорядочную россыпь юрт сменили благоустроенные поселки, место сохи заняли тракторы, бывшие кочевники стали колхозниками и рабочими. «Социалистические преобразования в Киргизии, осуществленные под руководством Коммунистической партии, привели к результатам поистине исторического значения: безраздельно утвердился социалистический способ производства, сложились новые общественные отношения, изменилась социальная структура общества... Киргизский народ с глубоким удовлетворением сознает, что он является частью великого советского народа и вносит достойный вклад в общее дело строительства коммунизма»[2].

Более десяти лет назад в жизни Кетмень-Тюбинской долины произошли кардинальные перемены. Связаны они со строительством Токто-

---

[1] Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины. К 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 46—47.

[2] О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление ЦК КП Киргизии от 22 января 1974 г. Фрунзе, 1974, стр. 43—45.

гульской ГЭС, одной из жемчужин советской энергетики. Воды Нарына устремились в новое русло, на месте старого — воздвигнут створ плотины, которая поднимается почти на 125 *м*. Стремительный поток уже вращает турбины электростанции. Почти даровую электроэнергию получит население Киргизии, Казахстана и Узбекистана.

Но Токтогульская плотина — это не только ГЭС. Образовавшееся озеро вместит в себя полтора годовых стока реки — 19 млрд. кубометров воды! «Токтогульское море» позволит оросить полмиллиона гектаров земли в Голодной степи, принесет столь желанную влагу благодатной Ферганской долине. А это значит, что земля Средней Азии даст дополнительно сотни тысяч тонн хлопка, пшеницы, овощей, фруктов.

Кетмень-Тюбинская долина хранит в себе многочисленные памятники древней истории. Курганы, городища или остатки крепостей, золото скифов или невзрачный черепок — бесценные свидетельства седой старины. Спасти их и заставить поведать нам историю давно минувших дней — важнейшая задача ученых.

В 1961 г. начал работу Токтогульский археолого-этнографический отряд, который возглавил И. Кожомбердиев. Полученный материал послужил фундаментом в изучении древней и средневековой истории Кетмень-Тюбе. Однако к началу затопления на дне водохранилища еще оставалась неисследованной значительная часть археологических памятников. Это обстоятельство заставило в сезон 1973 г. направить сюда все силы Киргизской археологической экспедиции.

Географические зоны исследований были весьма многообразны (от поймы Нарына до высокогорья Сусамыра). Особенность работ сезона выразилась в преобладании раскопок над разведкой. Назрела необходимость поднять многочисленный материал по различным периодам. В результате проведенных работ был получен первоклассный вещественный комплекс, позволяющий поставить вопрос о хронологической и этнокультурной периодизации истории долины. Были изучены археологические памятники, связанные с каменным веком, эпохой бронзы, сакской и катакомбной культурной; различного типа поселения IX—XVI вв., киргизская крепость XIX в. Представилась возможность более объективно судить об основных чертах исторического процесса в Кетмень-Тюбинской котловине.

Наука о прошлом неотделима от настоящего и предполагает прогноз будущего. В жизни Кетмень-Тюбе наступил принципиально новый период. В чем особенности его? Каким образом он связан с историей долины, где на протяжении нескольких тысячелетий преобладало животноводство? Как изменится хозяйственная направленность района с рождением «Токтогульского моря»? Как отразится это на жизненном укладе населения долины?

На эти и многие другие подобные вопросы должны были ответить археологи, этнографы и историки экспедиции 1973 г.

Настоящим сборником открывается серия публикаций и исследований по истории, археологии и этнографии Кетмень-Тюбе. Сборник состоит в основном из первичных материалов, полученных при раскопках па-

мятников, прежде всего в сезон 1973 г. Представленные публикации освещают период древнекаменного века эпохи бронзы, времени ранних кочевников, характеризуют памятники древних тюрок и оседлого населения, фортификацию XVIII—XIX вв. Впервые предпринята попытка дать сводку истории долины периода XI — начала XX вв. В приложении выделены подсобные материалы археологического, антропологического, палеопатологического характера, памятка о первичной консервации находок в полевых условиях.

Это была одна из крупнейших в стране экспедиций в сезоне года. В ней приняло участие более двухсот человек самых разных профессий. Вместе с археологами трудились лингвисты, этнографы, историки, антропологи, реставраторы, топографы и художники. Были приглашены специалисты из Москвы, Ленинграда, Душанбе, Самарканда. С увлечением выполняли нелегкий труд землекопов школьники г. Фрунзе.

Мы очень благодарны строителям Токтогульской ГЭС за постоянное содействие и помощь. Инициатором экспедиции был заведующий сектором археологии Института истории АН Киргизской ССР, лауреат Государственной премии Киргизской ССР в области науки и техники П. Н. Кожемяко, до последних дней своей жизни с интересом следивший за ходом ее работы. Памяти его и посвящается настоящий сборник.

В. Плоских

И. Кожомбердиев

Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе

Кетмень-Тюбинская долина, расположенная в самом центре Западного Тянь-Шаня, из-за труднодоступности долгое время оставалась малоисследованной в археологическом отношении. По насыщенности памятниками кочевого населения долина не имеет себе равных в восточной части Средней Азии.

Первые сведения о ее древностях принадлежат известному исследователю Киргизии А. Н. Бернштаму, посетившему этот край в 1946 г. Им были произведены небольшие раскопки и разведки, результаты которых позволили ему осветить некоторые периоды древней истории Кетмень-Тюбе и отметить большую перспективу исследовательской работы в данном микрорайоне[1].

В 1957 г. в Кетмень-Тюбинской долине были проложены разведывательные маршруты Таласским археологическим отрядом Института истории АН Киргизской ССР при участии автора статьи[2]. В течение двух недель (руководитель П. Н. Кожемяко) раскопочные работы проводились на городище Кодуль, Уч-Терек и могильнике Джазы-Кечу. Планомерное систематическое и комплексное изучение археологических памятников долины ведется Токтогульским археологическим отрядом Института истории Академии наук Киргизской ССР под руководством автора с 1958 г. (с перерывами в 1960 и 1971 гг.). За этот период были исследованы различные археологические объекты в разных географических зонах Кетмень-Тюбе, начиная от равнины до высокогорья. Хронологический диапазон памятников широк — от эпохи камня до XVIII—XIX вв.

С 1962 г. раскопочные работы были сосредоточены в зоне Токтогульского водохранилища, где и выявлены археологические материалы, отражающие все основные этапы историко-культурного развития древнего населения долины.

В настоящей статье мы попытаемся дать краткую характеристику археологических материалов по основным этапам развития культуры, учитывая определенную неравномерность в накоплении их.

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М., 1952, стр. 117—119.

[2] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 103.

Каменный век. В долине Кетмень-Тюбе большие исследовательские работы по выявлению памятников каменного века пока не проводились. В то же время разведочные маршруты (В. А. Ранов, М. Б. Юнусалиев) 1967 и 1973 гг. дали ряд каменных орудий — нуклеусов, отщепов верхнепалеолитического и неолитического времени. Они обнаружены на правом берегу р. Нарын в Шамсыкале, на террасах р. Чичкан и на левом берегу р. Нарын у источника Байыш-Булак. Эти находки являются основным свидетельством пребывания здесь человека в каменном веке. Особое значение для характеристики данного периода имеет также открытие пещерной стоянки мезолитического времени (примерно 7—8 тысяч лет до н. э.) — грота Таш-Кумыр[1], расположенного в системе гор, окружающих долину. Целый ряд пещер, имеющихся в районе Озгоруша (Баратай-Ункур, Камбар-Ата), Узун-Ахмата и в верховьях Бала-Чичкана, до сих пор остаются необследованными.

Эпоха бронзы. Является малоизученным историческим периодом. Из Кетмень-Тюбинской долины были известны лишь случайные находки предметов эпохи бронзы — бронзовый кинжал и нож. Они были обнаружены в древней горной выработке на реке Узун-Ахмат[2]. Впервые оградки эпохи бронзы могильника Джазы-Кечу исследованы в 1957 г.[3], затем в 1968 и в последующих годах[4].

Могильник Джазы-Кечу состоит из большого числа оградок, в нем вскрыто более 120 могил, что в количественном отношении в три раза превосходит все исследованные могилы эпохи бронзы на территории Киргизии. Оградки Джазы-Кечу имеют округлую и прямоугольную формы, внутреннее пространство их не возвышается над поверхностью. Выложены они «рваным» камнем, уложенным плашмя в один, редко в два ряда.

Оградки расположены довольно правильными рядами, изолированно друг от друга. Подавляющее большинство их имеет «пристройки» (от одной до пяти), которые, видимо, предназначались для детских захоронений. В большинстве случаев оградки имеют грунтовые ямы, редко встречаются ямы с каменной облицовкой. Плохая сохранность костяков не дает четкого представления об антропологическом типе, способе захоронения и ориентации погребенных. Встречаются оградки с трупоположением и трупосожжением. Все погребения ограблены. Инвентарь представлен главным образом глиняными сосудами, небольшое количество которых имеет орнамент в виде горизонтальных рядов насечек разной формы — типа «елочки» и зигзагообразных линий, заштрихо-

---

[1] М. Ю. Юнусалиев. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970, стр. 12.

[2] А. Кибиров, П. Н. Кожемяко. Новые памятники эпохи бронзы. Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР, вып. II. Фрунзе, 1956, стр. 45, рис. 14, 15.

[3] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы..., стр. 103.

[4] И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Работы в долине Кетмень-Тюбе. АО 1968 года. М., 1969, стр. 449; И. К. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. В сб.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 1. Л., 1972, стр. 39—40.

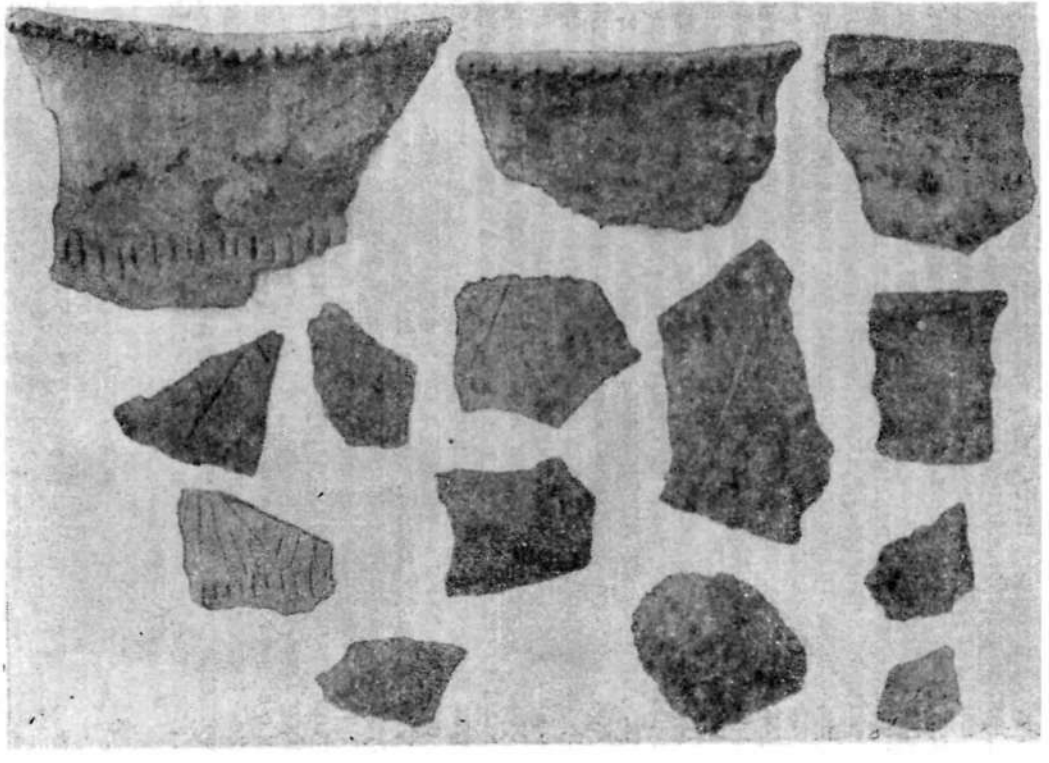

Рис. 1. Керамика эпохи бронзы (поселение Джал-Арык).

ванных ромбов и т. д. Из металлических изделий обнаружены бронзовая игла и серьги.

В 1963 г. в могильнике Джал-Арык II было вскрыто четыре оградки. В них найдены обломки глиняных сосудов, характерных для позднего этапа эпохи бронзы.

В 1968 г. на территории нового районного центра — Токтогул, рядом с обширным катакомбным могильником Джал-Арык случайно обнаружены следы культурного слоя с остатками глиняной посуды, обломками зернотерки, большим количеством золы, древесного угля и пятнами прокалившейся земли. Получен керамический материал (более 15 глиняных сосудов) целыми формами и в виде обломков (рис. 1). Сосуды достаточно крупные (высота 25—42 *см*), диаметр венчика 24—26 *см*, лепные, асимметричные, с округлым туловом и плоским дном. По венчику часто проходит орнамент в виде полулунных вдавлений, косых насечек и узкой ленты, выполненной гребенчатым штампом. На шейке и плечиках сосудов орнамент в виде вертикальных насечек «елочкой», выполненных гребенчатым штампом. По форме и орнаменту сосуды с поселения Джал-Арык в общих чертах имеют сходство с посудой из могильника Джазы-Кечу, однако отличаются рядом деталей орнамента и размерами. Материалы могильников и поселения синхронны и датируются эпохой поздней бронзы (XII—VIII вв. до н. э.). Керамика и конструкция могильной ямы имеют несомненную близость с таковыми памятников андроновской культуры степной бронзы Северного и Южного Казахстана, Северной Киргизии, Ташкентского оазиса и Ферганы[1].

Материалы поселений и могильников долины Кетмень-Тюбе важны не только для изучения специфических особенностей местной культуры и ее связей с культурами соседних и сопредельных территорий, но и для определения типа хозяйства. В целом из долины Кетмень-Тюбе получены серии однотипных археологических комплексов, которые должны стать в будущем опорным материалом при изучении местных локальных вариантов андроновской культуры эпохи поздней бронзы территории Западного Тянь-Шаня.

Сакское время. На территории Киргизии значительное распространение имеют памятники сакского круга VII—III вв. до н. э. Первые курганы этого периода в Киргизии раскопаны Гейкелем в 1898 г. (в Таласской долине)[2] и А. Н. Бернштамом в 1949 г. (в Нарын-

---

[1] А. М. Орозбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, табл. XII; А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962, стр. 37—56; А. А. Абетеков. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-Сай. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 93; А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. XXIX—XXXII; Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 86; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, табл. 108.

[2] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. Вестник древней истории, 3/4. М., 1938, стр. 163.

ской долине и Иссык-Кульской котловине)[1]. Это сравнительно небольшой материал, которым исчерпывается в целом изучение сакских курганов Киргизии. Сосредоточение в последние годы раскопочных работ в долине Кетмень-Тюбе положило начало более широкому исследованию сакской культуры на Тянь-Шане.

В настоящее время в долине изучено свыше 10 крупных сакских могильников: Джал-Арык II, Кара-Каш, Сары-Джон, Бос-Тектир, Кайрак, Атамбай, Акчий-Карасу, Джалпак-Таш, Джазы-Кечу, Кечу и другие, в которых раскопано около 300 курганов. Впервые в практике киргизской археологии с помощью землеройной техники вскрывались большие или так называемые «царские» курганы, достигающие в диаметре 30—50 *м*, высотой 4—6 *м*.

Расположение курганов в могильниках в основном меридиональное, в цепочку. Центральную цепочку всегда составляют большие курганы. Многие из них с наружной стороны имеют подчетырехугольные и округлые выкладки из камней. Возле больших и средних курганов иногда встречается до сотни мелких, расположенных бессистемно, с незначительными вещественными находками.

Для могильников характерны захоронения в грунтовых ямах, вытянутых по линии запад — восток. В большинстве случаев они перекрыты арчовыми бревнами различных размеров. Погребенные, как правило, лежат головой на запад, в вытянутом положении, на спине. Хотя подавляющее большинство курганов в древности потревожено грабителями, в них обнаружен ценный и единственный в своем роде материал, дающий представление о различных сторонах жизни кочевников сакского времени[2]. Погребальный инвентарь свидетельствует о их социальной дифференциации. Он состоит из значительной серии предметов вооружения (бронзовые черешковые наконечники стрел, железные акинаки, чекан, бронзовые и железные крючки от колчанов, бронзовое изделие, имитирующее сложный лук в горите), конского снаряжения (бронзовые стремовидные удила, ворворки, пронизки, прямоугольные обоймы с отверстием, вихревые розетки и др.), предметов искусства, выполненных в скифо-сибирском «зверином» стиле (золотой тигр, петушок, лев,

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М., 1952, стр. 27—35.

[2] И. Кожомбердиев. Работы в зоне водохранилища Токтогульской ГЭС. АО 1969 года. М., 1970, стр. 432—433; его же. Итоги раскопок Джал-Арыка II (долина Кетмень-Тюбе Киргизской ССР). Тезисы докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 года. М., 1972, стр. 271—272; его же. Саки Кетмень-Тюбе. В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975; стр. 168—174; его же. Искусство саков Тянь-Шаня. Там же, стр. 175—180; его же. Раскопки Токтогульского отряда. АО 1971 года. М., 1972, стр. 546—547; его же. Памятники сакского «звериного» стиля на территории Киргизии. Тезисы докл. на III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль). М., 1972, стр. 25—26; его же. Новые данные о сакском периоде в долине Кетмень-Тюбе. АО 1972 года. М., 1973, стр. 496—497; И. Кожомбердиев и В. М. Плоских. Искусство древних кочевников Тянь-Шаня. М., «Молодая Гвардия», 1972, стр. 220—224.

Рис. 2. Голова тигра из бронзы (могильник Бос-Тектир).

сокол, бронзовые бляхи с изображением головы тигра, литая из серебра с позолотой полусферическая бляха с изображением двух коней-грифонов и т. д.), и прикладного искусства (золотая массивная бляха с инкрустацией и зернью, золотая серьга, инкрустированная зернью с изображением двух соколов и т. д.). Предметы «звериного» стиля и конского убора убеждают в том ,что Киргизия в то время входила в «скифский мир» (рис. 2, 3).

Весьма разнообразны и предметы украшения: золотые проволочные спиралевидные серьги, украшенные зернью, различными подвесками (чаще из бронзы), бронзовые серьги, бронзовые и железные булавки, бронзовые зеркала, множество нашивных золотых бляшек всевозможной формы, а также раковины каури. Немногочисленными экземплярами встречаются бусы из бронзы, сердолика, простые цилиндрические бусы из белого мрамора, глазчатые из стекла. Наиболее массовым материалом является керамика, среди которой выделяются лепные и расписные сосуды, крашеные станковые, широко распространенные в Ферганской долине (рис. 4, 5). Предметы настолько многочисленны и разнообразны, что анализ их позволяет в настоящее время по-новому и более полно осветить многие вопросы истории и культуры ранних кочевников Тянь-Шаня, проследить их связи с племенами Казахстана, Алтая, Тувы, Памира и оседло-земледельческими районами Средней Азии.

В культурном отношении Киргизия в сакское время была более свя-

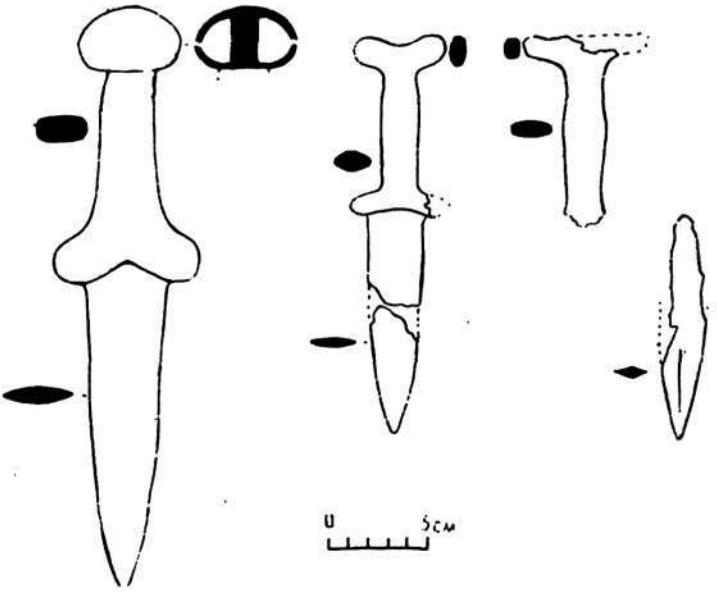

Рис. 3. Железные кинжалы (могильник Джал-Арык II).

зана с Востоком, чем с Западом и одновременно являлась соединительным звеном между Центральной и Передней Азией.

Несколько новые сведения дают об эпохе саков наскальные изображения Чаар-Таша — «Рябой камень» — в горах восточного склона Сусамыра и Джумгала. Чаар-Таш — весьма уединенное место, на высоте около 4000 *м* над ур. м. Однако здесь довольно многочисленны следы деятельности древнего человека. Так, в урочище Улар-Тор зафиксировано около тысячи рисунков: в основном изображения горных козлов, оленей, верблюдов, сцен охоты, зигзагов (горные тропы) и т. п.

Наскальные рисунки Чаар-Таша обогащают наши знания о культуре древнего населения горного Тянь-Шаня, его хозяйственном укладе и идеологических представлениях.

Гуннско-усуньское время в истории Средней Азии охватывает, по-видимому, I—V вв. н. э. Он является периодом сложения крупных кочевых объединений и интенсивных передвижений племен. Археологические памятники рассматриваемого времени в долине Кетмень-Тюбе представлены необычайно многочисленными могильниками с катакомбными захоронениями кенкольского типа. Для них характерна компактность и множество земляных курганов, которые отличаются один от другого только размерами насыпей. Судя по количеству курганов в могильниках, племена с катакомбными захоронениями имели родовые кладбища, жили родовыми группами. В долине нами зарегистрировано более десятка могильников, в каждом из них насчитывается

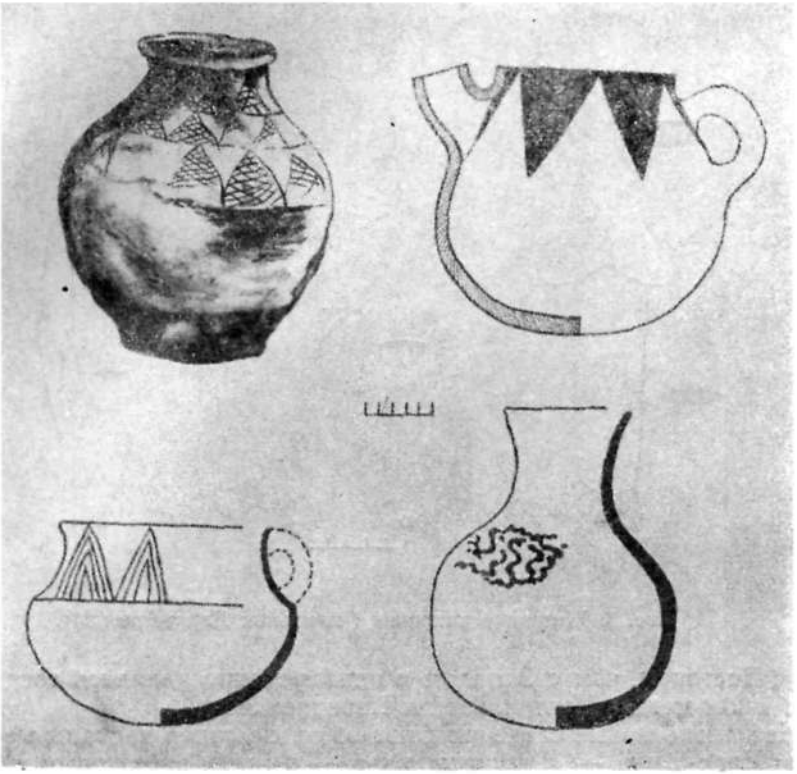

Рис. 4. Расписная глиняная посуда (могильники Кайрак и Джал-Арык II).

от 200 до 900 курганов. В результате многолетних археологических раскопок в восьми могильниках (Акчий-Карасу, Кара-Тектир, Джал-Арык, Боз-Тюбе, Торкен, Айгыржал, Алмалуу, Кызыл-Джазы) выборочно раскопано свыше 500 курганов, что составляет 5—10% от общего количества курганов в каждом могильнике[1]. Такие древние кладбища впервые исследованы на Тянь-Шане.

---

[1] И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 109—123; П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. Н. Кожемяко, И. Кожомбердиев. Археологические исследования Института истории АН Киргизской ССР. АО 1966 года. М., 1967, стр. 340—341; А. К. Абетеков, П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. Н. Кожемяко, И. Кожомбердиев, М. Б. Юнусалиев. Археологические работы в Киргизии. АО 1967 года. М., 1968, стр. 358—359; И. Кожомбердиев. Работы в зоне водохранилища Токтогульской ГЭС. АО 1969 года. М., 1970, стр. 423—433; И. Кожомбердиев. Новые данные могильника Акчий-Карасу. АО 1973 года. М., 1974, стр. 529—530.

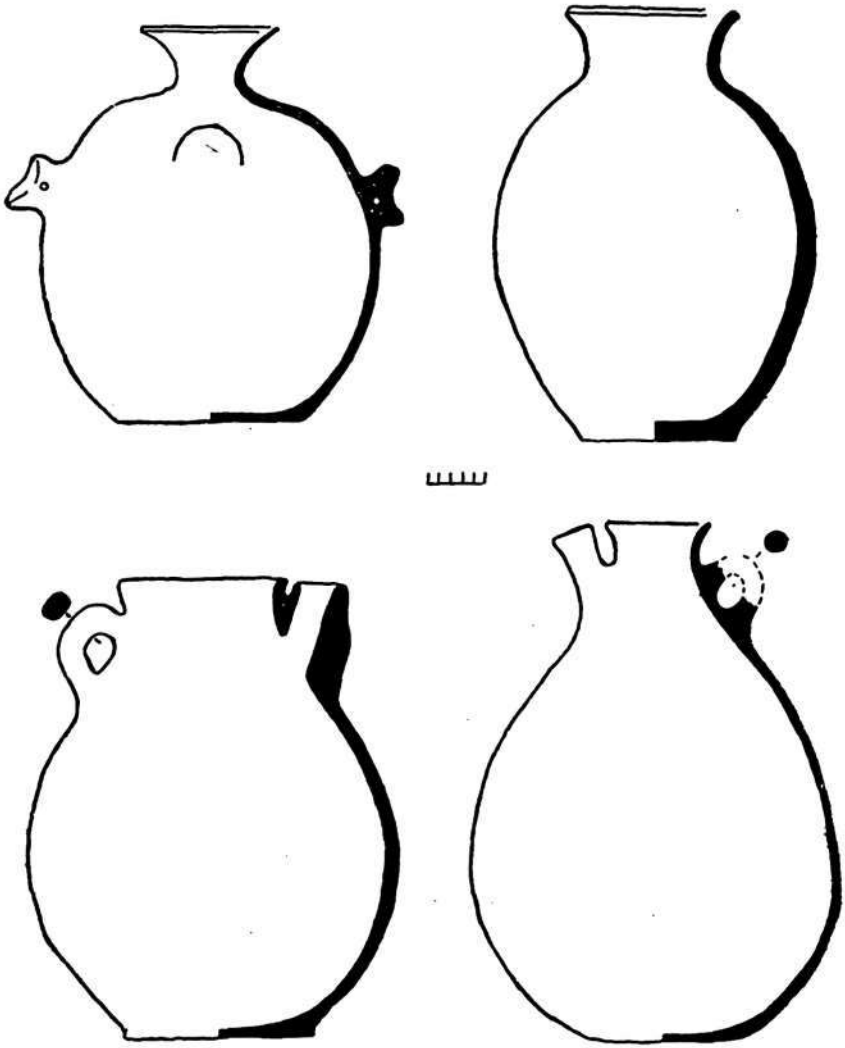

Рис. 5. Глиняная посуда (могильник Джал-Арык II).

Могильные сооружения состоят из погребальной камеры — катакомбы и подводящего коридора — дромоса, расположенного перпендикулярно к длинной оси катакомбы. Погребенные лежали на земляном полу, в разборном арчовом гробу или на арчовом ложе. Многие курганы отличаются большими размерами и богатством вещественного инвентаря, что свидетельствует о высоком общественном положении умер-

шего. Это могилы социальной верхушки, вероятно, военачальников. В них чаще встречаются различные виды оружия. Необходимо отметить необычайную устойчивость погребального обряда. Подавляющее большинство курганов оказались разграбленными, но несмотря на это, в них сохранилось множество предметов материальной культуры.

Весьма примечательной особенностью некоторых катакомбных захоронений является наличие на лицах умерших погребальных масок из листового золота. Подобный ритуал представляет новое явление в культуре кочевников Тянь-Шаня.

Накоплен богатый вещественный материал, во много раз превышающий по объему информации те данные, которыми располагала археология ранее. Значительную часть (более полусотни предметов) составляют украшения полихромного стиля — серьги, перстни, бляшки, медальоны, подвески, инкрустированные драгоценными камнями. Мастера-ювелиры искусно обрабатывали золото, серебро и различные камни, используя прием инкрустации, зернь, филигрань и штамповку. Эта же техника широко применялась при изготовлении предметов украшения из бронзы и серебра. Техника инкрустации и зерни не являлась чем-то новым в рассматриваемое время, она была известна в долине еще в искусстве саков.

В научной литературе существуют различные мнения о происхождении и распространении украшений полихромного стиля. Для выявления их истоков необходимо установить местные особенности предметов украшения и выделить среди них отдельные стилистические группы.

Судя по раскопочным материалам, у кочевников весьма почетное место занимали предметы вооружения. Наиболее массовыми находками являются наконечники железных стрел — трехлопастных и трехгранных. По своей форме они очень близки к центральноазиатским наконечникам. Лук сложносоставной, с костяными накладками, длиной 140 — 165 *см*. Встречаются железные мечи, в основном длиною от 80 до 100 *см*, двулезвийные, с узким и широким клинком и прямым перекрестием. Попадаются однолезвийные палаши длиной более метра и наконечники копий небольших размеров.

Из доспехов впервые найдены многочисленные фрагменты железных кольчуг, панцирей и щитов. Палаши, копья, железные кольчуги, панцири, обнаруженные в долине Кетмень-Тюбе, являются одними из наиболее ранних и редких находок подобного типа на территории Средней и Центральной Азии.

Прикладное искусство представлено несколькими очень интересными образцами, в числе которых скульптурные фигурки горного козла из бронзы, горного барана из глины, вырезанные из листового золота изображения оленя и собаки (?), головка дракона из серебра. Очень своеобразны обнаруженные в нескольких захоронениях фрагменты стеклянных сосудов[1] и целый стеклянный бокал с орнаментом римского про-

---

[1] И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу..., стр. 115.

исхождения. В большом количестве найдены бусы из стекла, встречаются бусы из горного хрусталя, белого халцедона, сердолика, гранита, янтаря, гешира и т. д. В культуре катакомбных погребений много сходства с культурой погребений Северного Причерноморья[1], например, характер могильного сооружения (наличие катакомб и подбоев, деревянных гробов) и близость антропологического типа погребенных (деформированные черепа). На культурные связи указывает также большой археологический подъемный материал: многочисленные золотые ювелирные изделия, различных форм серьги, перстни, бляшки с инкрустацией и зернью, маски из листового золота и предметы вооружения (железные наконечники стрел, палаши, мечи, панцири и кольчуги), а также различный бытовой инвентарь (бронзовые пряжки с инкрустацией и зернью, серебряная ложка, бусы и т.д.). Наличие подобного материала объясняется, очевидно, не только гуннскими передвижениями, но и историей кочевых племен Тянь-Шаня.

Найденный при археологических раскопках инвентарь свидетельствует о тесных и непосредственных связях населения Тянь-Шаня с соседними народами Средней и Центральной Азии, отражает сходство жизненного уклада кочевников. Оно проявляется в покрое одежды, в форме сосудов, деревянных столиков, бронзовых и железных котлов, художественных изделий и особенно в предметах вооружения[2].

Установление связей Тянь-Шаня с Центральной Азией и Восточной Европой имеет большое научное значение в выяснении важнейших периодов исторического процесса на огромной территории, обусловленного массовым переселением народов с востока на запад на рубеже и в первой половине I тыс. новой эры.

Вопрос об этнической принадлежности погребенных в катакомбных захоронениях все еще остается дискуссионным. Некоторые исследователи считают их гуннами, другие связывают с местным автохтонным населением. Введение в научный оборот новых материалов, накопленных за последние годы археологической наукой, внесет некоторую ясность в этот сложный вопрос.

Археологические исследования показали, что обширные территории Тянь-Шаня занимали большие объединения племен, оставивших катакомбные погребения, причем район распространения их в основном совпадает с современным расселением киргизского народа.

Конструкция погребального сооружения и бытовой инвентарь, выявленные при раскопках катакомбных могильников, дают основание свя-

---

[1] И. Кожомбердиев. К вопросу историко-культурных связей Тянь-Шаня с Поволжьем-Приуральем (I—V вв.). Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969, стр. 56—57.

[2] И. Кожомбердиев. Кочевые племена I—V вв. История Киргизии, т. 1. Фрунзе, 1969, стр. 79—88; его же. Культура кочевников Тянь-Шано-Алая первой половины I тысячелетия н. э. (по материалам катакомбных курганов). Тезисы докладов и сообщений советских ученых. Душанбе, 1968, стр. 31—32; его же. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанский период. Изв. АН Киргиз. ССР, вып. 6. Фрунзе, 1968, стр. 94—96.

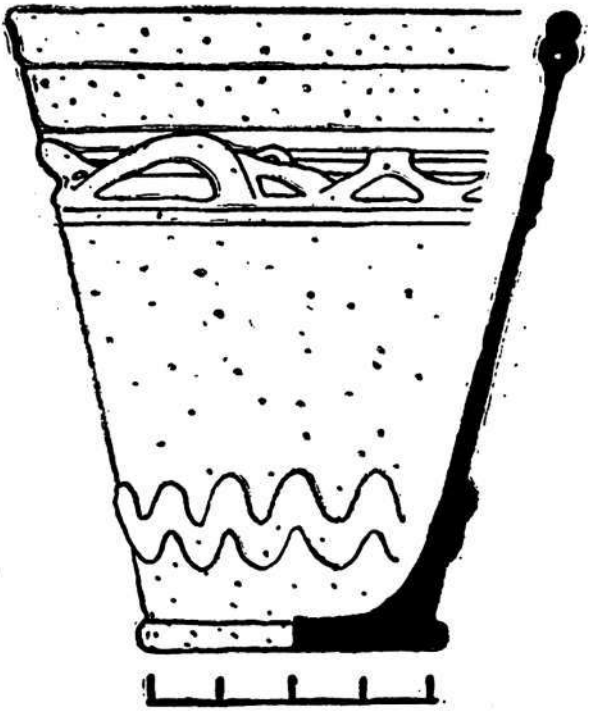

Рис. 6. Стеклянный бокал (могильник Джал-Арык).

зывать с данным периодом формирование наиболее ранних исторических предков современных киргизов и становление их культуры, отражающей кочевой образ жизни. В катакомбной культуре мы находим сходство с культурой киргизов (деревянные столики, посуда, колыбель— *бешик,* кнут, покрой одежды, орнамент, железное тесло — *керки,* ювелирные изделия с инкрустацией и зернью и т. д.).

Тюркское время (VI—VIII вв. н. э.). Курганов этого времени в долине раскопано немного. Поэтому мы довольствуемся пока лишь самыми общими представлениями о памятниках VI—VIII вв. н. э. и о населении, оставившем их. В могильнике Теке-Таш и Джаныш-Булак вскрыто по одному кургану (В. П. Мокрынин, А. К. Абетеков) — погребения с конем. Аналогичные курганы, по рассказам строителей, обнаружены в районе Толука. По одному кургану тюркского времени нами раскопано в могильнике Джал-Арык II и на перевале Беш-Таш[1]. Ос-

[1] Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 79, 89.

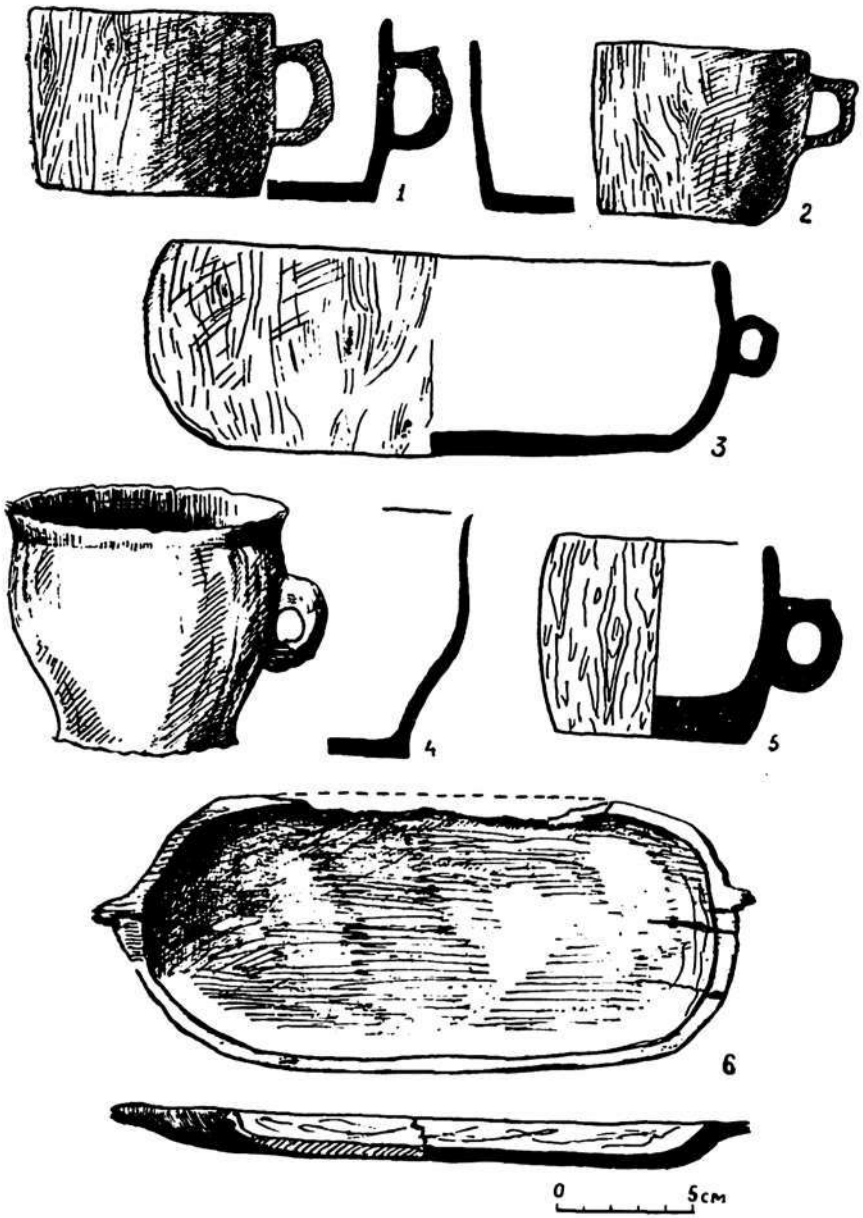

Рис. 7. Деревянная посуда (могильники Торкен и Қара-Тектир).

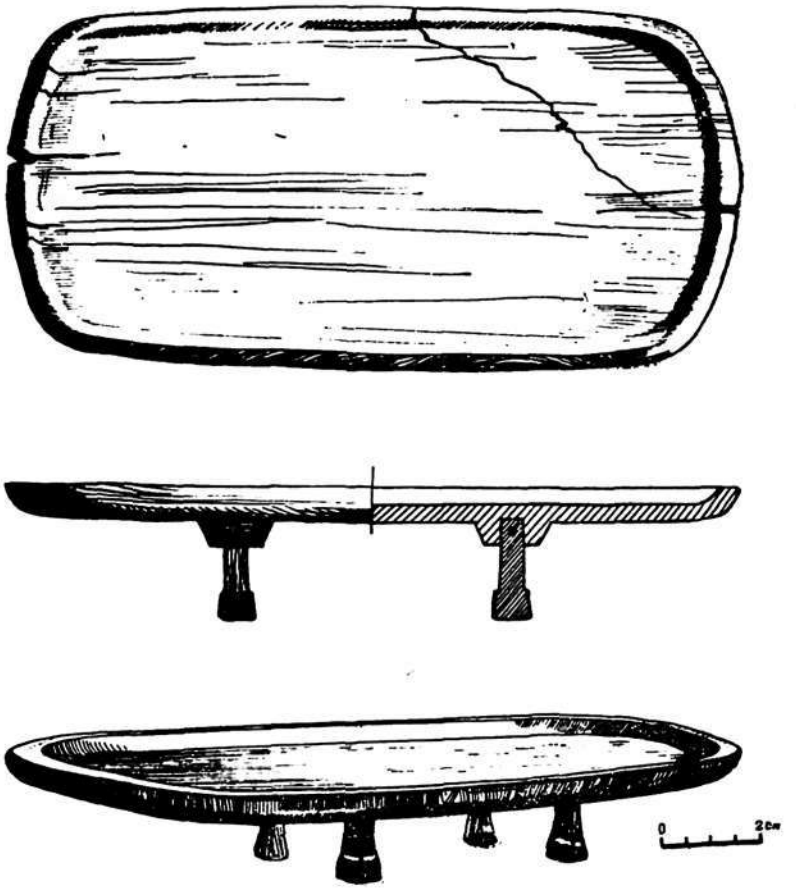

Рис. 8. Деревянный столик (могильник Алмалуу).

новным археологическим материалом их являются железные удила, стремя, глиняный сосуд, золотая бляшка на бронзовой основе, железные и костяные пряжки. К интересным находкам относятся два каменных изваяния, обнаруженные в ущелье Кишен-Сай и Бала-Чычкан[1].

Оседлые поселения в долине Кетмень-Тюбе известны с эпохи бронзы. Поселения эпохи сакского и гуннского времени специально не изучались. Однако обнаруженные отдельные глиняные хумы в насыпи сакских курганов и в катакомбных погребениях, а также многочисленная керамика из поселений вблизи могильника Алмалуу на

[1] В. П. Мокрынин. Первые находки древнетюркских каменных изваяний в Кетмень-Тюбе. АО 1969 года. М., 1970, стр. 209—210.

территории Торкена аналогичны глиняным сосудам из катакомбных захоронений Кетмень-Тюбе, что, несомненно, свидетельствует о существовании оседлых поселений в этот период. Массовое появление оседлых поселений в долине относится к средневековью (зарегистрировано около 30 оседлых поселений). Все они в принципе однотипны — подчетырехугольные в плане, имеют оборонительные стены с башнями, крепостные ворота, ров и отличаются лишь размерами.

Исследованием оседлых поселений долины в разные годы занимались А. Н. Бернштам, П. Н. Кожемяко, И. Кожомбердиев, Е. З. Зауров, Н. Г. Галочкина.

Наиболее изученным из поселений является городище Ничке-Кодуль, относящееся к X—XII вв. В 1958—1959 гг. на городище был заложен раскоп площадью 1200 *кв. м*. Было вскрыто более 50 помещений (стены местами сохранились на высоту от 1 до 4 *м*), сложенных из сырцового кирпича. Стены помещений покрыты штукатуркой, поверх которой нанесена алебастровая обмазка белого цвета. Местами на алебастровом покрытии видны следы росписи красной и черной краской. Судя по ним, роспись здесь представляла собой растительный орнамент. Отдельные помещения, очевидно, имели парадно-официальное назначение. Интерьер их оформлен расписными алебастровыми стенами и фигурным жженым кирпичом. В 17 комнатах полы вымощены жженым кирпичом в виде «паркета». При расчистке одного из помещений найден целый панцирь, сделанный из железных пластинок, скрепленных между собой специальными заклепками в виде гвоздиков. Рядом с этим панцирем лежал железный нож, наподобие кинжала. Под полом другого помещения обнаружено зернохранилище, в нем находилось три больших хума с остатками шелухи проса. Хумы были закрыты плоскими камнями. В помещениях множество изделий из стекла, неполивная и поливная керамика, железные наконечники стрел, наконечник копья, ножи и т. д. Обнаружено несколько монет с арабскими надписями. По определению О. И. Смирновой, монеты представляют собой фельс саманидов Нуха ибн Мансура, чеканены в Бухаре в 377 г. (987—988 гг.). Выявлены планировка жилых помещений, устройство фортификационных сооружений, стен и башен.

Городище Акчий — архитектурный комплекс дворцового типа, состоящий из 19 помещений, относится к XIV—XV вв. Интерьеры помещений покрыты полихромной росписью и резьбой по ганчу и глине. Жилые комнаты снабжены обогревательными устройствами — канами. Обнаружены прекрасные образцы поливной керамики с черно-голубой гаммой орнаментации и кашиной керамики с кобальтовой росписью. Весьма примечательны сохранившиеся на стене эпиграфические арабские надписи и орнамент в виде «Кочкор-Муйуз». В результате многолетнего изучения городища получены ценные данные об архитектуре и декоративном искусстве средневековья. Известны случайные находки резных обожженных глиняных плиток, служивших для облицовки дворцов, мавзолеев и других зданий той эпохи. Судя по археологическому материалу, в долине Кетмень-Тюбе в средние века строительное дело

достигло довольно высокого уровня. В архитектурных комплексах сооружений по среднеазиатскому образцу ремесленники-строители широко использовали в оформлении интерьера всевозможные узоры, составленные из геометрического и растительного орнамента, витиеватых арабских надписей и т. д. Очевидно, население Кетмень-Тюбинской долины было связано с населением Средней Азии не только общностью территории, но и общностью экономической и культурной жизни.

Подводя итоги археологических исследований долины, следует прежде всего отметить насыщенность ее разновременными памятниками материальной культуры, позволяющими проследить почти непрерывную связь древнего населения Кетмень-Тюбе (начиная с эпохи бронзы и почти до позднего средневековья) с жителями окружающих территорий, в частности, культурных центров Средней и Центральной Азии, а также Восточной Европы.

Археологические памятники Кетмень-Тюбинской долины приобретают ключевое значение в разработке ряда проблем древней истории Средней и Центральной Азии, Казахстана и в определенной степени Восточной Европы.

Нашивная бляха с изображением человека. VI—IV вв. до н. э. Могильник Джалпак-Таш.

Золотая фигурка льва VI—IV вв. до н. э. Могильник Джал-Арык II.

Золотая серьга с изображением соколов. VI—V вв. до н. э. Могильник Сары-Джон.

Золотая фигурка тигра. VI—V вв. до н. э. Могильник Акчий-Карасу.

Золотая фигурка петуха. VI—V вв. до н. э. Могильник Кайрак.

Нашивная бляха с изображением птицы. V—IV вв. до н. э. Могильник Джалпак-Таш.

Золотая бляха с инкрустацией зернью.
VI—IV вв. до н. э. Могильник Акчий-Карасу.

Золотые орнаментированные накладки.
VI—IV вв. до н. э. Могильник Акчий-Карасу.

Золотое украшение с изображением мифического лица.
V—IV вв. до н. э. Могильник Кечу.

Золотые серьги. Могильник Алмалуу.

Олень из листового золота.
III—V вв. Могильник Акчий-Карасу.

Золотая серьга.
III—V вв. Могильник Торкен.

Золотые серьги.
III—V вв. Могильник Алмалуу.

М. Б. Юнусалиев

Палеолитические разведки в Кетмень-Тюбинской котловине

В 1973 г. палеолитическая группа Токтогульской экспедиции произвела большие по объему разведочные работы в Кетмень-Тюбинской долине с целью обнаружения здесь стоянок и местонахождений каменного века. Необходимость таких работ вызывалась тем, что в археологической литературе бытовало мнение о заселенности этого района не ранее неолита (V—IV тыс. до н. э.).

Котловина Кетмень-Тюбе входит в общую систему Тянь-Шаньского высокогорного региона, хотя имеет ряд специфических особенностей. Здесь отложения среднеплейстоценового Ташкентского комплекса (Q_2) образуют высокие (от 80 до 200—300 *м*) древние речные террасы. Как правило, это 4, 5, иногда 8-я террасы[1]. Количество их, обычно плохо сохранившихся, колеблется от двух до пяти-шести. Все террасы вложены в коренные, в основном палеозойские, породы и представлены маломощными аллювиальными конгломератами, порой несущими на себе покров сохского этапа (Q_2), образованного мощными конгломератами — до 100 *м* и больше. Террасы снижаются по течению рек более или менее равномерно.

В Кетмень-Тюбинской межгорной впадине четвертичные террасы сильно расширены и часто сливаются, причем они вложены в мезозойские и третичные отложения и даже в конгломераты сохского комплекса (Q_1). В низких местах впадины четвертичные отложения приобретают покровное залегание, здесь значительное развитие получает лесс.

Ниже дается характеристика разведочных исследований палеолитической группы.

1. Маршрут аил Арал — на выходе р. Чичкан из ущелья. Осмотрен левый борт р. Чичкан — низкие двух-трехнадпойменные террасы. Это типичные аллювиальные террасы с очень незначительным покровом суглинка. В разных местах террасы найдено несколько нуклевидных обломков и один хорошо выраженный отщеп.

2. Маршрут от аила Арал до пос. Боконбаевского. Проходил по террасам второго высокого уровня (Q_1 и Q_2), покрытым мощными суг-

[1] Н. П. Васильковский. К возрастному расчленению четвертичных отложений Северо-Восточного Узбекистана. Тр. Ин-та геологии АН Узб. ССР, вып. 6. Ташкент, 1951, стр. 26—27.

линками. Галечники здесь обнажаются только по краям. Как и в предыдущем случае, имелись лишь отдельные находки, среди них один отщеп.

3. Маршрут по левому берегу р. Нарын от источника Байыш-Булак до местности Тегерек-Джар. Осмотрены источники, а также низкие (Q_3) уступы адыров. У источника Байыш-Булак найден отщеп. Не дал положительных результатов и маршрут в горы Кочкор-Тюбе (западная часть долины перед выходом в Токтогульскую щель). Пещера Чон-Ункур оказалась небольшой щелью, заполненной мелкой щебенкой.

4. Маршрут от моста через р. Нарын до р. Уч-Терек по правому берегу Нарына. Здесь соленосная третичная толща частично растеррасирована и на склонах террас имеются высыпки галечника. Пройдено более 5 *км* на разных уровнях. Находок нет.

В районе впадения р. Торкент в р. Нарын на террасах Q^2_2 найдена одна небольшая кремневая пластинка неолитического облика.

5. Маршрут по разделам низкой (Q^2_3) террасы от моста через Нарын в пос. Токтогул до слияния рек Чичкан и Узун-Ахмат. Терраса сложена аллювиальными глинами и галечниками. Находок нет.

6. Маршрут по правому берегу р. Узун-Ахмат от стрелки, образованной впадением этой реки в Нарын, до аила Джоан-Арык, на разных уровнях. Находок нет. Осмотрена также пещера Джалпак-Ункур, находящаяся в известняках адырной полосы правого берега р. Узун-Ахмат. Пещера большая, удобная для обитания, но, к сожалению, пол ее каменный, на нем нет никаких отложений.

7. Маршрут по высоким террасам р. Чичкан севернее Токтогула. Здесь сложенные неогеновыми породами адыры сильно расчленены эрозией и террасированы уже в четвертичное время. Заметно несколько четвертичных уровней, наиболее низкий соответствует, по-видимому, террасе Q_3. Именно на такой террасе в небольшой впадине на высоком останце найден подпризматический нуклеус. Работа на других уровнях, в том числе многокилометровый маршрут по уровням Q_2, положительных результатов не дала.

Маршрут на стержне трех рек — Чичкан, Нарын, Узун-Ахмат — и далее до совхоза «Токтогул» по правому берегу реки Узун-Ахмат. Интересные, четвертичные отложения, по которым проходил маршрут, сложены галькой и закрыты лессовым чехлом. Материала, подходящего для изготовления каменных изделий, очень мало. Два маршрута прошли по ущелью в поисках находящихся там, по словам местных жителей, пещер. «Пещеры» оказались тремя щелями.

8. Маршрут в районе кишлака Сарыгата по обоим бортам одноименной долины. Пройдено три километра по террасам Q^2_2. Здесь обилие обломков песчаников диоритовых пород. Террасы имеют хорошие площадки, но сильно наклонены к реке. Как и везде в Кетмень-Тюбинской котловине, хорошего материала для изготовления орудий здесь мало.

9. Разведочный маршрут от восточной окраины кишлака Ничке до с. Боконбаевское. Осмотрен интересный район средне- и позднечетвер-

тичных отложений р. Кара-Булак на выходе ее из ущелья. Террасы правого борта р. Кара-Булак слабо задернованы и покрыты довольно тонким слоем суглинка. Материала, пригодного для изготовления орудий, нет. Район гряды Ак-Тектир для поисков каменных изделий не пригоден.

10. Исследование района собственно Кетмень-Тюбе на левом берегу р. Нарын от ДЭУ до Уч-Терека. Осмотрены две «пещеры», оказавшиеся щелями. Находок нет.

11. Маршрут от р. Ничке-Сай вдоль новой дороги до кишлака Торкен. Интересен район соединения рек Торкен и Нарын у кишлака Уч-Терек. По правому борту Торкент-Су хорошо выражены террасы Q_2, к сожалению, сплошь засеянные пшеницей.

12. Маршрут от кишлака Торкент до колхоза им. Шопокова, с. Советское и далее — до нового моста. Район для поисков памятников каменного века неперспективен.

13. Маршрут по обоим бортам р. Ничке-Сай у выхода ее из ущелья в долину Нарына. Находки из камня обнаружены у самого выхода реки на правом борту. В непосредственной близости от местонахождения их источник (рис. 1). Палеографическая обстановка интересна близостью источника холодной пресной воды, далее на восток за грядой Шамшикал ее уже нет из-за крупных выходов соли. Изделия из местонахождения Ничке-Сай сделаны из одного кремнистого материала, очень окатаны, переотложены.

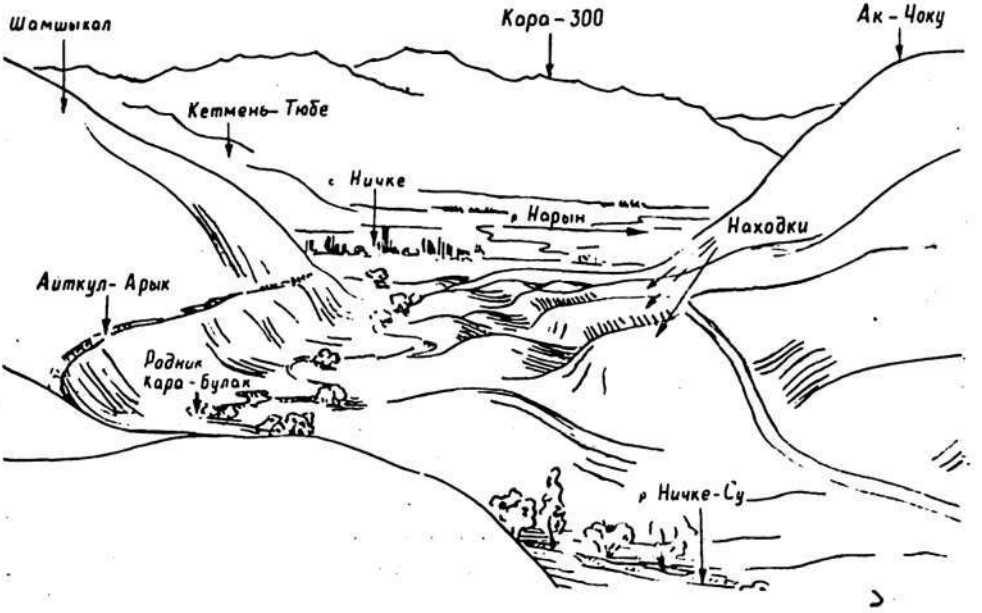

Рис. 1. План местонахождения Ничке-Сай.

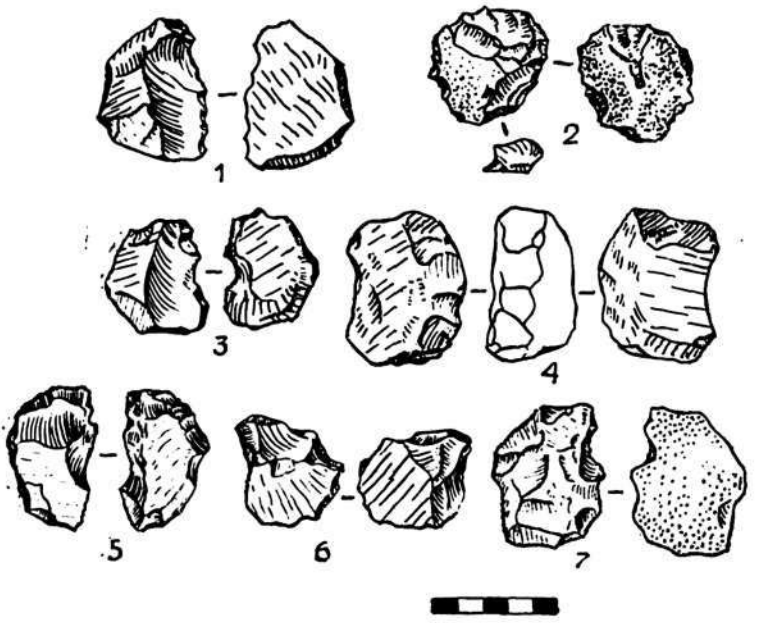

Рис. 2. Каменные изделия из местонахождения Ничке-Сай.

Скребковидное орудие. Размеры: 4,7х5,2х2,2 *см*. Ударная площадка массивная, архаичная — 2,5х1,7 *см*. Вторичной обработкой охвачена вся краевая площадь брюшка. На 1/3 брюшка сохранена валунная корка. Орудие имеет второе назначение — проколка (рис. 2, *2*).

Двухстороннее скребковое орудие, массивное, размеры: 6,0х4,9х4 *см*, с двумя обработанными краями. Один край вогнутый, другой выпуклый (рис. 2, *1*).

Остальные изделия из местонахождения представлены сколом с нуклеуса и несколькими невыразительными отщепами.

14. Маршрут в район Озгоруш, кишлак Чопке и далее по ущелью хребта Тулук. Здесь обнаружена пещера Баратай-Ункур. Она нависает над урезом р. Кен-Тулук на 45—50 *м*. Перед пещерой очень удобная ровная площадка длиной 22 *м*, шириной 17 *м*, «прикрытая» с боков скалой. Сама полость пещеры просторная. Размеры: длина 18,4 *м*, наибольшая ширина 7,3 *м*, максимальная высота 8,7 *м*. Пол ровный, большей частью без отложений, перед входом в пещеру резко понижается, образуя площадку с отложениями на другом уровне. Как показал небольшой контрольный шурф, древний вход был гораздо шире. Размеры современного входа в пещеру: длина 1,3 *м*, высота 1,1 *м*. По-видимому, древнейшие поселенцы освоили площадку перед пещерой, в самой пещере скрывались в непогоду и стужу.

Стационарные исследования на Баратай-Ункуре чрезвычайно перспективны, так как археологам уже известны очень интересные палеолитические пещерные памятники в этом богатом известняками районе (Обирахмат, Таш-Кумыр).

Таким образом, региональные палеолитические разведки, охватившие всю долину Кетмень-Тюбе, показали, что этот район был освоен уже 20—25 тысяч лет тому назад, в верхнепалеолитическое время, а не в неолит, как предполагалось ранее. Более интересным в смысле археологии палеолита в результате разведочных маршрутов представляется нам район Сарыгата-Озгоруш, где четвертичные отложения сохранены и развиты лучше. Здесь мягче климат, больше источников и рек, район вплотную примыкает к области хорошо развитых известняков, где древнейшие охотники и собиратели могли осваивать многие известняковые полости.

Открытые палеолитические памятники — новая страница в древнейшей истории Кетмень-Тюбе и Киргизии в целом.

Н. Г. Галочкина

Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы

С 1968 г. изучение памятников бронзового века было включено в программу работ Кетмень-Тюбинского археологического отряда Института истории АН Киргизской ССР.

В течение четырех полевых сезонов (1968—1969 и 1972—1973 гг.) автором осуществлялись раскопки могильника эпохи бронзы Джазы-Кечу, расположенного в 1,5 *км* от перевала Кок-Бель на пологих склонах гор Кочкор-Дюбе, по обеим сторонам дороги Фрунзе—Ош.

В течение четырех сезонов здесь вскрыто 55 оградок, из них 31 имели пристройки. В общей сложности раскопано 80 таких пристроек. Всего нами изучено 125 погребальных сооружений эпохи бронзы.

В литературе уже сообщалось о результатах раскопок в течение двух полевых сезонов (1968—1969 гг.)[1]. Раскопочные работы следующих двух сезонов позволили уточнить планировку ряда оградок, наметить границы могильника, частично выяснить его планировку, а также дали дополнительный вещественный материал.

Вновь вскрытые оградки и пристройки по своей конструкции аналогичны уже исследованным. В результате сплошного вскрытия участков вокруг оградок 1, 2, 5, 7, 13, 17, 24, 26, 30, 31, 32, 43, 57 и дополнительного исследования территории вокруг оградок 4, 11, 14, 15, 16, 18, 49, 59, 67 уточнена их структура. Считавшиеся одиночными оградки 4, 13, 16, 26, 30, 31, 35, 39, 67 оказались сложными по очертаниям планов кладок.

У оградки 4 пока вскрыта одна большая пристройка, но не исключено, что она не единственная. У оградки 11 обнаружено три пристройки, они могут быть и с восточной, плохо обследованной, стороны. У оградки 13 расчищены еще одна большая и шесть маленьких пристроек. Считавшаяся самостоятельной оградка 16 оказалась пристройкой к большой оградке. Рядом с оградкой 26 вскрыто еще четыре. У оградок 30 и 31 обнаружено соответственно по три и две пристройки, у оградки 35 — три, у оградки 39 — одна большая и шесть маленьких, у оградки 67 — одна, но могут быть и еще.

Таким образом, число одиночных оградок заметно сократилось и,

[1] И. Кожомбердиев, Н. Галочкина. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. В сб.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. I. Л., 1972, стр. 39.

Рис. 1. Общий вид оградки 35.

наоборот, количество сложных по конструкции оградок увеличилось — с семи до шестнадцати.

Дополнительные вскрытия в западной части участка могильника с погребениями эпохи бронзы показали, что здесь преобладали оградки с пристройками — из 14 оградок 9 имели пристройки, из них 4 — по одной, 5 — от двух до семи (рис. 1).

Оградки с большим количеством пристроек на этом участке находятся на меньшем расстоянии друг от друга (2—3,30 *м*), чем одиночные или имеющие по одной пристройке (4,60—8 *м*).

Все вновь вскрытые пристройки по строительному материалу, технике кладки, очертаниям плана, размерам и конструкции устроенного в них углубления аналогичны уже вскрывавшимся, обобщенное описание которых нашло отражение в литературе.

Наличие большого числа оградок с пристройками является одной из особенностей могильника эпохи бронзы Джазы-Кечу. Прямые аналогии им есть в могильниках Таласской долины Таш-Тюбе II, Беш-Таш[1], Ку-

[1] П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии..., Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 81—102.

лан-Сай и Кызыл-Сай[1] а также в Арсифском могильнике Ферганской долины[2].

О назначении пристроек пока трудно сказать что-либо определенное. Только в двух маленьких пристройках были найдены кости от захоронений: в одном случае фрагмент кости детского черепа (пристройка к оградкам 3 и 6), в другом — мелкие обломки костей взрослого человека (пристройка 1 к оградке 35). В пристройке к оградке 44 найдены бронзовая серьга и сосуд. В остальных случаях в пристройках либо ничего не найдено, либо в них находились сосуды (от одного до двух).

На основании этих фактов мы склонны рассматривать пристройки в качестве места для захоронений (детских и взрослых), хотя не исключено, что часть из них была ритуальным сооружением. К таковым в первую очередь, видимо, следует отнести пристройки, в которых отсутствуют могильные ямы.

В основных оградках могилы грунтовые. Только шесть из 57 имеют каменную кладку. У десяти могил хорошо сохранилась каменная кладка в 1—3 ряда по верхнему краю ямы. Иногда можно только предполагать, что когда-то края еще нескольких могил имели кладку из уложенных в один ряд очень крупных камней, из которых уцелели лишь единичные. Такой же прием обкладки края ямы, но из более мелких камней, встречается и в некоторых пристройках (рис. 2).

От самых перекрытий ям ничего не сохранилось. О том, что они сверху могли закрываться каменными плитами, свидетельствуют остатки большой каменной плиты, лежавшей поверх могилы в оградке 51, единичные камни над могилами в оградках 54 и 61 и перекрытые тонкими каменными плитами три углубления в пристройках к оградкам 15 и 35. Наблюдения за остатками кладок, будь то стенки оградок, обкладка верха или стенок могильной ямы, говорят о наличии у людей, оставивших могильник, хороших строительных навыков.

Четыре сезона работ на могильнике не дали положительных антропологических результатов. Плохая сохранность костяков не позволяет судить о способе захоронения, ориентации погребенных и их физическом типе.

Ясно, что сосуществовали два обряда — сожжение и трупоположение. Подтверждается это следующими фактами: оградки с остатками трупосожжения (их четырнадцать) не отличаются ни по конструкции, ни по инвентарю, ни по расположению в рядах могил от оградок с трупоположением (их шесть).

Отсутствие же в большинстве могил человеческих останков вынуждает нас склониться к мысли о преобладании трупосожжения: мелкие человеческие кости могли окончательно разрушиться в результате ограбления могил. Трупоположение было скорченным. Об этом можно су-

---

[1] Могильники Кулан-Сай и Кызыл-Сай И. Кожомбердиев исследовал в 1957 г.

[2] Ю. Ю. Пиотровский. Отчет об исследованиях Арсифского могильника в 1973 г. Научный архив Ферганского краеведческого музея. Шифр: ФАЭ 72, НА 465 и НА 466.

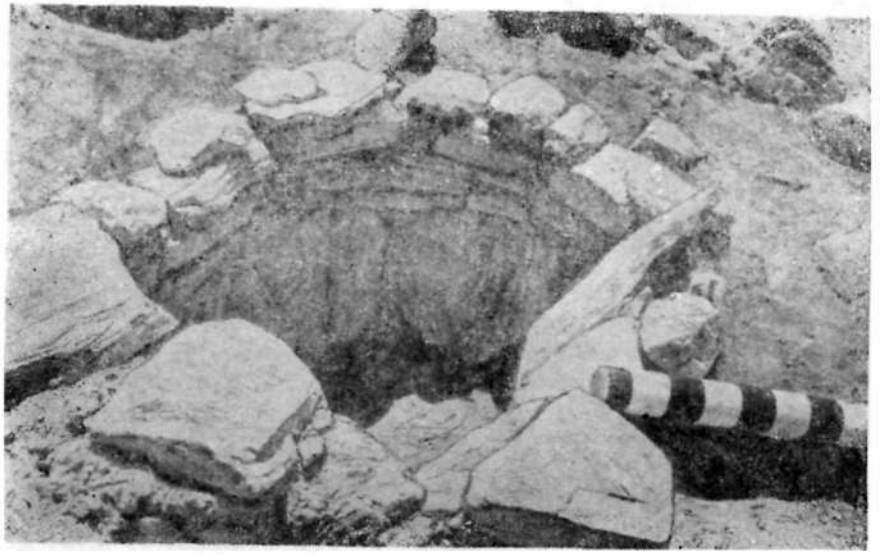

Рис. 2. Каменная кладка стен могильной ямы.

дить по положению остатков костяков в могилах оградок 11/1, 42 и 71. Погребальный инвентарь представлен в основном керамикой (рис. 3—4). Только в двух погребениях сохранились бронзовые предметы: игла (найдена в засыпи могилы оградки 60) и серьга (обнаружена в углублении пристройки к оградке 44).

Из могильных ям оградок, из задернованного слоя внутри них или за их пределами, из углублений в пристройках за четыре сезона получено 90 целых и фрагментированных сосудов.

В могильных ямах основных оградок встречалось от одного до пяти сосудов. В результате наблюдений можно сделать вывод, что их ставили вдоль северной, северо-восточной или юго-западной стенок ямы и в западном углу.

В пристройках сосуды обнаружены либо в центре углубления, либо у западной стенки, встречены также в северо-восточной части, южной, в северо-западной и юго-западной. Но независимо от стороны сосуды располагались именно в той части углубления, которая была ближе к кладке основной оградки. Это отмечено в 18 случаях из 29 известных.

Полученный комплекс керамики позволяет считать его хронологически единым. Сосуды все горшкообразной формы, плоскодонные, асимметричные, с плавной линией перехода от венчика к тулову. Лишь у пяти сосудов в последнем случае есть четкий уступчик.

Тесто с примесью дресвы, разной степени обжига, с серовато-коричневатым цветом поверхности. Только шесть целых и фрагментарных со-

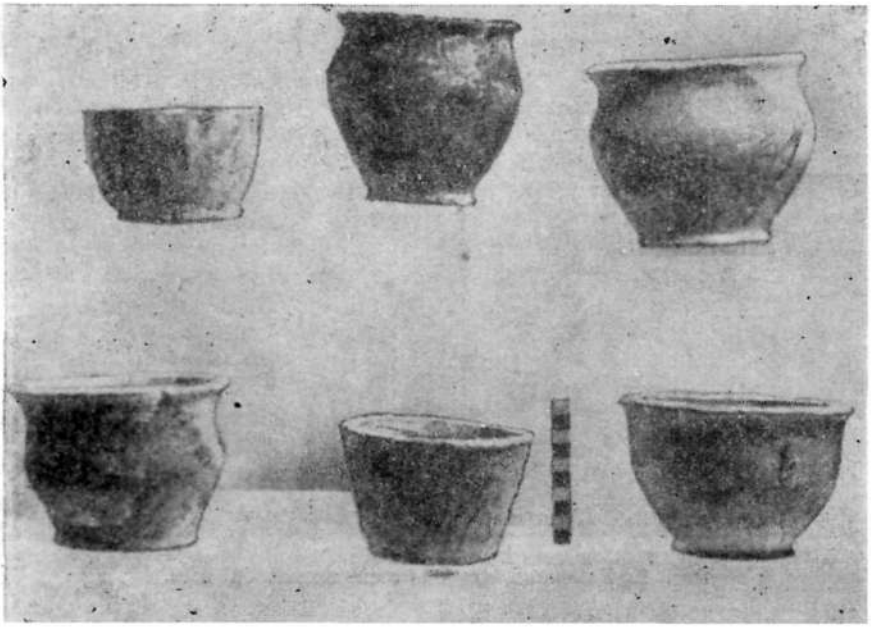

Рис. 3. Неорнаментированная керамика.

судов имеют черный цвет теста и внешней поверхности, встречены они в могильных ямах основных оградок и в пристройках вместе с сосудами серовато-коричневого цвета. Есть сосуды со следами сильной закопченности. У двух фрагментарных сосудов на стенках имеются отверстия. Подобные сосуды использовали в быту для изготовления молочных продуктов андроновские племена Южного Урала[1].

В комплексе керамики из могильника Джазы-Кечу преобладают неорнаментированные сосуды. Орнамент имеют примерно 20 сосудов. Он выполнен довольно небрежно. Чаще всего это горизонтальные ряды насечек разной формы, рисунок типа «елочки», ряды зигзагообразных линий, треугольники из насечек, заштрихованные ромбы и треугольники; углы из насечек, поставленных вершинами внутрь впереди стоящего угла. Орнаментирована, как правило, шейка или верхняя часть тулова, кое-где — край венчика и на одном сосуде — место перехода от тулова ко дну.

Сходство намеченных нами типов погребений этого могильника в устройстве, очертаниях и ориентации каменных кладок и могильных ям, правильное расположение оградок разных типов в одном и том же ряду и могил одного типа в разных рядах, единство керамического комплек-

[1] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 327.

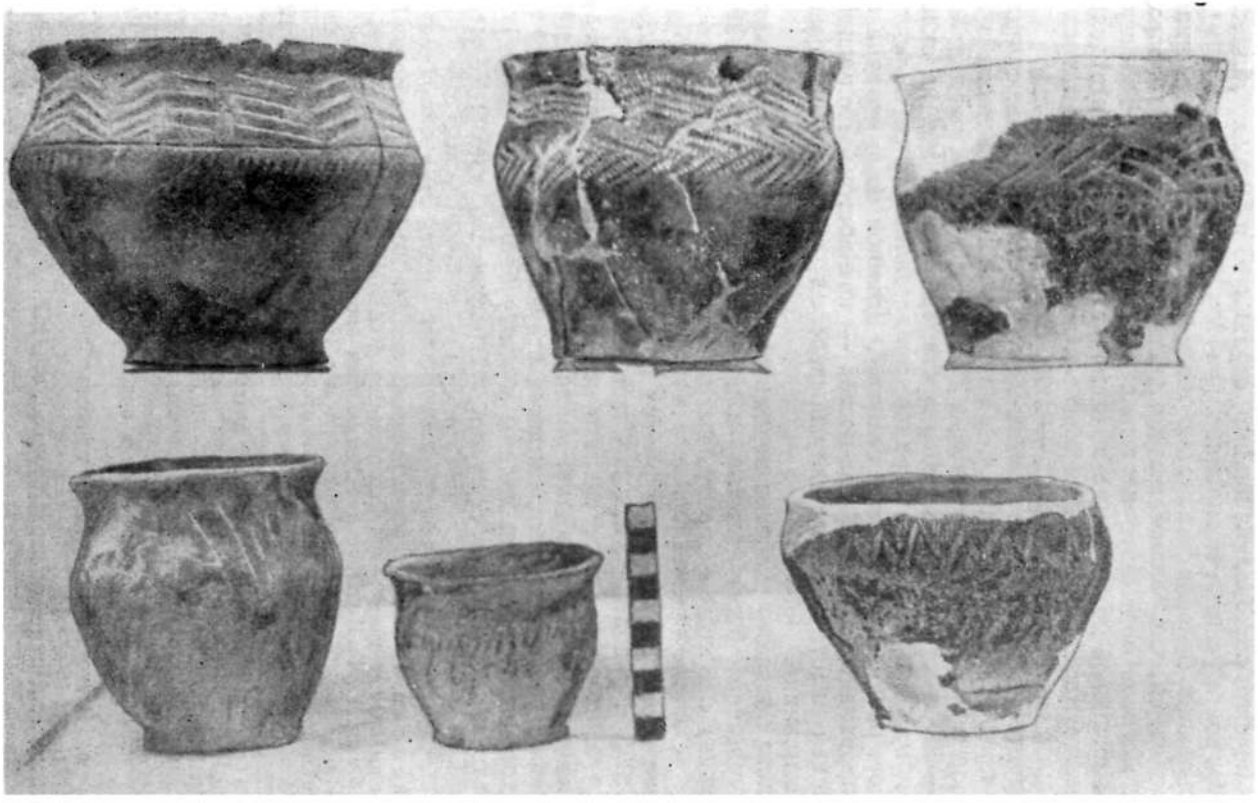

Рис. 4. Орнаментированная керамика.

са позволяют считать все вскрытые в 1968—1973 гг. погребения синхронными. Исключение составляют, видимо, оградки 45 и 52, находящиеся в южной части этого участка могильника.

На основании большого сходства рассматриваемого могильника в форме оградок, способе устройства могильных камер, сходства форм и отдельных мотивов орнамента керамики с могильниками Таласской, Чуйской, Ферганской долин[1], ряда общих черт с погребениями в долине Арпа[2], Южного Казахстана[3] и Хорезма[4] мы предварительно датировали исследованный памятник концом II — началом I тыс. до н. э.

На территории могильника Джазы-Кечу, протянувшегося с запада на восток примерно на 200—300 *м*, и первоначально вошедшего в литературу под названием «Каракмат»[5], в 1957 г. на участке, расположенном в 150—200 *м* юго-восточнее того места, где копали мы, на склоне привалков была вскрыта одна оградка, представлявшая собой «длинный коридор, разделенный на три секции»[6]. Длинной осью оградка была ориентирована по линии северо-восток — юго-восток. Полученный здесь материал идентичен материалу погребений обследованного нами участка могильника.

На основе большого сходства керамических комплексов могильника Джазы-Кечу (левый берег Нарына) и поселения Джал-Арык (правый берег Нарына) мы можем сделать вывод о сосуществовании этих памятников[7].

Наличие кроме названных и других памятников эпохи бронзы, открытых в 1973 г. в долине Кетмень-Тюбе на достаточном отдалении друг от друга, позволяет нам сделать некоторые предварительные заключения по истории этого района. У нас пока совершенно нет вещественных археологических данных, свидетельствующих в той или иной мере о типе хозяйства населения долины в эпоху бронзы. Мы можем исходить только из особенностей природно-географической среды Кетмень-

---

[1] П. Н. Кожемяко. Памятники эпохи бронзы..., стр. 84, 100; А. Абетеков. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-Сай. КСИИМК, вып. 93, 1963, стр. 93; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунов. Могильники эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 86; они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, № 3, 1957, стр. 134; Ю. Ю. Пиотровский. Памятники эпохи поздней бронзы в Ферганской долине. АО 1972 года. М., 1973, стр. 465—466.

[2] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА, № 14, М.—Л., 1950, табл. 30—31; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 29—33.

[3] А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Кара-Кудук. Тр. ИИАЭ, АН Каз. ССР, т. 12. Алма-Ата, 1961, стр. 62—66; Г. А. Кушаев. Ранние погребения в Алакульской впадине. В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, стр. 136—142.

[4] М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5. М., 1961, стр. 18—43.

[5] П. Н. Кожемяко. Памятники эпохи бронзы..., стр. 103.

[6] Там же.

[7] И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе..., стр. 39.

Тюбинской долины и опыта исследователей, занимавшихся изучением хозяйства андроновских племен и ранних кочевников на соседних и более удаленных от Киргизии территориях.

По аналогии с соседними горными районами — Таласским и Ферганским — увалы и окружающие Кетмень-Тюбинскую котловину горные хребты были широко освоены в хозяйственном отношении, видимо, только с конца I тыс. до н. э.[1] Об этом говорят многочисленные памятники — курганные могильники I тыс. до н. э.

Замкнутость горных долин, сильно расчлененный рельеф, малый снежный покров, обширные пастбищные угодья и наличие питьевой воды в источниках — все это благоприятные условия для развития как по всей котловине, так и на описываемых ее участках, в первую очередь скотоводства.

В эпоху бронзы здесь, очевидно, обитали небольшие обособленные общины. Они селились в местах, наиболее пригодных для пашни, содержания скота и охоты. Всем этим условиям соответствует участок, расположенный вокруг могильника эпохи поздней бронзы Джазы-Кечу, а также вся юго-западная, левобережная часть котловины, где отмечено наличие еще двух могильников названного времени.

Исследуемый участок в климатическом отношении наиболее засушлив, с минимальным количеством осадков, так как основная масса влаги, приносимая западными ветрами, остается на наветренных склонах Атойнакского и Ферганского хребтов. Время сохранения снежного покрова 80—100 дней в году, его средняя мощность 20—30 *см*. Характер растительности полупустынный и степной. Современный почвенно-растительный покров на этом участке имеет четыре высотных пояса: полупустынный, сухостепной, субальпийский и альпийский[2].

Если принять во внимание, что деятельность населения андроновской культуры протекала в засушливый ксеротермический период[3], то вполне допустимо, что в условиях исследуемого полупустынного участка оно не имело возможности заниматься земледелием.

Под земледелие, если таковое было, могли использоваться небольшие участки в пойме р. Нарын. Как и у других андроновских племен, земледелие, видимо, было мотыжным и носило вспомогательный характер. Не исключено наличие условий для охоты. Где-то неподалеку должны были располагаться и постоянные жилища, возможно, полуземлянки, как на правом берегу Нарына (поселение Джал-Арык), но следы их пока не обнаружены.

Основу хозяйства древних обитателей левобережной западной поймы Нарына скорее всего составляло скотоводство, а судя по качеству

---

[1] С. С. Сорокин. Древние скотоводы Ферганских предгорий. Материалы по этнографии Географического общества Союза ССР, вып. 1. Л., 1961, стр. 27.

[2] Бассейн реки Нарын (физико-географическая характеристика). Фрунзе, 1960, стр. 39—46, 220; В. М. Чупахин. Внутренний Тянь-Шань. Фрунзе, 1959, стр. 87—92.

[3] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 326—327.

пастбищ, разводили в первую очередь самых неприхотливых к корму животных — овец, коз, лошадей, верблюдов. Скотоводство носило пастушеский, затем (в начале I тыс. до н. э.) яйлажный, полукочевой характер[1]. Стада животных угонялись на длительное время на удаленные от постоянных жилищ горные пастбища.

На правобережье Нарына, более обеспеченном водой, в эпоху бронзы могло существовать земледелие. Удобны для этих целей места вдоль нижнего течения рек Чичкан, Узун-Ахмат, а также в самой пойме Нарына. Но основу хозяйства этого изолированного горного района, как и соседних предгорий Ферганской долины, составляло пастушеское отгонное скотоводство.

Судя по известному на сегодняшний день количеству памятников эпохи поздней бронзы, их расположению и размерам, можно сказать, что в конце этого периода население котловины, видимо, было немногочисленным, люди жили изолированными удаленными друг от друга общинами[2]. Однако между ними должны были существовать связи, товарообмен и, наверняка, были средства переправы через р. Нарын[3].

---

[1] К. В. Сальников. Очерки.., стр. 328, 330—334; С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. В сб.: Материалы по отделению этнографии, ч. I. Географическое общество Союза ССР. Л., 1961, стр. 2—10; Т. А. Жданко. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. СЭ, 1961, № 2, стр. 55—59.

[2] С. С. Сорокин. Древние скотоводы ферганских предгорий.., стр. 27.

[3] По этнографическим параллелям таким средством мог быть сал-плот из надутых бычьих шкур-бурдюков, который еще в начале века был единственным средством для переправы людей и грузов у горных таджиков и киргизов. См.: Т. Батыркулов. Сал на реке Вахш. «Вокруг света», 1973, № 5, стр. 59.

И. Кожомбердиев, Г. А. Помаскина

Наскальные изображения

В зоне затопления Токтогульского водохранилища, в окрестных районах Кетмень-Тюбинской долины и прилегающих горных массивах было зафиксировано два небольших скопления наскальных рисунков.

1. Нижнее течение р. Чичкан — местность Теке-Таш, у дороги Фрунзе—Ош, на 285-м километре от Фрунзе;

2. Уч-Терекский район, в 15 *км* на юго-восток от совхоза Уч-Терек— тоже Теке-Таш.

Наскальные изображения, по данным очевидцев, имеются на перевале Ала-Бель, Джаманбай, Джайлоо-Сан и в окрестностях горы Каракуль. Однако эти объекты пока не исследованы.

Наиболее богато наскальными рисунками в количественном и сюжетном планах урочище Чаар-Таш, исследованное И. Кожомбердиевым в 1970 г. Оно находится в 120 *км* на восток от райцентра Токтогул в высокогорном (около 4000 *м* над ур. м.) районе Толук в местности Улар-Тор[1]. По своей труднодоступности урочище Чаар-Таш сходно с уроч. Саймалы-Таш[2]. Оба эти района были, видимо, местом кратковременных посещений в древности.

Наскальные изображения Кетмень-Тюбинской котловины выполнены весьма распространенной, так называемой «точечной» техникой. Глубина скола незначительная — 0,5—1,5 *мм*. Встречаются рисунки, выбитые более глубокими точками с четкими ровными краями, но большая часть их отличается сильной степенью загара и стертыми почти незаметными контурами. Имеются изображения с грубыми, неровными, как бы рваными, краями и светлой тонировкой камня в местах скола.

Кетмень-тюбинские рисунки, как и наскальные изображения Тянь-Шаня, можно разделить на три основные стилистические группы, выделенные для Средней Азии А. Н. Бернштамом: силуэтная, контурная, скелетная[3]. Выделение стилистических групп позволит определить возраст рисунков с помощью аналогий и в первую очередь с датированными археологическими вещами.

---

[1] И. Кожомбердиев. Раскопки Токтогульского отряда. АО 1971 года. М., 1972, стр. 546—547.

[2] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2.

[3] Там же, стр. 56.

Вопрос о периодизации наскальных изображений остается по-прежнему одним из наиболее сложных вопросов археологии. Нам представляется, что основная часть петроглифов Кетмень-Тюбе, как и других районов Тянь-Шаня, относится к сако-усуньскому, тюркскому и еще более позднему времени. По стилю, тематике и типам рисунки Кетмень-Тюбинской долины находят аналогии в наскальных изображениях Тянь-Шаня, опубликованных А. Н. Бернштамом[1], М. Э. Воронцом[2], Г. А. Брыкиной[3], М. Е. Массоном[4] и другими авторами.

Немногочисленность рисунков при довольно большом количестве могильников кочевнического времени объясняется, возможно, отсутствием каменных завалов и каменных россыпей, на которые обычно наносились рисунки.

По всей Кетмень-Тюбинской котловине, включая и ее предгорья, нами зарегистрировано немногим более 300 рисунков, представляющих 70 сцен. Все рисунки находятся на каменных валунах.

По количеству, значимости и сюжетному разнообразию наскальных рисунков наиболее крупным объектом является Чаар-Таш.

В глубоком ущелье Улар-Тор, по левому и правому берегам реки того же названия, на протяжении более одного километра большими скоплениями лежат огромные глыбы камней с черным загаром. На гладкой поверхности их высечены рисунки. Нами найдено более 700, из которых взято на кальку или сфотографировано 238.

Рисунки находятся в хаотическом состоянии. Зависимость частоты скоплений от какого-либо фактора не прослежена. Тематической определенности также не наблюдается. Исходя из этого, мы считаем более удобным дать описание исследованных рисунков по степени встречаемости сюжетов. В рисунках Чаар-Таша, как и среди всех наскальных изображений Средней Азии, наиболее распространены изображения козлов. Они очень различны по стилю и технике скола[5].

Рис. 1. Одиночное скелетное изображение козла. При таком стиле рисунок выбивался в основном грубыми линиями, составляющими как бы скелет животного или человека. Такие изображения характерны для первой половины I тыс. н. э.[6] Рисунок козла строго профильный — видны две ноги и один рог.

---

[1] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, стр. 56.

[2] М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии. Тр. Киргиз. гос. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. Фрунзе, 1951.

[3] Г. А. Брыкина. Кайрак (галька) с тюркской писаницей из Ак-Бешима. КСИИМК, вып. 76. М., 1959.

[4] М. Е. Массон. Некоторые наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане. Тр. ИЯЛИ, вып. II. Фрунзе, 1948.

[5] При определении стиля наскальных рисунков Кетмень-Тюбинской котловины мы пользуемся терминологией А. Н. Бернштама и М. Э. Воронца относительно наскальных изображений Киргизии (см.: А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, стр. 56; М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии, стр. 76).

[6] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, стр. 65—66.

Ориентация животных совершенно беспорядочная и не поддается какой-либо систематизации, поэтому в дальнейшем при описании рисунков мы не будем акцентировать на ней внимание.

Рис. 1.

Рис. 2. Фигуры двух профильных козлов. Стиль изображения различный. Левая фигура — силуэтный козел с подогнутыми под себя ногами, с поднятой головой, как бы летящий. Правая — контурный козел с рогом, изображающим почти замкнутый круг над головой. Ноги прямые. Впечатление движения отсутствует.

Рис. 3. Многочисленные изображения козлов с самой различной ориентацией, но довольно однотипные по стилю — силуэтные и скелетные с закрученными или загнутыми над головой рогами. Большинство животных изображено в движении, как бы бегущими.

Рис. 4. Одна из сцен охоты на козлов, где на переднем плане не охотник, а козлы стоящие, бегущие или «летящие» и обязательно сопровождаемые одним или двумя знаками 0—0, вероятно, тамгой рода. Впереди изображение контурного козла (контуром даны не только туловище, но и ноги). Остальные пять козлов (один под ним, два наверху

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9

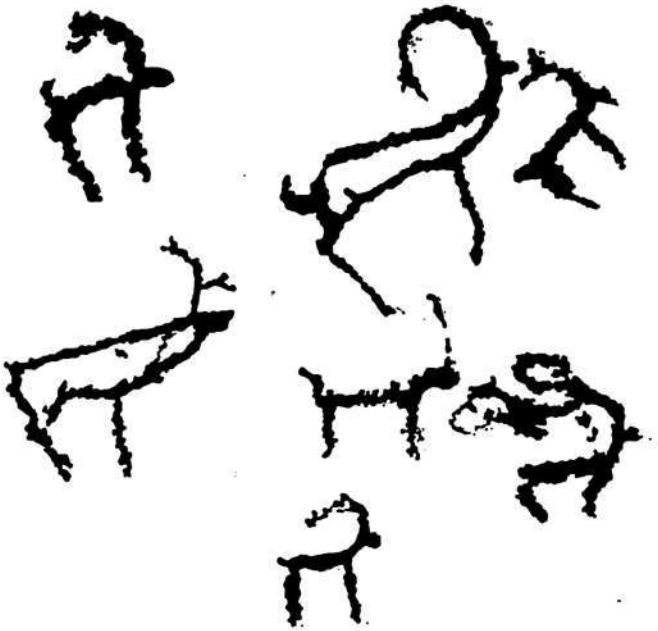

Рис. 10.

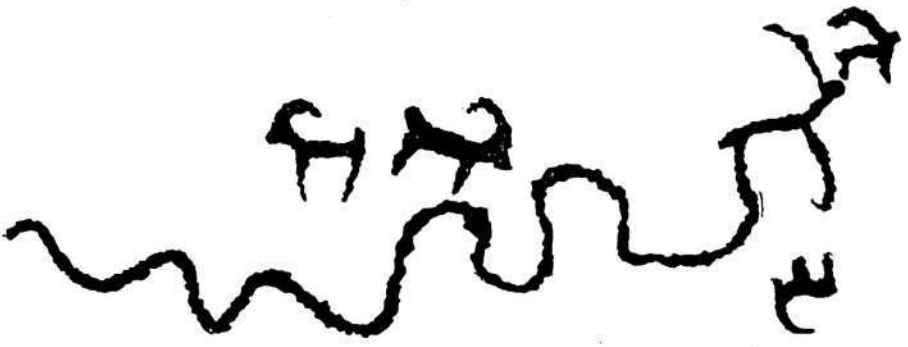

Рис. 11.

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 16.

Рис. 14.

Рис. 15.

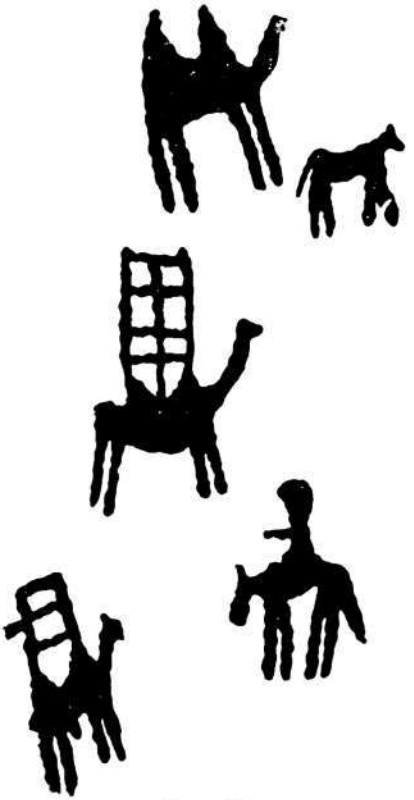

Рис. 17.

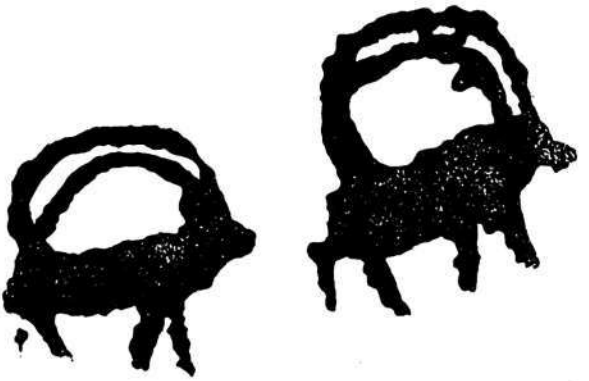

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

и два по бокам) значительно меньших размеров и менее реалистичны. С правой стороны от основного козла лучник с искаженными пропорциями тела и с направлением лука в сторону крупного козла. Венчает эту сцену знак 0—0.

Рис. 5. Сцена из 18 козлов, всадника и знака 0—0. Козлы различны по размерам, стилю изображения и ориентации. 16 из 18 козлов скелетные, профильные с чуть загнутыми над головой рогами. Внизу, по центру сцены, два козла — контурный и силуэтный. Рога их загнуты и образуют над головой почти замкнутый круг. В отличие от других козлов этой сцены у них не по две, а по четыре ноги, т. е. изображения не строго профильные, а чуть развернутые. В левом верхнем углу силуэтный рисунок всадника, у лошади просматриваются не две, а четыре ноги. В правом верхнем углу знак 0—0.

Рис. 6. Прорисовки двух козлов и всадника. Все фигуры выполнены в силуэтном стиле. Ноги животных подогнуты. Козлы как бы летят один за другим. Такой стиль изображения типичен для скифского времени. У всадника в руках короткий лук, что также характерно для скифского времени.

Рис. 7. Два всадника и четыре козла идут навстречу друг другу. Изображения однотипны, фигуры скелетные, строго профильные. Ноги козлов прямые, рога небольшие, чуть загнуты кверху.

Рис. 8. Сцена охоты на козлов, помеченная двумя знаками в левом нижнем углу, вероятно, тамгой рода. Охотник натягивает тетиву

длинного лука, направленного в сторону самого крупного центрального козла. Все четыре козла неоднотипны. Центральный — выполнен в силуэтном стиле. При профильном положении туловища голова его повернута так, что просматриваются оба рога. Остальные три козла скелетные, профильные с загнутыми или почти прямыми рогами.

Рис. 9. Одиночное изображение двугорбого верблюда. Стиль скелетный. Пропорции вытянуты. Ног — четыре.

Рис. 10. Сцена из шести козлов и одного оленя (возможно, лося). Олень контурный, профильный, с ветвистым рогом. Центральный козел самый крупный, тоже контурный, с чуть подогнутыми ногами и загнутым почти в круг рогами над головой. Остальные козлы скелетные, профильные, с небольшими чуть загнутыми рогами. Исключение составляет правый нижний козел, рог которого разветвляется от середины на две части, концы их закругляются в кольца.

Рис. 11. Изображение «зигзага» (возможно, так обозначалась дорога в горах) и пяти козлов вокруг него и на нем. Все козлы скелетные, профильные, с чуть загнутым к хвосту рогом.

Следующий район скоплений наскальных рисунков — Теке-Таш в Уч-Тереке. Здесь насчитывается 50 рисунков, составляющих 11 сюжетных сцен. Все рисунки, по нашим предположениям, довольно поздние. Нижней датой можно считать тюркское время (рис. 14), верхней — позднее средневековье (рис. 16).

Петроглифы этого района отличаются от рассмотренных нами ранее рисунков по стилю и замыслу. Конечно, здесь, как и в других местах скопления наскальных изображений, на первом месте в количественном отношении стоят козлы — одиночные или групповые, но стиль изображения несколько иной. Почти все они реалистичны, даны не строго в профиль, а чуть-чуть развернуто. Хорошо видны четыре ноги и два рога.

Рис. 12. Одиночное изображение козла. Рисунок силуэтный — четыре ноги и два высоко загнутых над туловищем рога. Линия скола тонкая, аккуратная, почти режущая.

Рис. 13. Два козла. Один силуэтный, другой — скелетный, с четырьмя ногами и одним высоким почти прямым рогом.

Рис. 14. Многочисленные изображения скелетных козлов, с левой ориентацией. У верхнего животного — один рог и четыре ноги, у двух средних — по два рога и две ноги. У нижнего козла рог образует над головой замкнутый круг.

Рис. 15. Одиночное изображение козла. Стиль скелетный. Рога соединены с хвостом. Ног — четыре.

Рис. 16. Два всадника и лошадь. Фигуры выполнены глубоким сколом с тонким изящным краем. Стиль изображения силуэтный.

Рис. 17. Всадник, лошадь и три верблюда. У двух верблюдов на спине какие-то непонятные предметы в виде лестницы. Смысл этой сцены объяснить весьма затруднительно. Линии всех изображений тонкие. Скол глубокий.

Район Теке-Таш у р. Чичкан. По количеству наскальных рисунков это самый «бедный» объект. По времени и стилистическим особенностям

его рисунки ближе к петроглифам Чаар-Таша. Отличительной чертой их является изображение рогов, почти обязательно соединенных с хвостом. У силуэтных и контурных козлов по четыре ноги. Они даны как бы шагающими.

Рис. 18. Два силуэтных козла. Рога соединены с хвостом. Изображены шагающими, с правой ориентацией.

Рис. 19. Три козла. Два скелетных и один (центральный) силуэтный. Рога у всех трех соединены с хвостом.

Рис. 20. Человек, верблюд и множество козлов. Фигуры человека и верблюда выполнены в скелетном стиле. Человек изображен шагающим, ведет за собой верблюда. Центральный козел с контурным туловищем и четырьмя ногами. Остальные козлы скелетные с небольшим чуть загнутым рогом или рогом, соединенным с хвостом.

Нами дано описание основных наскальных объектов Кетмень-Тюбинской котловины. Конечно, интерпретацию наскальных сюжетов дать не менее трудно, чем определить их датировку, однако отметить какие-то локальные особенности представляется возможным.

Наиболее многочисленны среди наскальников Кетмень-Тюбинской котловины рисунки козлов. Столь высокий процент их (более 90% от общего числа рисунков) можно объяснить кочевым образом жизни населения, важным промысловым и, наконец, ритуальным значением козла.

В стилистике изображений все три района отличаются друг от друга. Для Чаар-Таша характерны козлы скифского типа с подогнутыми под себя ногами («летящие»). Для Теке-Таша уч-терекского — реалистичны козлы позднего времени, для Теке-Таша чичканского — козлы с рогами, соединенными с хвостом в единый (без разрыва) полукруг.

А. К. Абетеков

Могильник Джаныш-Булак

Полевой сезон одной из групп Кетмень-Тюбинской археологической экспедиции в 1973 г. был посвящен регистрации и обследованию археологических памятников в узкой полосе левобережья р. Нарын. Здесь было зарегистрировано восемь могильников эпохи ранних кочевников, три четко видных на поверхности могильника эпохи бронзы в виде нескольких групп каменных оград и одно селище с небольшим культурным слоем, содержащим фрагменты грубой лепной керамики, обломки глиняных пряслиц, характерных для культуры кочевников.

Все зарегистрированные памятники группируются на пологих площадках всхолмленных адыров, составляя небольшое число отдельно лежащих курганов. Следует подчеркнуть, что они, как правило, расположены в местах, где имеются родники или близкое залегание грунтовых вод. Такова, например, микротопография могильников Джаныш-Булак, Чирак-Булак, Байыш-Булак[1] и др.

В топографическом плане интерес представляет могильник Чирак-Булак, находящийся в одноименном урочище. С юго-западной стороны он ограничен горным хребтом, окружающим Кетмень-Тюбинскую котловину с юга. В отличие от других могильников левого берега р. Нарын, так называемых курганов «царского типа», Чирак-Булак располагается не на площадках адыров, а в широком урочище, представляющем собой небольшие летние пастбища кочевников.

С точки зрения обеспеченности водой урочище имеет довольно удовлетворительные условия. Речка Чирак-Булак, питаемая подземными родниками и ключевыми водами, лежащими значительно выше самого урочища, по-видимому, никогда не пересыхает. Она протекает через урочище с севера на юг и разветвляется на два мелких протока. Вода Чирак-Булака пригодна для питья.

Могильник Джаныш-Булак расположен на первой надпойменной террасе на левом берегу Нарына, в одноименном урочище.

На современной поверхности отчетливо видны остатки 33 надмогильных сооружений, сложенных из камня. Камни средних размеров

---

[1] *Булак* на киргизском языке буквально означает *родник*. Кстати, эти родники до сих пор функционируют, удовлетворяя нужды в питьевой воде местного населения.

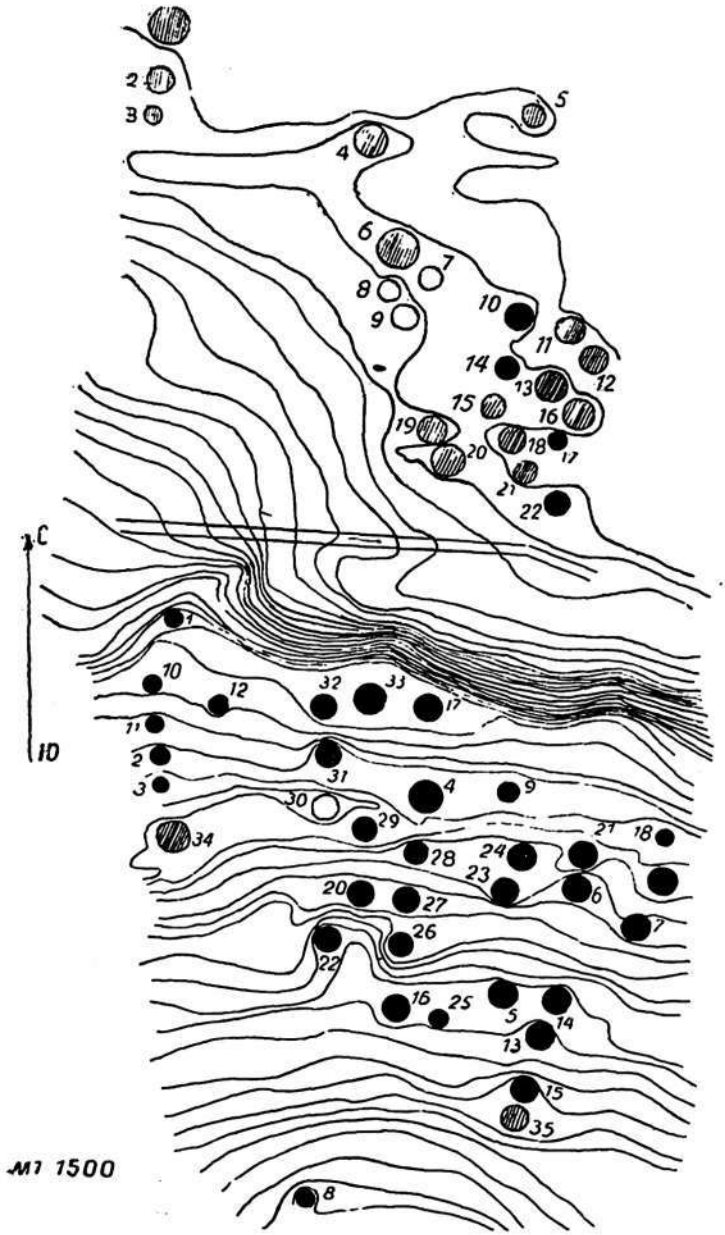

Рис. 1. План могильника.

(0,25—4,4 *м* в поперечнике). Курганы расположены цепочками, вытянутыми с севера на юг (рис. 1).

Помимо хорошо заметных курганов в почвенном слое встречаются скопления камней, которые также являются древними захоронениями[1].

Курган 2. В плане округлое каменно-земляное надмогильное сооружение. Высота 1,0 *м*, диаметр 8 *м*.

Расчистка и наблюдения над расположением камней позволяют предполагать, что первоначально насыпь представляла собой округлую в плане ограду высотой 1,4—1,5 *м*. Внутри ограды, очевидно, было заложено какое-то сооружение из нестойких материалов (дерн, войлок, прутья и т. п.), которое постепенно разрушалось и оседало. В связи с этим ограда из камней смещалась вовнутрь, превращаясь в полусферический холм, обычно называемый насыпью[2]. После снятия насыпи древний почвенный слой не прослеживается. Внутри ограды следы перекопа[3], в заполнении которого попадаются обломки костей человека и керамики. Подняты фрагменты не менее чем от двух сосудов (чаш?). Могильная яма прослеживается не по контурам, а по дну. Общая глубина ямы 1,9 *м*. Находок нет.

Курган 4. Округлое в плане надмогильное сооружение, по конструкции аналогичное кургану 2 и 3. Диаметр 10 *м*, высота 0,9 *м*. Раскопки велись с бровкой шириной 0,6 *м* по линии запад — восток. По профилю бровки заметен перекоп (рис. 2). Контуры могильной ямы прослеживаются плохо. В насыпи, на глубине 1 *м*, выявлено перекрытие из камней, положенных плашмя.

На глубине 2,1 *м*, на дне ямы, разрозненные кости женщины 25—30 лет (бедро, голень, позвонки, лопатка, нижняя челюсть и др.); раздавленный керамический сосуд — тесто серое, грубое, с большой примесью дресвы и с отпечатками тканевого шаблона (табл. II, *9*); две красноглиняные круглодонные чаши полусферической формы: а) сероглиняный сосуд сфероидной формы с обломленными ручкой и венчиком (табл. 1, *10*); б) сосуд такой же формы, но с двумя вертикальными ручками по бокам, у венчика ручки обломлены, дно прокалено от длительного нагревания, на стенках следы черного лощения (табл. II, *1*).

Курган 5. Округлое в плане надмогильное сооружение, аналогичное предыдущим. Диаметр 6 *м*, высота 0,5 *м*. Внутри ограды следы перекопа. На глубине 1,9 *м* разрозненные обломки длинных трубчатых костей взрослого человека не моложе 25 лет. На уступе, у северной

---

[1] Из описания курганов за отсутствием находок и невыразительности других деталей, исключены курганы 1, 3, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 22, 24, 27, 28 и 33. Курган 8 оказался захоронением тюркского времени, ему посвящена отдельная статья в данном сборнике (см.: А. К. Абетеков, И. Кожомбердиев, В. П. Мокрынин. Памятники тюркского времени).

[2] Автор не учитывает того обстоятельства, что конструкция всех насыпей могильника была нарушена грабителями в древности. (*Прим. ред.*).

[3] Под термином «перекоп» подразумевается нарушение конструкции насыпи кургана древними грабителями. (*Прим. ред.*).

Рис. 2. Остатки бровки кургана 4 со следами перекопа.

стенки могильной ямы, круглодонная красноглиняная чаша и такого же цвета круглодонный сосуд с петлевидной ручкой (табл. I, *12, 19*).

Курган 6. Надмогильное сооружение, подобное кургану 2. Диаметр 8 *м*, высота 1 *м*. Внутри ограды следы перекопа. На глубине 1,1 *м* северная стенка могильной ямы, вытянутой по линии запад—восток. На уступе у ямы сероглиняный сосуд сфероидной формы (табл. I, *7*). Обломки керамики и костей человека.

На дне ямы, на глубине 1,9 *м*, в анатомическом порядке лежали кости ног, таза, правого предплечья и нижняя челюсть погребенного (женщины не моложе 45 лет). Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. При патоанатомическом осмотре в правом лучелоктевом сочленении наблюдаются признаки старения. На дне ямы в разных местах и в заполнении собраны обломки не менее четырех лепных глиняных сосудов.

Курган 7. Конструкция надмогильного сооружения аналогична курганам 1 и 6. Внутри ограды ярко выраженные следы перекопа. Диаметр 8 *м*, высота 0,6 *м*. На уровне древнего горизонта хорошо прослеживается перекрытие могильной ямы каменными плитами, положенными плашмя. Края могильной ямы повреждены грабителями и прослеживаются плохо. Прямоугольная грунтовая могильная яма ориентирована по линии запад — восток. В заполнении обломки керамики и ко-

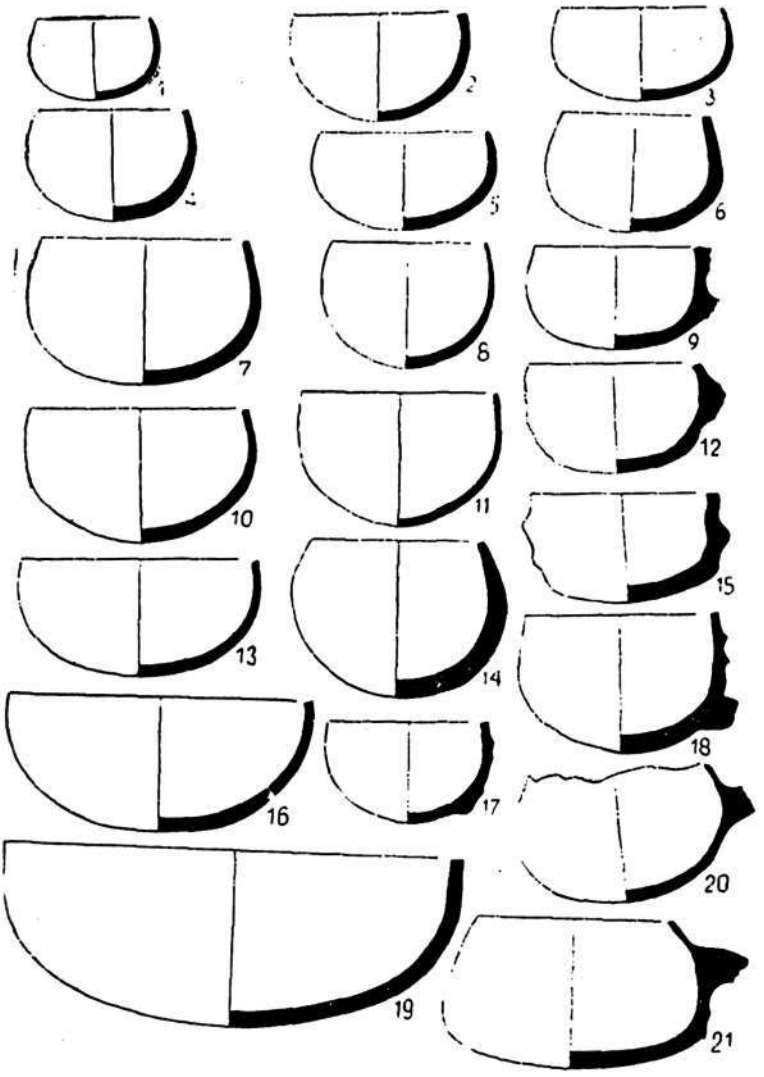

Таблица I. Керамика.

стей человека. На глубине 1,6 *м*, на дне могильной ямы, в анатомическом порядке сохранились кости голеней. Скелет человека, по всей вероятности, лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Судя по фрагментам черепа и других костей, здесь был погребен мужчина старческого возраста. В атлантоэпиатроидийном суставе выраженный деформирующий артроз.

Курган 11. Округлая в плане выкладка из камней средних размеров, аналогичная по форме и конструкции кургану 8. Диаметр 5,6 *м*, высота 0,1 *м*. С северо-западной стороны в непосредственной близости кольцевидное сооружение из камней, перекрывавшее другую могильную яму.

В основном сооружении могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по странам света. В северной стенке ямы подбой размерами 1,8×0,6×0,8 *м*. В подбое, на глубине 1,8 *м* от верха насыпи, скелет мужчины 40—45 лет — европеоид. Он лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп без нижней челюсти. Сохранность костей плохая. Верхняя челюсть явно асимметричная в результате неправильного прикуса и отсутствия зубов справа. На тазовых костях обнаружены две сильно коррозированные железные пряжки и неясные обломки железа.

Под этой же выкладкой — вторая могила, детская. На глубине 0,2 *м* костяк ребенка полутора-двух лет в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Анатомический порядок скелета частично нарушен, отсутствуют нижние конечности. Находок не обнаружено.

Курган 12. Овальная в плане выкладка из камней средних размеров, лежащих, по крайней мере, в три слоя. В западной части расчищено два слоя камней, образовывавших основу ограды. Четко прослеживается еще два слоя упавших камней. Восточная половина оградки разрушена то ли в результате грабежа, то ли с иными целями. Размеры оградки: 3,5 х 5 *м*.

Контуры могильной ямы четко не прослеживаются. На дне предполагаемой ямы лежал скелет мужчины европеоидного типа 23—35 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Нарушен анатомический порядок грудной клетки и верхнего плечевого пояса. На сохранившейся правой половине тазовых костей обнаружены сильно коррозированные кусочки изделия из железа. Курган ограблен. Других находок нет.

Курган 15. Внешне такой же, как предыдущий. Диаметр 8,8 *м*, высота 0,1 *м*. Четко прослеживаются следы перекопа. Края могильной ямы видны только в одном месте — там, где стояли сосуды. Реконструированная ориентировка могильной ямы запад — восток. В заполнении ямы встретились мелкие неопределяемые обломки плохо сохранившихся костей взрослого человека. На глубине 1 *м*, на уступе, у края могильной ямы, in situ три керамических сосуда (табл. II, *10, 14, 17*). Курган ограблен. Других вещей нет.

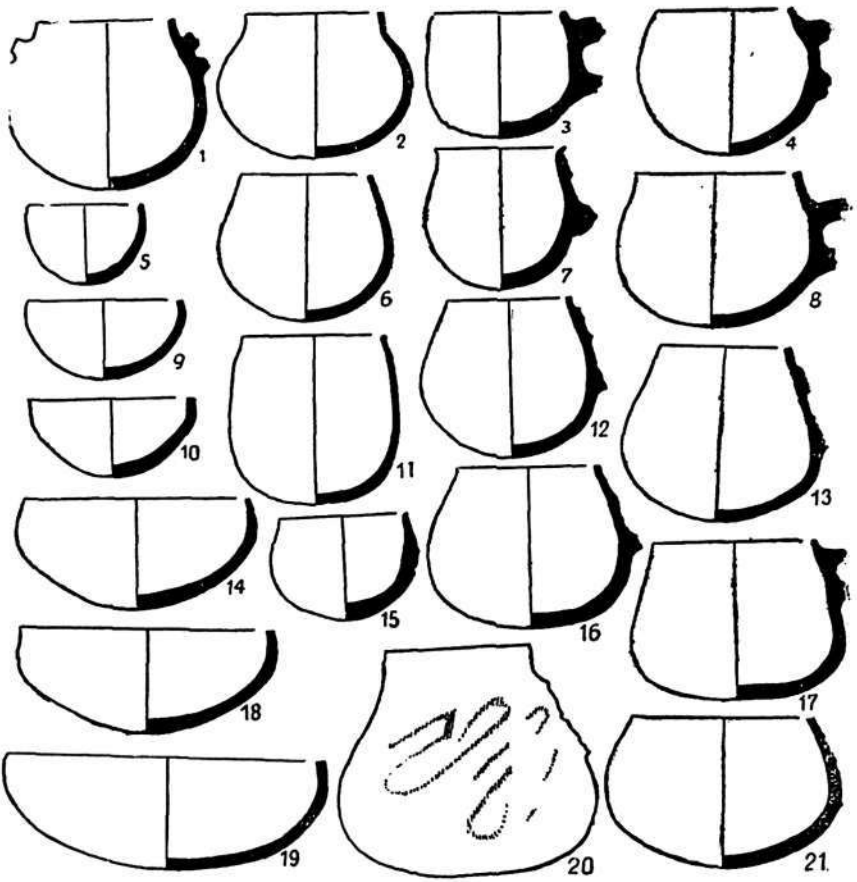

Таблица II. Керамика.

Курган 17 . Каменно-земляной. Диаметр 10 *м*, высота 0,7 *м*. В результате неоднократного ограбления могильная яма кургана повреждена, поэтому установить ее контуры не удается. На глубине 1,4 *м* от верха насыпи, на дне ямы, найдены два сероглиняных сосуда с обломленными вертикальными ручками, а также фрагменты костей человека плохой сохранности (обломки черепа, отдельных трубчатых костей, позвонки) и др. По заключению антрополога, кости принадлежали мужчине 30—35 лет.

Курган 18. Каменно-земляной. Сооружение округлое в плане. Диаметр 8 *м*, высота 1,1 *м*. Внутри ограды следы перекопа, сильно повредившего могильную яму, края которой прослеживаются с трудом. В яме на глубине 1,9 *м* обломок красноглиняной чаши и разрозненные обломки костей взрослого мужчины не моложе 25—30 лет.

Курган 19. Каменно-земляное надмогильное сооружение. Диаметр 10 *м*, высота 1,15 *м*. Контуры могильной ямы не обнаружены. В заполнении ямы и на дне, на глубине 1,7 *м*, мелкие обломки костей нижних конечностей взрослого человека. Там же найден бронзовый перстень.

Курган 20. Надмогильное сооружение повторяет конструкцию кургана 2. Диаметр 10 *м*, высота 1,1 *м*. Внутри ограды перекоп. Контуры могильной ямы разрушены. На глубине 1,6 *м* разрозненные кости человека. В анатомическом порядке часть черепа, ребра и кости левой руки. Судя по ним, скелет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад; принадлежал мужчине 25—40 лет, без признаков старения в сохранившихся позвонках. На уступе у северной стенки ямы стояли три керамических лепных круглодонных сосуда (табл. II, *6, 11, 12*).

Курган 21. Внешне ничем не отличается от вышеописанных. Диаметр 10 *м*, высота 0,9 *м*. Контуры и конструкция самой могильной ямы не прослежены. На глубине 1,5 *м* (от верха насыпи) попадались разбросанные кости, принадлежавшие мужчине 40—45 лет. Все кости скелета находятся в разных местах вперемежку. С северной стороны от скопления костей, на глубине 1,6 *м*, вблизи предполагаемого края могильной ямы, обнаружены три круглодонные полусферические чаши хорошей сохранности (табл. I, II, *18, 13, 16*).

Курган 23. Надмогильное сооружение аналогично таковому кургана 2. Диаметр 10 *м*, высота 1 *м*. Внутри ограды грабительский перекоп. Контуры могильной ямы проследить не удалось. На глубине 1,75 *м* (от верха) обнаружены фрагменты костей взрослого человека (плохой сохранности). Кроме того, найдены обломки красноглиняного сосуда и маленькой сероглиняной чашки со сферическим дном (табл. I, *1*).

Курган 25. Внешне аналогичен кургану 2. Диаметр 8 *м*, высота 0,5 *м*. Внутри ограды следы грабительского перекопа. Контуры могильной ямы не прослеживаются. На глубине 1,3 *м* обломки костей взрослого человека (сохранность плохая) и две полусферические чаши (табл. I, *5, 15*), одна из которых опрокинута вверх дном. В заполнении попадались незначительные фрагменты костей человека тоже плохой сохранности.

Курган 26. Надмогильное сооружение аналогично таковому кургана 2. Внутри ограды грабительский перекоп. Диаметр 10 *м*, высота 0,75 *м*. Контуры могильной ямы повреждены грабителями и не прослеживаются. На глубине 2 *м* (от верха) обнаружены две перевернутые вверх дном керамические чаши со сферическим дном (табл. I, *3, 5*), а также обломки костей взрослого человека.

Курган 29. Аналогичен кургану 2. Диаметр 9 *м*, высота 0,6 *м*. Внутри ограды грабительский перекоп. Границы могильной ямы повреждены грабителями, их установить не удалось. В заполнении встречались мелкие обломки плохо сохранившихся костей человека. На глубине 1,8 *м* два сероглиняных сферических сосуда (табл. II, *13, 21*), трудно-

определяемые мелкие фрагменты костей человека и кусочек дерева плохой сохранности.

Курган 30. Аналогичен кургану 2. Диаметр 9 *м*, высота 0,9 *м*. Внутри ограды грабительский перекоп. Границы могильной ямы повреждены грабителями и устанавливаются частично. Яма ориентирована длинной осью по линии запад — восток. На глубине 2,1 *м* обнаружены керамический сосуд с петлеобразной ручкой (табл. II, *21*) и кости подростка в возрасте 14—16 лет. Собраны отдельные фрагменты скелета плохой сохранности. Среди костей обнаружен сильно коррозированный обломок железного предмета неизвестного назначения.

Курган 31. Надмогильное сооружение аналогично таковому кургана 2. Диаметр 9 *м*, высота 0,8 *м*. Внутри ограды грабительский перекоп. Границы могильной ямы повреждены грабителями. Устанавливается лишь ориентировка ямы — длинной осью по линии запад — восток. На глубине 1,5 *м* обнаружено два сероглиняных сферических сосуда с остатками ручек (табл. II, *14, 16*). Несколько ниже лежали два обломка одной чаши со сферическим дном. На дне ямы, на глубине 1,9 *м*, фрагменты человеческого черепа с верхней челюстью. Коронки зубов сильно стерты. Кости принадлежат мужчине около 40 лет.

Курган 32. Аналогичен кургану 2. Диаметр 9 *м*, высота 1 *м*. Внутри ограды прослежен грабительский перекоп. Границы могильной ямы частично повреждены грабителями. Устанавливается ориентировка ямы — длинной осью по линии запад — восток. На глубине 2 *м* обнаружены два сероглиняных сферических сосуда (табл. I, *4, 6*) и обломки сильно коррозированного железного ножа. В заполнении и на дне ямы встречены мелкие обломки костей человека (очень плохой сохранности). Курган ограблен. Других находок нет.

В полевом сезоне раскопан еще один могильник под условным названием Джаныш-Булак I. Он расположен у подножья 1-й надпойменной террасы по соседству с могильником Джаныш-Булак. Раскопки курганов показали, что конструкция надмогильных сооружений в принципе не отличалась от конструкции надмогильных сооружений могильника Джаныш-Булак. Микротопография могильника четко не прослеживается. Курганы расположены плотно один к другому. Во всех раскопанных курганах были мелкие неопределяемые в половозрастном отношении обломки костей взрослых людей. Фрагменты лепной керамики совпадают по структуре теста и технике изготовления с керамикой могильника Джаныш-Булак.

В отдельных случаях удавалось проследить края могильных ям, ориентированных длинной осью по линии запад — восток.

В некоторых теоретических статьях по археологии существует деление археологических объектов на два комплекса — закрытый и открытый. Закрытым комплексом, по мнению И. С. Каменецкого, является тот объект, где «сопровождающий покойника в курганах или в каменных ящиках погребальный инвентарь, а на городищах и поселениях домашняя утварь, должны находиться в первоначальном состоянии, in

situ в момент раскопа или в момент гибели жилища»[1]. И, наоборот, «открытый комплекс является противоположностью закрытого». Если это так, то открытый археологический комплекс — это тот объект, где в одном и том же кургане еще в глубокой древности производились неоднократные ритуальные фамильные захоронения или неоднократные ограбления, в результате чего оказывалась разрушенной могильная яма, потревоженным сопровождающий инвентарь, а также нарушен анатомический порядок скелета погребенного. Если подходить к могильнику Джаныш-Булак с этих позиций, то он, несомненно, относится к *числу археологических объектов открытого типа.*

В могильнике Джаныш-Булак все насыпи курганов оказались испорченными довольно глубокими грабительскими лазами. Почти во всех курганах разрушены контуры могильных ям и потому установить их первоначальную границу очень трудно, иногда почти невозможно.

О составе погребального инвентаря приходится судить лишь по остаткам керамики, в большинстве случаев потревоженной грабителями. Ограблениями можно объяснить и отсутствие других находок.

Малочисленные[2], но все же разнообразные по форме сосуды из могильника Джаныш-Булак не имеют никаких внешних украшений или орнаментов, если не считать единственного кувшина с замысловатой росписью (*табл. II, 20*), нанесенной красной краской. Кувшин грушевидной формы со слегка вытянутой и сужающейся к венчику горловиной. Диаметр его у венчика 10 *см,* высота 16,6 *см.* Сбоку следы отломленной петлеобразной ручки. Он изготовлен из бурого довольно плотного теста с примесью песка. Обжиг равномерный и достаточно сильный.

Все остальные сосуды ручной лепки, без особых отклонений от широкоизвестных технологических приемов, характерных для изготовления керамических изделий кочевого населения Центрального Тянь-Шаня и Притяньшанья VI в. до н. э. — V в. н. э.

Все лепные сосуды сделаны из глины хорошего качества. В тесте почти не заметна примесь органических соединений и лишь в изломе некоторых сосудов едва видны частицы минеральных веществ. Два фрагмента на внутренней поверхности имеют отпечаток ткани.

Обжигали сосуды, вероятно, на открытом костре, при сравнительно невысокой температуре. На это указывает неравномерный характер наружной окраски, слоистость черепка в изломе, а также пористость глины из-за недостаточного накала при обжиге. Говоря о технологии изготовления керамики, следует обратить особое внимание на обработку наружной стороны сосудов. Почти все сосуды из Джаныш-Булака имеют сглаженную мокрой тряпкой или пучком травы поверхность, что прослеживается достаточно четко.

---

[1] См. И. С. Каменецкий. К теории слоя. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, стр. 83—84.

[2] Число сосудов колеблется от одного до четырех. Всего в могильнике обнаружено около пятидесяти сосудов.

В связи со слабой разработанностью вопросов типологических критериев для керамики ранних кочевников Средней Азии и Казахстана[1], а также малочисленностью наших коллекций в настоящей статье мы коснемся лишь формальной стороны типологии керамики. Тем более, что для настоящей типологической классификации, как считает М. П. Грязнов, исследователи должны иметь «существовавшие в реальной исторической действительности группы, то есть типы вещей, отличные от других типов той же категории вещей»[2].

Тип, по мнению М. П. Грязнова, «понятие токсономическое»[3]. Оно требует более емкой характеристики для каждого признака внутри однотипных совокупностей. Поэтому комплексы керамики из Джаныш-Булака мы классифицируем не путем истинно типологического подхода к ней, а, наоборот, наиболее простым способом — путем общепринятой формальной классификации.

Формально-классификационный подход к изучаемым объектам, в частности, анализ керамики, оправдан тем, что при описании серии материалов он позволяет выделить более или менее объективные классификационные типы или группы. Однако здесь возникают определенные трудности, связанные с отсутствием ясно различимых типов. Поэтому при классификации керамики в качестве стержневых типологических критериев мы брали размер сосудов, форму их венчиков, наличие ручек и др. Исходя из этих, в общем-то общепринятых принципов формальной классификации, всю нашу керамику мы разделили на следующие шесть групп: I — широкие миски и чаши, II — миски с полусферическим дном, III — миниатюрные горшки, IV — кубки с ручками, V—приземистые кубки с петлеобразными ручками в виде шишек, VI группу составляют сосуды, несколько отличающиеся от остальной керамики. На них мы остановимся особо.

I. Миски и чаши (кург. 15, 20—22). Однотипны, отличаются друг от друга размерами. Диаметры устьев колеблются от 9,4 до 28,4 *см*, могут быть объединены в одну типологическую группу по функциональному назначению и общности многих внешних признаков. Вообще, как это справедливо отмечает О. А. Вишневская, в архаичной керамике Средней Азии, «между мисками и чашами очень трудно провести грань, так как они различаются лишь размерами, а не формой и назначением»[4]. Для рассматриваемой группы керамики характерны довольно гладкая поверхность и прямосрезанные закраины венчиков. Высота сосудов, как правило, не превышает 8—10 *см*.

---

[1] Вопросы классификации керамики эпохи ранних кочевников для восточных районов Средней Азии достаточно хорошо разработаны в трудах проф. Б. А. Литвинского. См.: Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 34—43; его же. Керамика из могильников западной Ферганы. М., 1973; и др.

[2] М. П. Грязнов. Классификация, тип, культура. Теоретические основы советской археологии. Л., 1969, стр. 8.

[3] Там же, стр. 19.

[4] О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V в. до н. э. Тр. ХАЭЭ, VIII. М., 1973, стр. 74.

II. Миски полусферические с относительно прямым и слегка загнутым вовнутрь венчиком и выпуклыми боками, высотою 5—8 *см.*

III. Миниатюрные круглодонные горшки (кург. 20, 22, 23, 26, 32). Высота их 5—6 *см,* максимальный диаметр венчика 9 *см.*

IV. Сосуды-кубики (кург. 2, 5, 6, 22, 29, 31). Особенность их — наличие петлеобразных ручек. По форме однотипны, два сосуда имеют более вытянутые шейки (кург. 6, 29). У сосуда из шестого кургана закраина венчика довольно тонкая и слегка отогнутая. Сосуды этой группы отличаются друг от друга лишь размерами в пределах 4 *см.*

V группу составляют приземистые кубки с петлеобразной ручкой и ручкой в виде шишки. Их сравнительно немного: всего шесть экземпляров. В этом комплексе выделяется один сосуд из кургана 25 — на его стенке два неглубоких желобка. Внешне кубки ничем не отличаются от сосудов, выделенных нами в предыдущие группы, они желтовато-серые, грубо затертые тканью или травой.

VI группа — шесть экземпляров глиняных сосудов разного типологического содержания. Среди них один сосуд (кург. 28) банкообразной, несколько вытянутой формы, довольно глубокий, высота 12,3 *см.*

Другой сосуд — горшок со вздутым туловом, низкой горловиной, тесто относительно плотное, снаружи покрыт плотным темно-серым ангобом и, возможно, залощен. Высота горшка 10 *см,* диаметр венчика 9,4 *см.*

Горшок с шарообразным туловом и двумя сломанными петлевидными ручками. Размеры его: высота 13 *см,* диаметр венчика 10 *см.* В курганах, к сожалению, кроме керамики нет других предметов, которые могли бы служить дополнительным аргументом для датировки могильника в целом.

Керамический комплекс из Джаныш-Булака весьма архаичен и почти тождествен с керамикой усуньского культурного ареала (III в. до н. э. — I—V в. н. э.), в состав которого входят долины рек Чу[1], Или, Центральный Тянь-Шань и ряд других соседних регионов[2]. Керамика Джаныш-Булака имеет аналогии[3] среди материалов Таласской и Чуй-

---

[1] А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины. В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 17—31, табл. I, III, рис. 1—7 и 1—15; А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI. М., 1949, стр. 149—150; его же. Тр. Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14. М.—Л., 1950, табл. XL, рис. 1 и табл. XLII, рис. 3, 5, 7.

[2] Е. И. Агеева. Типы керамики ранних кочевников Алма-Атинской области. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 12. Алма-Ата, 1962, стр. 24, рис. 3, *1—3* и рис. 6, *2, 10;* К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, табл. VII, рис. 1, *6, 12—15;* А. Г. Максимова. Цепочка курганов из могильника Караша I. В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, стр. 126, рис. 6, *3;* её же. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар. В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, стр. 129—130, табл. III, рис. 6—8 и табл. IV, *1, 2.*

[3] Л. П. Зяблин. Отчет о полевых работах Иссык-Кульского отряда Киргизской археологической экспедиции летом 1954 г. Архив ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР, ф. I, д. 106.

ской долин, Семиречья, а также могильников Иссык-Кульской котловины и Центрального Тянь-Шаня[1].

Не привлекая широких аналогий для всей керамики, остановимся на двух своеобразных сосудах. Это грушевидной формы кувшин с росписью и горшок с двумя петлеобразными ручками. Кувшину с росписью можно найти аналогии прежде всего в керамике археологических объектов Ферганской долины. Как известно, расписная керамика Ферганы существовала на протяжении длительного периода, начиная с эпохи бронзы вплоть до средневековья[2].

Подобная роспись имеется на сосуде из могильника Унгур-Кора I на р. Или. Этот сосуд Г. А. Кушаевым датирован ранним этапом усуньской культуры — III—II вв. до н. э.[3]

Что же касается сосуда с двумя петлеобразными ручками, то он в материалах усуньской керамики Семиречья и Центрального Тянь-Шаня пока аналогий не имеет. Однако небезынтересно отметить, что почти такой же сосуд найден О. А. Вишневской в раннем сакском погребении (кург. 29) могильника Уйгарак[4] в долине р. Сыр-Дарья. Грушевидные сосуды с ручками также встречены в сакских могильниках Памира, они подняты из могильников Шаймак (кург. 1), Тегермен-Су II (кург. 22), Жарты-Гумбез I (кург. 1) и датированы Б. А. Литвинским IV—III вв. до н. э.[5]

Говоря о глиняных сосудах V группы, уместно отметить, что подобные приземистые кубки с петлевидными налепными ручками имеют широкое территориальное и временно́е распространение. Они характерны для сако-усуньской керамики Киргизии и Казахстана[6].

«Погребальный компонент», насколько его можно проследить, однообразен: костяки лежат на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Такой ритуал захоронения находит параллели в курганах усуней на территории Киргизии и Казахстана. Следует подчеркнуть, что и детали конструкций погребальных сооружений — перекрытия грунтовых могильных ям каменными плитами — также совпадают с атрибутами

---

1 А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, рис. 26, *10—12;* А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг. Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, стр. 63—138, рис. 6, *2—10* и рис. 7, *4—6, 8.*

2 А. К. Абетеков. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. КСИА, вып. 107. М., 1966, стр. 125.

3 К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. XI, рис. 32.

4 О. А. Вишневская. Культура сакских племен..., рис. 45, *2.*

5 Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 29, табл. 6, *40—44.*

6 М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, № 3(4), 1938, стр. 170, рис. 39, 40, 43, 44; А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины. В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 17—31, табл. 1; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура..., стр. 268, табл. VII; А. К. Абетеков. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. КСИА, вып. 107, стр. 123, рис. 49, *4, 9;* и др.

памятников ранних кочевников (саков, усуней) других районов. Следовательно, сходство погребальных обрядов и конструкций курганов могильника Джаныш-Булак в Кетмень-Тюбе с могильниками Семиречья и Центрального Тянь-Шаня дает основание предполагать их культурное единство. Что же касается хронологических рамок могильника, то они на основании вышеупомянутых сопоставлений вполне укладываются в пределы I—III вв. н. э. Могильник Джаныш-Булак может быть отнесен к памятникам эпохи усуней и усуньской этнокультурной среды.

В свое время А. Н. Бернштам справедливо писал, что «в археологии наилучшим реагентом является керамика, которая скорей всех других элементов культуры подвержена изменениям»[1]. Принимая во внимание высказывание А. Н. Бернштама, при измерении параметров керамики из Джаныш-Булака, мы постоянно держали в поле зрения два существенных момента: 1) изменчивость керамики в хронологическом и технологическом плане; 2) наличие возможных специфических черт, характерных только для кетмень-тюбинской керамики. Несмотря на очевидную общность технологических приемов и форм сосудов, типичных для эпохи усуней, все же джаныш-булакская керамика отличается по размерам и функциональному назначению от известной нам керамики из аналогичных могильников соседних областей. В комплексе джаныш-булакской керамики чаши значительно меньших размеров, чем усуньские из других регионов Киргизии и Семиречья: высота джаныш-булакских чаш колеблется от 5 до 8 *см* (в других районах 10—20 *см*), диаметр их 10—15 *см* (в других районах 25—30 *см*).

Еще одна особенность джаныш-булакского керамического комплекса — абсолютное отсутствие сосудов (исключая керамику из одного кургана), предназначенных для «жидкостей», — высоких вытянутых кувшинов, тогда как в культурном ареале усуней они довольно широко представлены в сочетании с чашами.

В могильнике Джаныш-Булак мы столкнулись с конструкцией могилы подбойного типа, где погребенные лежат головой на восток. Ориентация таких скелетов принципиально отличается от положения погребенных в подбойных захоронениях других районов ареала раннекочевнических культур. Сейчас трудно, да и преждевременно, дать конкретное объяснение этому факту из-за недостаточности археологических и палеоантропологических материалов. Считая справедливыми доводы Б. А. Литвинского о том, что «у одного и того же народа в одно и то же время могут существовать совершенно различные погребальные обряды и что дифференциация погребальных обрядов определяется социальным положением, полом и возрастом, принадлежностью к религиозной группе и, наконец, принадлежностью к клану (роду)»[2], все-таки не следует игнорировать такой устойчивый признак, как ориентация покойников головой на запад и северо-запад, характерная для могиль-

[1] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 10.
[2] Б. А. Литвинский. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, стр. 72.

ников усуньского времени на большой территории. Курганы с подбойными захоронениями из Джаныш-Булака не только выделяются восточной ориентацией, внешней конструкцией, но и микротопографическим расположением. Это позволяет предположить, не связаны ли эти захоронения с юеджийско-жужанским этническим компонентом, сыгравшим после рубежа нашей эры значительную роль в миграции усуньских племен[1].

В свете новых археологических данных, полученных при изучении обрядов захоронений, следует обратить внимание на различные варианты ориентации погребенных, которые, возможно, связаны с принадлежностью их к различным племенам, чьи этнические названия встречаются в письменных источниках до и после рубежа нашей эры.

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 147—168.

А. К. Абетеков, Я. А. Шер

Древние жители урочища Джаныш-Булак

(*К методике социально-демографических реконструкций*)

Вопросы реконструкции социально-экономических и демографических особенностей конкретного древнего коллектива всегда были в центре внимания советской археологии, рассматривающей каждый памятник культуры как источник по истории народа, оставившего его. Последнее время эти вопросы приобрели особую актуальность в связи с резким увеличением масштаба раскопочных работ, а также из-за некоторых спорных, с нашей точки зрения, принципов, выдвинутых западной (в основном американской) археологической наукой[1].

Одним из главных методических требований, предъявляемых к таким исследованиям, является необходимость наличия полного объема материала (объект должен быть раскопан целиком). За неимением такой возможности мы вправе говорить лишь об экспериментальных методах.

Могильник Джаныш-Булак, полная публикация материалов которого представлена в настоящем сборнике, оказался удобным объектом для такого рода исследований. Он раскопан целиком и является типичным (по внешним, внутренним и иным конструктивным особенностям, а также по инвентарю) для большой серии могильников, известных в киргизской и среднеазиатской археологии под названием «сако-усуньский тип». По традиции в археологической литературе подобные могильники считаются памятниками кочевников второй половины I тыс. до н. э. и первых веков новой эры.

В предлагаемой статье рассмотрены два вопроса: 1) реконструкция надмогильных сооружений и представление о «жилище» умершего; 2) состав коллектива, хозяйственный уклад и общественный строй.

Всего на террасе насчитывается 33 видимых на поверхности кургана. Все они раскопаны. Мы не останавливаемся на описании курганов 1 и 8. 1-й, по-видимому, вообще не был погребальным сооружением (см. статью А. К. Абетекова в данном сборнике), а 8-й явно не отно-

---

[1] См., например, Approaches to the Social dimensions of Mortuary practices Memoirs of the Society for american archaeology, № 25, 1971. В сборнике содержатся материалы симпозиума «Социальные измерения похоронных обычаев», проведенного в ноябре 1966 г. в Питтсбурге (США).

сится к исследуемому могильнику ни по времени, ни по культуре[1]. Из 22 курганов, расположенных у подножья террасы, вскрыто шесть. Думается, что их следует рассматривать как самостоятельный могильник, учитывая, что при социально-демографических интерпретациях возможны различные мнения, в частности, в вопросе, принадлежали ли оба кладбища (на террасе и под ней) одному коллективу. Остановимся на особенностях погребальных сооружений, находящихся на террасе.

В микротопографии могильника прослеживается пять четких рядов (цепочек) курганов, вытянутых в меридиональном направлении. Один ряд создает впечатление «незаконченного»: курганы 20, 29 и 33-й расположены так, будто между ними оставлено место для одного-двух курганов, тогда получилась бы еще одна, 6-я, цепочка. Курганы 25, 5, 23, 24, 9-й тоже не составляют четкой цепочки.

Ряд	Курган	Всего
1	3, 2, 11, 10	4
2	30, 31, 32	3
3	16, 26, 27, 28, 4, 17	6
4	15, 13, 14, 6, 21	5
5	17, 19, 18	3

Все погребальные сооружения выполнены по одному конструктивному плану, который восстановлен по методике, разработанной М. П. Грязновым. Могильная яма в основном прямоугольной формы, иногда с округлыми углами. В яме, ориентированной длинной осью с запада на восток, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, в большинстве случаев головой на запад. Вокруг могилы ограда из камней, имеющая в плане округлую форму. Первоначальная высота ограды 0,5—0,75 *м*. Камни для ограды брались либо в верхней части прилегающего к террасе сая, либо у берега Нарына. Внутри ограды, по всей вероятности, было какое-то сооружение из менее стойких материалов (кошма, прутья, шкуры), имитировавшее жилище. Это предположение вытекает из наблюдений над расположением камней при расчистке надмогильных сооружений (рис. 1). Если бы курган с самого начала представлял собой каменно-земляную насыпь, как это обычно указывается в публикациях о подобных курганах, то в разрезе не прослеживалось бы пространство, незаполненное камнями. Если бы это пространство вообще не было бы заполнено ничем, то при разрушении ограды с течением времени камни заполнили бы древнюю поверхность внутри или снаружи ограды (или по обе стороны). Однако на самом деле расположение камней таково, что его можно объяснить лишь медленным проседанием внутренней части ограды, на которую постепенно сползали камни верхних слоев. Нижние слои, как это видно из рис. 1, остались

[1] См. о нем статью А. К. Абетекова, И. Кожомбердиева, В. П. Мокрынина «Памятники тюркского времени» в настоящем сборнике.

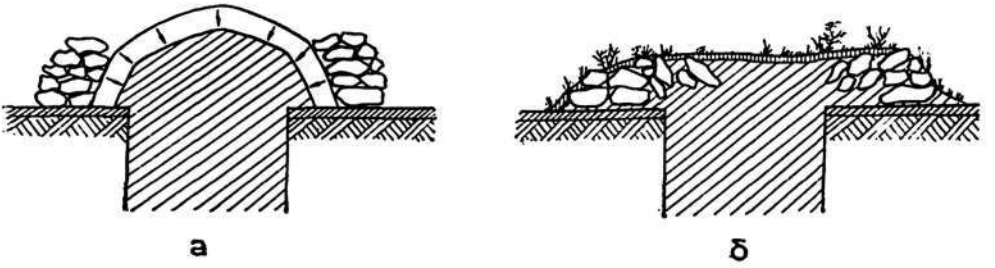

Рис. 1. Схема разрушения надмогильного сооружения: *а* — первоначальный вид. Стрелками показано направление проседания надмогильного сооружения и сползания камней; *б* — современный вид. Сооружение просело. Верхние слои ограды сползли внутрь.

в первоначальном положении, чего тоже не могло бы быть, если бы курган представлял собой каменно-земляную насыпь.

Все без исключения могилы потревожены грабителями, очевидно, не сразу после похорон, а спустя довольно длительное время. В пользу этого говорит тот факт, что костяки погребенных находились в расчлененном состоянии, нигде не сохранился анатомический порядок их. Правда, такая картина может наблюдаться при многократном ограблении могил, но тогда внешние сооружения были бы повреждены сильнее.

Таким образом, можно предположить, что первоначальное надмогильное сооружение было не просто насыпью, а некоторой имитацией жилища, «домом» для усопшего, сооруженным либо внутри каменной ограды, либо прямо на ней. Внутри «дома» или около него происходили жертвоприношения или поминальные трапезы, о чем свидетельствуют обломки керамики, найденные в заполнении кургана. Наше заключение о кургане, как бывшем архитектурном сооружении, согласуется с выводами основоположника методики подобных реконструкций М. П. Грязнова[1] на других памятниках, а также с местными этнографическими наблюдениями[2] и с данными общей этнографии[3].

В могильнике было захоронено 24 взрослых человека, один ребенок и один подросток 14—16 лет (по-видимому, женского пола). Сохранность костей очень плохая, поэтому точные половозрастные определения, выполненные Т. П. Кияткиной и З. Б. Альтманом, относятся только к 15 костякам. Правда, известно, что кости еще 10 погребенных принадлежали взрослым людям неопределенного возраста. Средний же возраст погребенных колеблется между 30 и 35 годами.

---

[1] М. П. Грязнов. Курган как архитектурный памятник. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961, стр. 22—25.
[2] И. Ибрагимов. Этнографический очерк киргизского народа. В сб.: «Русский Туркестан», вып. II, 1872, стр. 152.
[3] J. E. Lips. Von Ursprung der Dinge Leipzig, 1961, стр. 524.

Прежде всего следует отметить одну особенность захоронений: среди погребенных нет детей и стариков; всего 3 женщины (без учета костей подростка — ?), т. е. 1/5 часть — доля необычайно малая. Скорее всего, женщин было захоронено не меньше, чем мужчин, но костяки их потревожены сильнее, так как женские могилы грабились более основательно. Тогда можно допустить, что большая часть неопределяемых костяков принадлежала женщинам. В этой связи небезынтересно напомнить, что в синхронных курганах Центрального Тянь-Шаня, раскопанных в свое время под руководством А. К. Кибирова[1], тоже низкий процент женских костяков, примерно 1:2.

Если о соотношении мужских и женских захоронений в могильнике Джаныш-Булак трудно говорить что-либо определенное, то почти полное отсутствие детских могил является твердо установленным фактом. Погребение ребенка 1,5—2 лет в отдельной оградке у кургана 11 подтверждает предположение о том, что детей хоронили по особому обряду, отдельно от взрослых. Вероятно, в результате неглубоких захоронений и по причине непрочных оградок детские могилы не сохранились до наших дней. Вопрос об их количестве остается неясным. Однако кое-какие рассуждения могут приблизить нас к его разрешению. Всем без исключения древним культурам, практически вплоть до нового времени, свойственна высокая детская смертность[2]. Так, в сельских местностях России в конце XIX в. скончавшиеся в возрасте до двух лет составляли 48% от общего числа умерших за 5 лет; дети, умершие в возрасте 15 лет, в то время составляли 68%[3].

Если для могильника Джаныш-Булак, к примеру, взять меньшую цифру — 50%, то и в этом случае за время функционирования могильника должно было умереть не менее 20—25 детей. В связи с этим необходимо внести поправку в упомянутый выше средний возраст, т. е. считать средней продолжительностью жизни населения этого района около 20 лет, примерно столько же, сколько в древнем Риме[4].

Зная среднюю продолжительность жизни и количество погребенных, можно, опять-таки приблизительно, рассчитать время функционирования могильника Джаныш-Булак. Для всех последующих рассуждений необходимо принять исходные положения, не требующие специального доказательства.

1. Могильник оставлен группой людей, находившихся между собой в определенных родственных и общественных отношениях.

2. Кладбище функционировало дольше, чем продолжался период жизни одного реального поколения, т. е. более 25 лет.

---

[1] А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане в 1953 — 1955 гг. Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, стр. 63—138; Н. Н. Миклашевская. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии. Там же, стр. 312.

[2] См.: A. M. Carr—Saunders the population problem a stady in human evolution. Oxford. 1922; М. С. Авербух. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967; А. Барнетт. Род человеческий. М., 1968.

[3] М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби. МИА, № 48. М., 1956, стр. 23.

[4] А. Барнетт. Род человеческий, стр. 255.

3. При данной средней продолжительности жизни взрослых одновременно могли жить представители не более чем двух поколений, т. е. родители и дети. До возраста бабушек и дедушек родители, как правило, не доживали.

4. Брачный возраст вряд ли был старше 15—16 лет. При максимально высокой рождаемости каждая женщина могла дать потомство в 10—12 детей. Из них в детском возрасте погибало не менее 50%. Следовательно, до репродуктивного возраста доживало не более 5—6 детей от каждой супружеской пары.

5. Дожившие до брачного возраста, воспроизведут такое же в среднем потомство, из которого опять же не менее половины умрет, не дожив до брачного возраста.

Теперь можно попытаться восстановить в первом приближении картину роста популяции, члены которой были похоронены в могильнике Джаныш-Булак. Рассмотрим сначала простейший случай неперекрывающихся поколений, т. е. условия, когда к моменту брачного возраста детей родители уже умирают.

Предположим, что в какой-то отрезок времени (T_0) в никем не занятом урочище Джаныш-Булак поселились две брачные пары — условие, минимально необходимое для того, чтобы обеспечить воспроизводство потомства без кровосмешения. Тогда можно представить, что по истечении 15—16 лет при ничем не ограниченной рождаемости они произведут на свет по 10—12 детей. Из этого количества не менее 50% погибнет в раннем возрасте. Таким образом, до следующего отрезка времени (T_1), т. е. до брачного возраста второго поколения, доживет не более 5—6 пар. За этот период (T_0+T_1) первое поколение умрет, и на террасе урочища Джаныш-Булак появятся первые четыре кургана. К моменту смерти первого поколения популяция достигнет размера в 5—6 брачных пар. Это значит, что в течение следующего отрезка времени (T_3) каждые 1—1,5 года на свет будет появляться 5—6 новых граждан этого древнего коллектива. При сохранении тех же норм рождаемости и смертности к концу третьего периода население Джаныш-Булака будет составлять уже 12—15 моногамных семей, а в могильнике к тому времени будет похоронено 12—14 взрослых человек. Таким образом, для того, чтобы накопилось то количество курганов, которое мы наблюдаем на террасе могильника Джаныш-Булак, требуется не более четырех отрезков времени по 14—16 лет, т. е. всего около 60 лет. Если же считать единым кладбищем курганы на террасе и у ее подножья, то, учитывая экспоненциальный рост, можно добавить еще 6—8 лет, т. е. для общего количества курганов потребуется не более 70 лет.

Эти рассуждения можно выразить с помощью формулы. Обозначим через X_1, X_2, X_3. . . . X_n количество замужних женщин, т. е. число возможных брачных пар, способных к деторождению в 1, 2, 3-м, ... n поколениях. Допустим, что из потомства каждой семьи до репродуктивного возраста доживает R женщин. Тогда

$$X_{n+1}=R \cdot X_n. \qquad (1)$$

Например, в первом поколении было всего две брачные пары, т. е. $X_1=2$. Из их потомства до брачного возраста дожило 5 девушек: $R=5$. Тогда $X_2=5x2=10$; $X_3=5x10=50$ и т. д. Нетрудно заметить, что при такой закономерности роста немногим более чем через 100 лет от начала отсчета население Джаныш-Булака достигло бы 30000 человек, что соответствует экспоненциальному закону:

$$X_{n+1}=X_1R^{n-1}, \qquad (2)$$

однако не соответствует реальной исторической действительности. Можно допустить, что на первом этапе, когда урочище Джаныш-Булак представляло собой никем не занятую «экологическую нишу», рост населения был близок к тому, что мы предположили, но вскоре под влиянием социальных и экологических условий картина существенно изменилась. Кроме того, нами не учтен ряд факторов, влияющих на численность популяции при перекрывающихся поколениях. Случаи, которые мы наблюдаем в курганах 7 (♂), 6, 21 (♂ и ♀) и др., говорят о том, что далеко не все родители умирали, не дожив до возраста бабушек и дедушек. Можно представить и более сложную вероятностную модель, как это показано в специальных исследованиях[1]. Но надо иметь в виду, что «за исключением тех случаев, когда плодовитость и смертность описываются совсем простыми функциями возраста, самое большее, что можно сделать, это решать конкретные задачи арифметическими методами. Связанные с этим вычисления, хотя они и не особенно сложны, могут оказаться весьма трудоемкими»[2]. Если бы мы располагали не фрагментарными, а полными сведениями о половозрастном составе погребенных в могильнике Джаныш-Булак, то трудоемкость, отмеченная Дж. Смитом, могла бы быть преодолена с помощью ЭВМ. Но фрагментарность антропологических определений, базирующихся на минимальных остеологических остатках, заставляет ждать более благоприятного момента.

Во всяком случае, из сказанного ясно, что могильник Джаныш-Булак (неважно, какие имеются в виду курганы — те, что на террасе, или те, что у ее подножья) разрастался сравнительно быстро и функционировал едва ли дольше полустолетия. Этот вывод в свою очередь влечет за собой необходимость более точной датировки, особенно радиоуглеродной, поскольку датировка периодом, который в 6—8 раз превышает время «жизни» археологического объекта, сомнительна. О точных половозрастных антропологических определениях из-за плохой сохранности костей говорить не приходится. Это является одним из важнейших условий социологических реконструкций.

Выше уже отмечалось, что курганы и могильники, подобные рассмотренным, традиционно считаются памятниками ранних кочевников.

---

[1] The mathematical approach to biology and medicin. London—New-York, гл. VIII, русский перевод. М., «Мир», 1970.

[2] Дж. Смит. Математические идеи в биологии. М., 1970, стр. 67.

Вряд ли имеет смысл заниматься сейчас критическим анализом сведений, которые приводились в пользу такой реконструкции хозяйственного уклада. Возможно, что в ряде случаев выводы о кочевом образе жизни населения, оставившего могильник сако-усуньского типа, верны, но по отношению к древним жителям Джаныш-Булака такое заключение требует дополнительных доказательств, а ими мы пока не располагаем.

Следует отметить, что утверждение о кочевом хозяйстве усуней, вернее, об исключительном характере такого хозяйства было поставлено под сомнение еще М. В. Воеводским и М. П. Грязновым[1]. Впоследствии, после работ А. Н. Бернштама[2] и А. К. Кибирова[3], эти сомнения до определенной степени были развеяны, однако при массовых исследованиях курганов этого периода в Семиречье и в Притяньшанье и особенно после появления некоторых прямых свидетельств о наличии земледелия у усуней они возникли вновь[4]. Нельзя также не отметить, что при рассмотрении вопросов о хозяйственном укладе усуней, немалую роль играли косвенные данные (круглодонная керамика, ландшафтные условия и др.).

Целесообразно в данном случае отвлечься от всех косвенных сведений и традиционных представлений и проанализировать полученный археологический материал о хозяйстве древних жителей урочища Джаныш-Булак.

Как уже отмечалось, материал, собранный при раскопках, чрезвычайно беден и никакими внешними эффектами не обладает. Прямых свидетельств в пользу того или иного хозяйственного уклада у нас нет. Допустим, что жители Джаныш-Булака были ранними кочевниками, как это, собственно, и предполагалось в начале полевого сезона. Общие конструктивные особенности курганов не противоречат этому предположению. Внешне они не отличаются от многих подобных курганов, считающихся памятниками кочевников. Керамика относительно многочисленна, хотя и не очень разнообразна по форме. Например, в могиле женщины 25—30 лет (кург. 4) найдено пять сосудов с пищей. По четыре сосуда находилось в могилах мужчин из курганов 20 и 22, почти во всех остальных могилах обнаружено по 2—3 сосуда в целом или фрагментарном виде. Любопытно, что среди сосудов был один со следами

---

[1] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3—4.

[2] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 35; Тр. САЭ, «Чуйская долина». МИА, 14. М.—Л., 1950, стр. 58 и др.; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26. М.—Л., 1952, стр. 97 и др.

[3] А. Кибиров. О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра. Тр. ИИ АН Киргиз. ССР, вып. I, 1955; его же. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане..., стр. 111, 135 и др.

[4] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 257—264; К. А. Акишев. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, стр. 69—78; А. К. Абетеков. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней. КСИА, 122, стр. 67—70 и др.

росписи, но ни одного (если не считать двух невыразительных обломков) — со следами изготовления на тканевом шаблоне. Среди керамики большое место занимают полусферические чаши, которые по размерам соответствуют нормам столовой посуды, но недостаточно малы, чтобы ими пользоваться как пиалами. Разнообразие и относительно большое количество керамики плохо согласуется с представлениями о кочевом быте. В быту кочевники использовали «в основном кожаную и деревянную посуду, очень удобную при частых переездах, а легко бьющуюся глиняную посуду употребляли в минимальном количестве, преимущественно во время продолжительных стоянок. Причем, судя по многочисленным археологическим материалам, глиняные сосуды, найденные при раскопках памятников кочевых племен, однотипны, своеобразной формы (узкогорлые, шаровидные и с выпуклым дном) и малой емкости. Напротив, оседлые племена изготовляли и употребляли глиняную посуду разную по форме, размеру и назначению»[1]. Другим фактом, мимо которого нельзя пройти, является совершенное отсутствие в могилах костей животных, а это значит отсутствие следов мясной пищи. Однако во всех погребениях найдены остатки другой, достаточно разнообразной пищи. Если разнообразие блюд еще можно как-то объяснить ритуальным характером трапезы или стремлением запасти пищу для умершего на длительный срок, то отсутствие мясной пищи на похоронах кочевника-скотовода объяснить трудно. Вскрытие всех курганов и применявшаяся методика раскопок исключают возможность пропуска костей животных в ходе полевых работ. В аналогичных условиях, т. е. при большой степени ограбленности курганов долины р. Или, Г. А. Кушаев из 201 кургана в 94 обнаружил позвонки и крестцы овец[2].

Остатки мясной пищи в могилах являются одним из главных доказательств наличия скотоводства. В курганах Джаныш-Булака их нет. Но вместе с тем нами не обнаружено и прямых свидетельств о каком-либо ином, не скотоводческом, хозяйстве. Вряд ли было правильным рассуждение по упрощенной схеме: «Раз нет данных о скотоводстве — значит было земледелие». Этнографические наблюдения показывают, что возможны различные смешанные формы хозяйства[3]. Примерно такие же выводы вытекают из археологических исследований курганов Семиречья[4].

Ограниченность фактического материала не позволяет делать решительных выводов о способе хозяйства жителей урочища Джаныш-Булак, но позволяет высказать кое-какие соображения о том, каким способом можно при последующих полевых работах проверить гипотезу о земледельческом укладе хозяйства в этом районе. Некоторые косвенные данные в пользу этой гипотезы имеются, другие—могут быть получены

---

[1] К. А. Акишев. О возникновении оседлости... стр. 75..
[2] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков..., стр. 259.
[3] Ф. Фиельструп. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. В сб.: Казаки. Л., 1927, стр. 100 и др.
[4] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков..., стр. 263—264.

специальными методами исследования. Так, обращает на себя внимание степень износа поверхности зубов в сохранившихся черепах. Он оказался несколько бóльшим, чем мы ожидали при данном возрасте погребенного. Это обстоятельство может быть объяснено преобладанием растительной пищи в рационе. Любопытно, что у 45—50-летнего мужчины, похороненного по тюркскому обряду в кургане 8, зубы, наоборот, значительно «моложе» его возраста. В том, что он принадлежал к скотоводческой культуре и, конечно, употреблял преимущественно мясную и молочную пищу, сомнений нет.

Для более «тонкой» проверки этих предположений следовало бы воспользоваться физико-химическими методами. Вряд ли можно рассчитывать на исчерпывающий ответ пыльцевого анализа тлена из керамических сосудов, хотя сделать это никогда нелишне. А вот анализ состава минеральных солей, думается, был бы полезен.

В качестве предварительного итога можно сказать, что предполагаемая более ранняя дата могильника Джаныш-Булак не подтверждается[1], а вопросы о возможном земледельческом хозяйстве носителей этой культуры требуют дополнительной проверки.

К сожалению, так же мало можно сказать и об общественном устройстве этого древнего коллектива. Если следовать трафаретной схеме, то здесь нет больших и малых курганов, которые считаются признаком социальной дифференциации. Тогда следует предположить, что перед нами коллектив с более или менее равным общественным положением его членов. Во всех случаях наблюдались одиночные захоронения в отличие от курганов сакского времени, в которых преобладают коллективные могилы.

---

[1] Об относительной хронологии могильника Джаныш-Булак см. статью А. К. Абетекова «Могильник Джаныш-Булак» в данном сборнике.

В. П. Мокрынин

Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш

Могильник Теке-Таш расположен в 2 *км* к северо-востоку от старого райцентра Токтогул на левобережной надпойменной террасе р. Чичкан. Состоит из бессистемно разбросанных курганов. Первоначально число их было больше. Часть курганов снивелирована распашкой восточной окраины могильника. Среди могильных насыпей просматриваются подпрямоугольные и кольцевые каменные выкладки. Количество их из-за разрушения и естественной осадки образующих выкладки камней не поддается точному учету. Выкладки напоминают наземные сооружения над погребениями эпохи бронзы в могильнике Джазы-Кечу, находящемся на левом берегу р. Нарын[1]. В южной части могильника Теке-Таш три кургана древнетюркского времени[2]. Подавляющее же большинство раскопанных курганов в хронологическом отношении представляет собой памятники рядового населения эпохи ранних кочевников. Подобные памятники в долине Кетмень-Тюбе уже подвергались раскопкам[3].

Курган 1. Диаметр 12,5 *м*, высота 0,75 *м*. Насыпь каменно-земляная. На глубине 0,8 *м* под насыпью, севернее центра кургана расчищено погребение. Скелет человека в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте под прямым углом, кисть лежит в области живота. Пол мужской, 55—60 лет, черепная коробка мезокранная, тип европеоидный[4]. Справа от черепа найдены фрагменты круглодонного сосуда. Под центром насыпи оконтурилась могильная яма[5], ориентированная длинной осью за-

---

[1] П. Н. Кожемяко. *Погребения эпохи бронзы в Киргизии.* Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 103; И. К. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Работы в долине Кетмень-Тюбе. АО 1968 года. М., 1969, стр. 449; они же. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. В сб.: Успехи среднеазиатской археологии. вып. 1. Л., 1972, стр. 40.

[2] См.: А. К. Абетеков, И. Кожомбердиев, В. И. Мокрынин. Памятники тюркского времени. В настоящем сборнике.

[3] И. К. Кожомбердиев. Раскопки Токтогульского отряда. АО 1971 года. М., 1972, стр. 546—547.

[4] Антропологические определения сделаны Т. П. Кияткиной, принимавшей непосредственное участие в раскопках могильника.

[5] Ниже размеры могильных ям приводятся в указанном здесь порядке.

пад — восток. Длина ямы 1,95 *м*, ширина 1;25 *м*, глубина 1,1 *м*. При расчистке ямы ничего не найдено.

Курган 3. Диаметр 6,5 *м*, высота 0,64 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под центром насыпи оконтурилась овальная яма, ориентированная длинной осью запад—восток. Размеры ее: 1,75×0,83×1,4 *м*. В яме на спине, в позе «всадника», головой на запад лежал погребенный. Возраст свыше 50—55 лет. Кости очень плохой сохранности[1]. У локтя левой руки, впритык к северной стенке, стояло два сосуда. Один из них разбит.

Курган 5. Диаметр 5,7 *м*, высота 0,56 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под центром кургана яма с округленными углами, ориентированная длинными сторонами запад — восток. Размеры ее: 2х0,85х0,98 *м*. В засыпи на разных уровнях находились фрагменты костей скелета человека. На глубине 0,6 *м* от материка вверх дном лежала расписная чаша. Второй сосуд находился в нише северной стенки ямы на глубине 0,72 *м* от материка. Длина ниши 0,55 *м*, ширина 0,17 *м*, высота 0,2 *м*.

Курган 7. Диаметр 4,3 *м*, высота 0,65 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под центром кургана оконтурилась плотная каменная забутовка овальной формы, которая почти точно передавала контур ямы. Большое количество камней попадалось и в засыпи ямы. Здесь же обнаружен керамический фрагмент. Овальная яма ориентирована длинной осью северо-запад — юго-восток. Размеры ямы: 1,65х0,5х1,5 *м*. На дне отдельные кости человеческого скелета со смещенной нижней частью. У изголовья слева стоял сосуд с ручкой. Рядом с ним фрагмент другого сосуда.

Курган 9. Диаметр 3,2 *м*, высота 0,4 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под ней плотная каменная забутовка, заполнившая яму. При разборке ее встречались фрагменты керамики и кости скелета. Яма овальная, ориентированная длинной осью северо-запад — юго-восток. Размеры ее: 2,1х0,8х0,52 *м*. На дне ямы в северо-западной части на боку лежал сосуд с петлеобразной ручкой.

Курган 10. Диаметр 3,7 *м*, высота 0,2 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под ней обозначилась могильная яма, ориентированная длинной осью северо-запад — юго-восток. В северо-западной части ее засыпь из камней, в остальной — лёсс и щебенка. В засыпи встречен фрагмент круглодонного сосуда. Размеры ямы: 2,12х0,75х0,95 *м*. В северной стенке, на глубине 0,68 *м* от материка, ниша длиной 0,41 *м* и глубиной 0,22 *м*. На дне ямы остатки скелета человека — череп и фрагменты костей левой ноги. Возраст 16—18 лет.

Курган 11. Диаметр 3 *м*, высота 0,2 *м*. Насыпь покрыта камнями, значительная часть которых была убрана в древности. Прослеживаются остатки кольцевой каменной выкладки по основанию кургана. Под центром насыпи подпрямоугольная могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад — юго-восток. Размеры ее: 2х0,75х х0,92 *м*. Засыпь щебенчатая. На дне ямы, у северной стенки, два сосуда.

---

[1] Это характерно для всех без исключения костных останков в могильнике.

Курган 14. Диаметр 5 *м*, высота 0,21 *м*. Насыпь сконструирована из двух концентрических кругов, выложенных из камней. Размеры внешнего круга совпадают с диаметром кургана, диаметр внутреннего, несколько нарушенного кольца, 2,5 *м*. Под внутренним кольцом обозначилась подпрямоугольная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад — юго-восток. Размеры: 1,82х0,73х0,98 *м*. На дне ямы в беспорядке кости скелета женщины 45—50 лет. У северо-западной стенки большой камень. На глубине 0,65 *м* от материка ниша длиной 0,72 *м*, глубиной 0,28 *м*. В нише два сосуда: круглодонная широкая миска и кувшинчик с ручкой.

Курган 15. Диаметр 5,2 *м*, высота 0,36 *м*. Насыпь каменная. В ней найден фрагмент сосуда. Под центром насыпи яма, ориентированная длинной осью восток — запад. Особенности грунта не позволили точно оконтурить границы ямы, поэтому северная и прилегающие к ней части восточной и западной стенок ямы в процессе раскопок были нарушены. Засыпь каменно-земляная. На глубине 1,12 *м* in situ зачищена верхняя часть скелета мужчины 25—30 лет, который лежал на спине, головой на запад. У изголовья слева раздавленная круглодонная миска.

Курган 18. Диаметр 5 *м*, высота 0,25 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под ней оконтурилась овальная могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад — юго-восток. Размеры: 2,4х0,6х0,8 *м*. В лёссово-щебенчатой засыпи встречены крупные камни, фрагменты костей человека. В северной стенке ямы, в нише размером 0,5х0,23 *м* два сосуда.

Курган 24. Диаметр 6 *м*, высота 0,36 *м*. В конструкции насыпи прослеживаются два концентрических кольца. Внешнее кольцо соответствует диаметру кургана, внутреннее — имеет диаметр 3 *м*. Внутри последнего каменная наброска. Под ней оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад — юго-восток. Размеры: 2х1,2х1,1 *м*. Засыпь каменно-земляная. На дне ямы зачищены фрагменты костей верхней части скелета человека. Возраст 40—50 лет, тип европеоидный. Череп покоился на плоском камне. У левого предплечья два сосуда, в одном из них (широкой круглодонной миске) два ребра барана и железный нож.

Курган 25. Диаметр 4,5 *м*, высота 0,6 *м*. По основанию насыпи выложено каменное кольцо. В середине — каменная наброска, под ней оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад — юго-восток. В засыпи крупные камни. Размеры ямы: 2х1х1 *м*. На дне в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад лежал скелет погребенного. Под черепом находился плоский камень. У изголовья слева два сосуда.

Курган 27. Диаметр 5,5 *м*, высота 0,3 *м*. Насыпь каменно-земляная. Основание его оконтурено кольцом из более крупных камней. Внутри него было выложено второе кольцо. Обе выкладки носят следы разрушения. Под центром насыпи оконтурилась овальная яма, ориентированная длинными сторонами северо-запад — юго-восток. Размеры

ямы: 1,85х0,75х0,77 *м*. Засыпь щебенчатая. На дне ямы в юго-восточном конце ее круглодонный кубок с отбитой петлеобразной ручкой.

Курган 29. Диаметр 3,5 *м*, высота 0,2 *м*. Насыпь каменно-земляная. Под ее центром оконтурилась могильная яма. В лессово-щебенчатой засыпи ямы встречаются крупные камни. Размеры ямы: 1,6х0,7х 0,88 *м*. На дне ее в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад лежал скелет человека. У левого предплечья два сосуда.

Курган 30. Диаметр 4,6 *м*, высота 0,3 *м*. Поверхность насыпи выложена камнями, по основанию ее каменное кольцо. Под насыпью могильной ямы не оказалось. Заложен раскоп 2,3х1,8 *м*. На глубине 0,98 *м* от материка, в северо-западном углу его, стояли в ряд три круглодонных сосуда.

Курган 32. Диаметр 3 *м*, высота 0,18 *м*. Каменно-земляная насыпь оконтурена по основанию кольцом из более крупных камней. С юго-восточной стороны выкладка разрушена. Под насыпью прямоугольная яма, ориентированная запад—восток с небольшим отклонением. Размеры ее: 1,72х0,8х1,05 *м*. В засыпи ямы много крупных камней. Среди них встречены фрагменты костей человека и боковина сосуда. У северной стенки стоял круглодонный бокал с отбитым венчиком.

Курган 36. Диаметр 5,2 *м*, высота 0,3 *м*. Насыпь каменно-земляная. По основанию прослеживается каменное кольцо. Могильная яма смещена к югу от центра кургана, ориентирована длинными сторонами северо-запад—юго-восток. В лёссово-щебенчатой засыпи встречаются камни. Размеры ямы: 2,1х1,95х0,83 *м*. На дне ее в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад лежал скелет погребенного. Возраст 30—35 лет. У левого предплечья стояло два сосуда. В широкой круглодонной миске позвонок и ребро барана.

Кроме вышеописанных курганов в могильнике было вскрыто еще восемь погребений того же типа, но в них не обнаружено ни костных остатков, ни инвентаря.

Захоронения, к сожалению, ограблены, что не позволяет воссоздать полную картину погребального обряда. Для исследуемого могильника по внешним признакам можно выделить два вида конструкции наземных погребальных сооружений: 1) насыпь из земли и беспорядочно набросанных камней; 2) насыпь с четко выделенными двумя концентрическими кругами, один из которых выложен у основания кургана, другой — ближе к центру. Системы взаимного расположения их в могильнике не наблюдается. Над могильной ямой под насыпью в отдельных случаях прослеживалась каменная наброска. Она зачастую повторяла очертания могилы.

Могильные ямы имеют форму овала или прямоугольника с округленными углами. Стенки вертикальные, в некоторых из них (в северной или в северо-восточной) ниша. Ямы с нишами встречались и под насыпью как первого, так и второго вида. Ориентировка могильных ям стабильна: восток—запад или юго-восток — северо-запад. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад (севе-

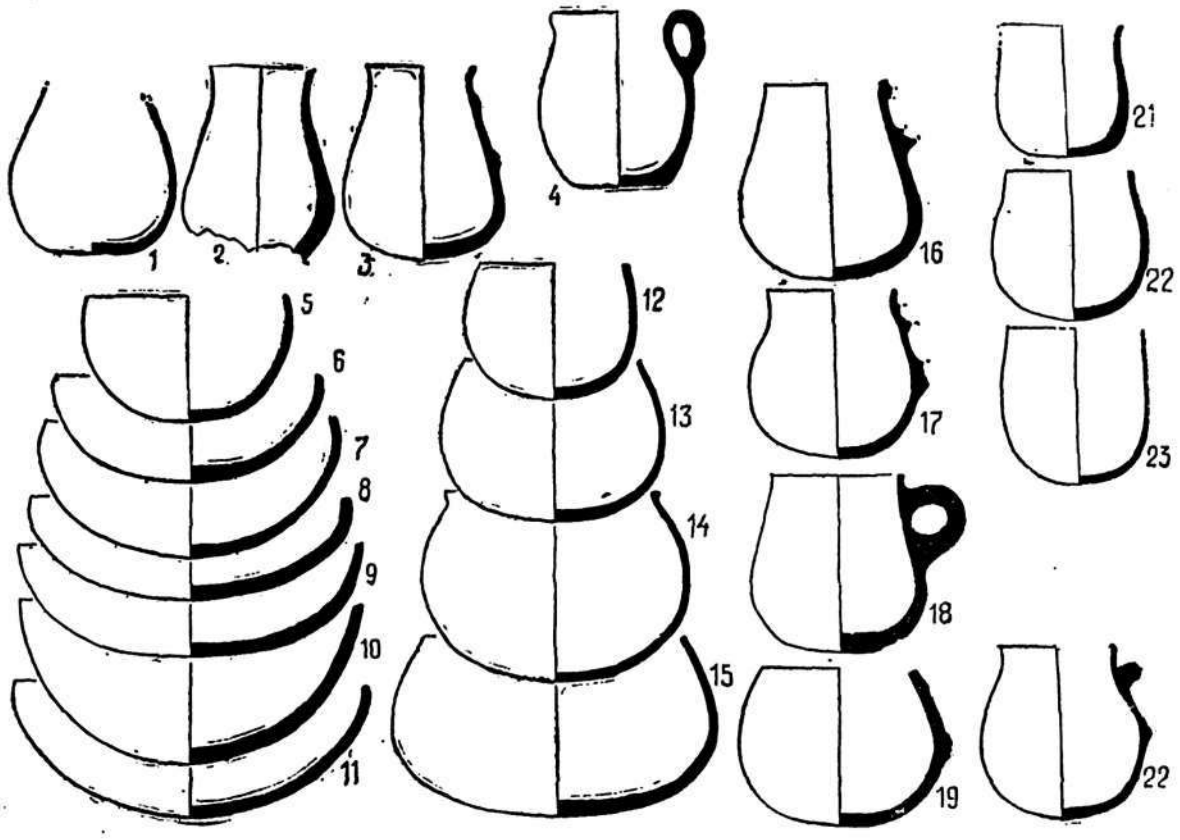

Таблица I. Керамика из могильника Теке-Таш. *1, 14* — к. 26; *2, 9* — к. 14; *3, 10, 22* — к. 30; *5, 11* — к. 5; *6, 19* — к. 25; *7, 12* — к. 36; *8, 18* — к. 18; *4* — к. 9; *13* — к. 29; *15, 16* — к. 24; *17* — к. 27; *21* — к. 37; *23* — к. 3; *20* — к. 7.

ро-запад). Иногда кисть руки покоилась в области живота или таза. В одном случае зафиксирована поза «всадника».

В кургане 1 погребение было совершено на дневной поверхности. Возможно, что это впускное погребение. Однако не исключено, что оно синхронно погребению в яме под тем же курганом. Об этом свидетельствует фрагмент круглодонного сосуда, найденного справа от погребения. Кроме того, захоронения под насыпью на дневной поверхности не так уже редки для времени ранних кочевников[1]. Инвентарь скуден, представлен довольно однообразными керамическими сосудами: полусферическими чашами, широкими круглодонными мисками, кубками (табл. I). Выделяются сосуд, под венчиком которого имеются подковообразные налепы, и расписная чаша. Сосуды, как правило, располагались в западной (северо-западной) части ямы и ставились у левого плеча погребенного либо в специальной нише в том же положении по отношению к скелету. Иногда в мисках лежали ребра и позвонки барана (козы?), в одном случае среди них был железный нож. Обычно в погребении встречалось два сосуда: миска с бокалом либо с бокалообразной чашей. Керамические сосуды находят аналогии среди значительного керамического материала периода ранних кочевников, который в настоящее время еще не имеет убедительной хронологической систематизации.

Костные остатки в могильнике незначительны. Они позволяют с уверенностью заключить, что в раскопанных курганах были погребены взрослые мужчины и женщины. Только в двух случаях, и то под сомнением, удалось определить расовую принадлежность по частично сохранившимся лицевым костям черепов. Они принадлежали европеоидам.

Не было обнаружено и материалов, в какой-то мере датирующих могильник Теке-Таш. Поэтому для определения его хронологии мы вынуждены прибегнуть к сопоставительному методу.

Исследуемый могильник по планировке, конструкции погребальных сооружений и камер, по обряду захоронения, инвентарю относится к хорошо известному в науке кругу памятников времени ранних кочевников. Он имеет много общих черт с могильниками Семиречья, Тянь-Шаня, Таласской долины, Ферганы и Алтая, которые датируются в общем VI в. до н. э. — V в. н. э. В пределах этого отрезка времени делаются попытки определения более дробных дат, однако в целом еще не существует достаточного аргументированного членения на хронологические этапы. Наиболее полно эта работа проделана для могильников Ферганы, где удалось провести не только сравнительно-типологический анализ керамики, но и сопоставить вещевые комплексы из могильников со стратиграфическими наблюдениями при раскопках городищ[2].

---

[1] Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник, АСГЭ, вып. 3. Л., 1961, стр. 183.

[2] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 5—6; Б. А. Латынин. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы. Исследования по археологии СССР. Сб. в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 111—119; Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АСГЭ, № 5. Л., 1962, стр. 103—106.

Особенности устройства насыпи и западную ориентацию погребенных трудно считать узко датирующими признаками, потому что они известны в других регионах хронологически широко. Достаточно отметить, что западная ориентация превалирует как в савроматских и раннесакских погребениях, так и в погребениях кочевников первой половины I тыс. н. э.[1] А. Н. Бернштам полагал, что наличие концентрических колец из камней в конструкции курганов является достаточным основанием для датировки их сако-усуньским временем. В могильнике Аламышик IV он выделил курган с наличием концентрических каменных колец и сплошной забутовкой центра мелкими камнями и датировал его V—IV вв. до н. э.[2] Попытку хронологической классификации каменных колец из могильников долины р. Или сделал Г. А. Кушаев. Он пришел к выводу, что кольца, которые четко различимы до вскрытия кургана, характерны для III в. до н. э. — I в. н. э.[3]

Курганы с каменно-земляной насыпью, которые сосуществуют с курганами вышеуказанной конструкции, датируются более широко. Если в Фергане они характерны для V—IV вв., то в Семиречье и Таласской долине такие курганы бытуют вплоть до тюркского времени включительно[4].

Таким образом, особенности конструкции насыпей курганов позволяют полагать, что они были сооружены во второй половине I тыс. до н. э.

Нижний хронологический предел для изучаемого могильника, как представляется, могут дать сопоставления с памятниками подобного рода из Ферганы, с которыми материалы курганов из урочища Текеташ имеют идентичные черты. К таковым могут быть отнесены специфические элементы погребального обряда и сооружения могильных ям. Овальные грунтовые могилы и западная ориентация погребенных известны в могильниках Ак-Там, Валик, Нияз-Батыр. Погребенных во многих случаях, как и в курганах 14, 24, 25 могильника Текеташ, укладывали головой на каменную подушку. Часто глиняную посуду ставили в специально вырытую в стенке ямы нишу[5], что также зафиксировано в курганах 5, 10, 14, 18 исследуемого могильника. Следует оговориться,

---

[1] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 91; О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья. В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, стр. 199—200; А. Г. Максимова. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар, стр. 125—130; А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники..., стр. 28.

[2] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки, стр. 25.

[3] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней..., стр. 238—244.

[4] Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа, стр. 106; А. Г. Максимова. Курганный могильник..., стр. 131; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 25. Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 91.

[5] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, вып. 69; 1957, стр. 78—91; В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 56—63; Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы.... стр. 94—98; ее же. В древней Фергане. Ташкент, 1972, стр. 4.

что и последний элемент не может быть определяющим для установления нижнего хронологического предела, так как подобные ниши известны в курганах Таласской долины и Центрального Тянь-Шаня более позднего времени[1]. Однако в могильнике Теке-Таш найдена лепная чаша, расписанная под венчиком темно-красной краской по светлому ангобу. Мотив орнамента — два пояса заштрихованных треугольников. Этот тип керамики наиболее характерен для ферганских могильников, хотя изредка встречается в курганах Алая, Чуйской и Илийской долин[2].

Таким образом, отдельные элементы погребального обряда и инвентаря могильника Теке-Таш и ферганских могильников имеют общие черты, позволяющие считать их если не синхронными, то близкими по времени. Наиболее вероятной датой существования ферганских могильников Тулейкен, Ак-Там, Суфан, Кунгай, Валик, Нияз-батыр принято считать V—IV вв. до н. э.[3] В связи с тем, что в могильнике Теке-Таш встречены материалы и более позднего времени, последнюю цифру, как представляется, можно считать нижним хронологическим периодом для его датировки.

Сложнее установить верхний хронологический период, так как подобные памятники, что уже отмечалось, известны вплоть до V в. н. э. Возможно, здесь может быть определяющим тот факт, что могильники, в которых встречается круглодонная лепная неорнаментированная и расписная керамика того же типа, известны в Чуйской долине лишь для времени III в. до н. э. — I—II в. н. э.[4] Курганные насыпи с видимыми кольцами хронологически простираются, как определил Г. А. Кушаев, лишь до I в. н. э. Совокупность приведенных данных позволяет установить лишь очень широкую датировку раннекочевнических курганов могильника Теке-Таш. Последние могут быть датированы IV в. до н. э. — I в. н. э.

Исследователи не раз сопоставляли ферганские могильники раннежелезного века с памятниками сако-усуньского времени Семиречья и Тянь-Шаня. Сравнение это позволяет говорить не о полном сходстве, а лишь об отдельных общих чертах. Как установила Н. Г. Горбунова, они проявляются в конструкциях наземных сооружений, в западной ориентации большинства погребенных, в некоторых деталях инвентаря. Тем не менее они считают, что наибольшее сходство изучаемые ею памятники имеют с культурой синхронного населения Алая[5]. На наш взгляд, последнее можно отнести и к могильнику Теке-Таш в долине Кетмень-Тюбе, который, как следует из сказанного выше, является связующим

---

[1] А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины, стр. 25—27, рис. 5; А. Г. Максимова. Курганный могильник, стр. 127—128, табл. I—II.

[2] А. К. Абетеков. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. КСИА, 107. М., 1966, стр. 122—126.

[3] Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы..., стр. 106. Ср.: Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 28.

[4] А. К. Абетеков. Расписная керамика..., стр. 122—126.

[5] Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы..., стр. 116—118.

звеном между родственными культурами Семиречья и Тянь-Шаня, с одной стороны, и Ферганы — с другой. На территории Кетмень-Тюбе в рассматриваемый период происходил синкретизм кочевой культуры аборигенов и кочевников, пришедших с севера, с культурой скотоводческо-земледельческого населения, обитавшего в Фергане. Высказывалось мнение, что наличие ниш в могильных ямах позволяет выделить какую-то локальную группу усуньского племенного объединения, обитавшую в I—III вв. н. э. в Таласской долине[1].

Следует отметить, что обычай выдалбливания ниш в стенке могильной ямы не так уж локален, как представлялось. Он зафиксирован, как было сказано выше, не только в Таласской долине, но и в Центральном Тянь-Шане, в Фергане и Кетмень-Тюбе. Для других мест такая особенность конструкции могильной ямы пока неизвестна.

Примечательно, что в Таласских могильниках Карша I и Кызыл-Кайнар, как и в Ак-Тамском и других могильниках Ферганы, ниши зафиксированы в южных стенах могильных ям[2]. В могильнике Четинди, расположенном территориально ближе к Кетмень-Тюбе, в верховьях р. Талас, такие ниши, как в могильнике Теке-Таш, отмечены в северной стенке. Если учесть, что таласские памятники моложе ферганских и датируются I—III вв. н. э., то можно высказать некоторые предположения относительно этногенетических процессов в долинах Западного Тянь-Шаня.

Общие специфические черты в культуре Ферганы, Кетмень-Тюбе и Таласа могут быть объяснены несколькими причинами. Их можно отнести за счет культурных контактов, однако, учитывая значительный хронологический разрыв (Эйлатан, по времени синхронный с могильником Ак-Там, завершился в III в. до н. э.), следует искать иное обоснование.

Н. Г. Горбунова, исследуя могильники Ферганы V—IV вв. до н. э., высказала предположение, что кочевники — выходцы из Семиречья и Тянь-Шаня — занимали видное место в формировании культуры оседлых «актамцев»[3]. По-видимому, это были сакские племена, которые окончательно не порвали со скотоводством и сохранили свою мобильность. Возможно, что на рубеже новой эры они вновь возвращаются в горные долины Кетмень-Тюбе и Таласа и несут с собой некоторые элементы культуры древней Ферганы. Причины миграции могут быть разными. Не исключено, что этот процесс был вызван естественным для скотоводов освоением новых пастбищных территорий. Но может быть частичное переселение ферганцев было сопряжено с известными оже-

---

1 А. Г. Максимова. Цепочка курганов из могильника Карши, стр. 128; ее же. Курганный могильник.., стр. 137.

2 Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы..., стр. 96—97, рис. 1, *1*; А. Г. Максимова. Цепочка курганов.., стр. 128.

3 Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы..., стр. 114—119; ее же. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. СА, 1970, № 1, стр. 83; ее же. В древней Фергане, стр. 7—9.

сточенными военными действиями из-за так называемых «небесных лошадей» или с натиском племен катакомбно-подбойной культуры с запада через ходжентские ворота, начавшимся в это же время или несколько позже[1]. Такое переселение вероятно и потому, что население Ферганы было в дружественных и даже союзнических отношениях с государственным объединением Кангюй, которое на востоке граничило с Таласской долиной[2]. Миграция ферганских скотоводов к северным предгорьям Тянь-Шаня, по крайней мере, в район верховий р. Талас, проходила и через Кетмень-Тюбе.

В связи с вышеизложенным представляется вероятным предположение, что в этногенетических процессах на территории Кетмень-Тюбе и Таласской долины в I тыс. до н. э. и в начале I тыс. н. э. участвовала наряду с иными этническими компонентами какая-то часть ферганцев. Поставленные вопросы далеки от окончательного решения и требуют дальнейших археологических и особенно палеоантропологических изысканий.

---

[1] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 162—167. Сводку мнений о времени начального периода подбойно-катакомбной культуры в Фергане см.: Б. А. Литвинский. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, стр. 130—132.

[2] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 165; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Д. Ф. Винник,
М. Кубатбеков

Катакомбные могильники в местности Ничке

Равнинная часть правого берега р. Нарын Кетмень-Тюбинской котловины на всем протяжении имеет неодинаковую степень освоения в далеком прошлом. Следы интенсивного заселения человеком в древности и средневековье отмечены для центральной и западной областей указанной территории. Здесь наиболее благоприятные природные условия: обилие водных источников, плодородные почвы, обширные пастбища, особенно в поймах рек, и удобные для обитания площади. В отличие от названных областей восточная часть долины менее освоена. Естественной границей между этой частью и центральным оазисом является местность Ничке. Отсюда на восток до р. Торкен (на протяжении 15 *км*) курганы, поселения и другие памятники не встречаются. Это объясняется, вероятно, расчлененностью рельефа местности, отсутствием постоянных водных источников и главным образом преобладанием засоленных почв на огромной площади. Даже в наше время этот район ввиду указанных причин остается почти неосвоенным.

Курганы в местности Ничке находятся на правой надпойменной террасе р. Нарын. Они расположены двумя компактными группами, разделенными естественной преградой — р. Ничке-Сай — правым притоком р. Нарын.

Могильник Ничке I. Находится на правом берегу реки Ничке-Сай у места впадения ее в р. Нарын. В настоящее время в нем насчитывается 68 курганов, но первоначально их было значительно больше. Остальные разрушены. Насыпи курганов земляные, овальные и округлые в плане. Поверхность задернована. Курганы расположены настолько плотно, что иногда подошвы их соприкасаются. Размеры насыпей: высота 0,4 — 2,5 *м*, диаметр 3 — 24 *м*. Однако преобладают курганы средних размеров — высотой 0,4 — 1,2 *м* и диаметром 4 — 10 *м*. Курганы в основном разбросаны бессистемно и только большие образуют две цепочки, вытянутые с севера на юг. В первой цепочке 3 надмогильных холма, во второй — 5. По сведениям местных жителей, больших курганов насчитывалось до двух десятков. При нивелировке местности многие из них были уничтожены. Всего в могильнике раскопано три кургана.

Курган 1. Насыпь земляная, овальная в плане. Высота 0,3 *м*, диаметр по линии север—юг 5 *м*, по запад—восток 3,8 *м*. Дромос

под южной половиной насыпи. В плане от трапецеидальной формы, ориентирован строго по север—юг. Длина его 3 *м*, ширина в начале 0,46 *м*, у входа в катакомбу — 0,8 *м*. Пол дромоса имеет уклон с юга на север и находится выше пола катакомбы на 20 *см*. Катакомбная камера расположена под прямым углом к дромосу и ориентирована длинной осью по запад—восток. Длина камеры 1,9 *м*, ширина 0,75 *м*, высота 0,9 *м*, глубина пола от дневной поверхности 2,1 *м*. По центральной линии на полу покоился скелет женщины в возрасте около 60 лет[1]. Анатомическое положение костей ввиду ограбления могилы несколько нарушено. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, руки вдоль туловища. Череп без признаков деформации. Справа в 10 *см* от таза стояли два глиняных сосуда (табл. I, *2, 3*). Около головы лежали кости барана и обломки деревянной чаши или столика. Других предметов не обнаружено.

1. Горшок с асимметрично-округлым туловом, плавно переходящим в закраину. Вверху петлеобразная ручка, которая крепилась общим концом к закраине, а другим — к боковине. Высота горшка 12 *см*, диаметр устья 10 *см*, дна — 9,5 *см*. По центру дна проходит выступ шириной 1,6 *см*. Горшок ручной лепки, грубого изготовления. Черепок в изломе черного и темно-коричневого цвета. Тесто рыхлое, низкого обжига, с большой примесью дресвы. Одна сторона горшка покрыта густой копотью (табл. I, *2*).

2. Кувшин с округло-вытянутым туловом, низкой и широкой горловиной. Закраина округлая, слегка отогнута наружу. К середине горловины и плечику прикреплена массивная ручка дугообразной формы. Высота кувшина 27 *см*, максимальный диаметр тулова 19,5 *см*, диаметр устья 10,8 *см*, дна — 14,5 *см*. Кувшин ручной лепки, поверхность неровная. Черепок в изломе светло-коричневого цвета. Тесто плотное, с обильной примесью крупнозернистого песка (табл. I, *3*).

К у р г а н 2. Насыпь земляная, округлая в плане. Высота 0,5 *м*, диаметр 4,5 *м*. Дромос в плане прямоугольный, ориентирован по линии север—юг. Длина его 2,3 *м*, ширина—0,8 *м*. Пол идет наклонно к входу катакомбы и заканчивается ступенькой высотой 28 *см*. Катакомбная камера расположена под прямым углом к дромосу и ориентирована центральной осью по запад—восток. Длина камеры 2,1 *м*, ширина 0,9 *м*, высота около 1 *м*. Грабительский лаз в месте соединения дромоса с катакомбой. В центре камеры на полу лежал череп ребенка 3—4 лет. Череп с примесью монголоидности и без признаков деформации. Около западной стенки обломки черепа взрослого человека. Положение костяков ввиду полного разрушения скелетов определить невозможно. Ближе к южной стенке камеры, у входа в нее, стояли горшок и кувшин, на полу в разных местах найдены обломки браслета, бусина и кусочек графита.

---

[1] Предварительное определение пола и возраста захороненных здесь и далее проведено антропологом Т. П. Кияткиной.

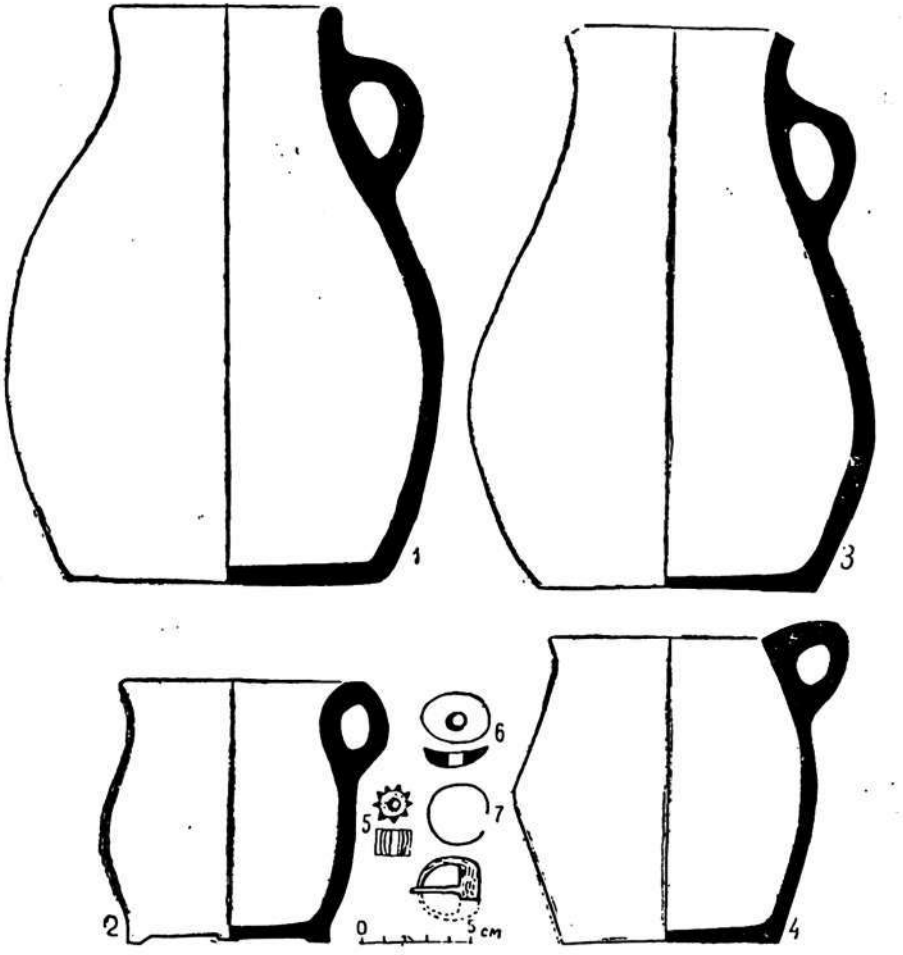

Таблица 1.

1. Горшок с асимметрично-биконическим туловом. Закраина отогнута наружу, верх ее округлый, плоскость неровная. Петлеобразная ручка прикреплена одним концом к закраине, другим к боковине. Высота горшка 14,5 *см*, диаметр устья 11,5 *см*, дна 10 *см*, максимальный диаметр тулова 14,5 *см*. Горшок ручной лепки. Черепок в изломе темно-коричневого цвета. Тесто с примесью дресвы и песка. Большая часть внешней поверхности покрыта нагаром (табл. I, *4*).

2. Кувшин с округло-вытянутым туловом, невысокой горловиной и слегка отогнутой наружу закраиной. Поверхность закраины плоская. К середине горловины и стенке сосуда прикреплена дугообразная ручка. Высота кувшина 26 *см*, максимальный диаметр тулова 18,2 *см*, диаметр

устья 10,8 *см*, дна—12,7 *см*. Черепок в изломе коричневого цвета. Обжиг равномерный. Тесто плотное с примесью песка и известковых вкраплений (табл. I, *1*).

3. Бусина сердоликовая, голубоватого цвета, цилиндрической формы с ребристой поверхностью. Диаметр бусины 1,5 *см*, отверстия — 0,6 *см*, высота 1,3 *см* (табл. I, *5*).

4. Кусочек графита с углублением и отверстием для подвешивания (табл. I, *6*).

5. Обломок бронзового браслета с незамкнутыми концами из проволоки (табл. I, *7*).

Курган 3. Насыпь земляная, округлая в плане, вершина уплощенная, в центре впадина диаметром 1,6 *м* и глубиной 0,5 *м*. Высота насыпи 1,2 *м*, диаметр 8 *м*. В северо-восточном секторе насыпи на глубине 0,8 *м* лежала на боку корчага без дна. С одной стороны она была обложена камнями. В юго-западном секторе насыпи на такой же глубине лежали в кучке обломки трех сосудов. В нижнем слое насыпи находились в беспорядке набросанные камни. Дромос трапецеидальной формы. Длина его 4 *м*, ширина в начале 0,5 *м*, у входа в катакомбу — 0,9 *м*. Дромос ориентирован по север—юг, забутован лессовой засыпью и камнями. Катакомба расположена перпендикулярно к дромосу, ориентирована длинной осью по запад—восток. Длина ее 2,2 *м*, ширина 1,3 *м*, высота 0,94 *м*. По всему полу разбросаны кости скелетов двух взрослых людей. Около западной стенки лежали два черепа — один лицевой частью вниз, другой — на правой стороне. Первый череп принадлежал женщине 35—40 лет, второй — мужчине в возрасте свыше 50 лет. Черепа без следов деформации. В различных местах на полу катакомбы были найдены: фрагмент железной пряжки с подвижным язычком (табл. I), мелкие обломки железных изделий неизвестного назначения и три округлые пастовые бусины.

Корчага с округло-вытянутым туловом, низкой горловиной и дугообразной ручкой, прикрепленной в верхней части сосуда. Высота корчаги 60 *см*, максимальный диаметр тулова 30 *см*, диаметр устья 12 *см*, дна — 20 *см*. Сосуд ручной лепки. Черепок в изломе коричневого цвета. Тесто с примесью дресвы и песка. На внешней поверхности отпечатки крупноволокнистой ткани (рис. 1).

Могильник Ничке II. Находится на левом берегу реки Ничке-Сай, в 0,5 *км* к северо-западу от могильника Ничке I. Все курганы имеют земляные насыпи, округлые и овальные в плане. Вершины уплотненные, в центре многих неглубокие западины. В могильнике 58 курганов. Насыпи высотой 0,5—1,5 *м*, диаметром 4—12 *м*. Курганы расположены неширокой полосой вдоль берега реки в направлении на север. Раскопан один курган.

Курган 5. Насыпь земляная, округлая в плане, вершина уплощенная. Высота 0,8 *м*, диаметр 5,6 *м*. Вход в катакомбу заложен крупными камнями, часть их выпала из кладки и лежала на полу камеры. Катакомба ориентирована длинной осью по запад—восток. Длина ее

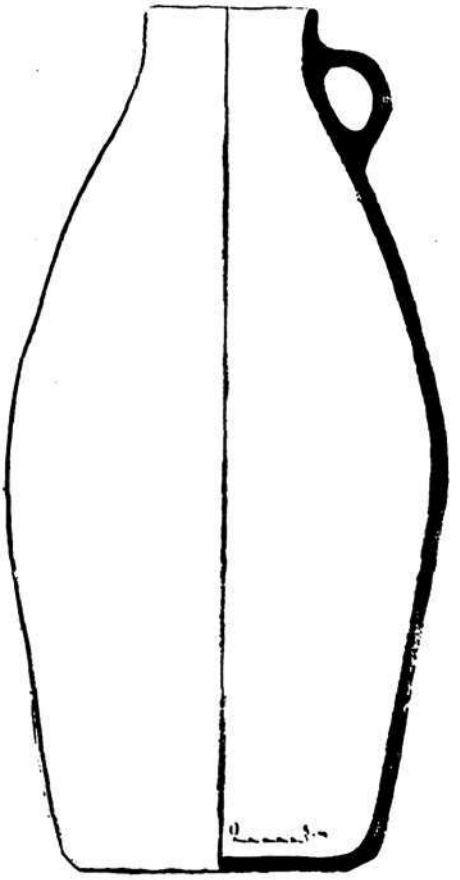

Рис. 1.

2,3 *м*, ширина 1,4 *м*, примерная высота около 1 *м* (потолок на большой площади пробит грабительским лазом). На полу в разных местах лежали кости двух скелетов. Один череп находился в груде костей, другой лежал лицевой частью вниз в западной половине камеры. Из погребального инвентаря ничего не найдено.

Как видно из вышеизложенного, исследованные памятники принадлежат к кругу могильников с катакомбными захоронениями, которые широко известны для отдельных районов Таджикистана, Узбекистана и особенно Киргизии.

Ближайшие аналогии раскопанным курганам ничкенских могильников находим в подбойно-катакомбных памятниках Кетмень-Тюбе, Чаткала, Таласа и других районов Тянь-Шаня[1]. Все они имеют земляные насыпи. Размеры их во многих могильниках далеко неодинаковы, что является одним из признаков имущественного неравенства внутри племен, оставивших тот или иной могильник. Характерным для них является также компактность в расположении курганов и их многочисленность. В могильниках насчитывается обычно несколько десятков, а то и сотен курганов.

Дромосы в могильниках вышеуказанных районов, как и в ничкенских, трапецеидальные или прямоугольные в плане и ориентированы по

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 86—89; А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, стр. 10—17; его же. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. Там же, стр. 112—138; И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 33—77; его же. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. III, вып. 3 (история). Фрунзе, 1968, стр. 109—124; и др.

юг—север, но широко представлена и другая ориентировка. Катакомбные камеры расположены перпендикулярно к дромосу, овальные или прямоугольные в плане. Положение покойников и их ориентировка — головой на запад—довольно распространенный обряд в аналогичных захоронениях. Наличие двух покойников в одной камере известно почти для каждого могильника с катакомбными захоронениями.

Таким образом, по конструкции надмогильных и самих могильных сооружений, так же как и по погребальному обряду, раскопанные курганы в Ничке I и Ничке II ничем не отличаются от аналогичных памятников Западного и Центрального Тянь-Шаня.

Вещественный материал из могильников Ничке I и Ничке II представлен небольшим числом предметов быта и украшений. Горшки и кувшины из курганов 1 и 2 могильника Ничке I находят прямые аналогии в глиняной посуде из могильников Кетмень-Тюбе, Чаткала и Таласа. Несколько выделяется своими размерами сосуд (корчага) из кургана 3. Но подобная посуда известна по раскопкам И. Кожомбердиева в Кетмень-Тюбе: почти такой же формы сосуд найден и в Шамсинском ущелье. Пряжка из кургана 3 имеет сходство с пряжками из Кенкола[1]. Такие предметы украшения, как бусы и браслет из курганов Ничке I, известны не только для катакомбных, но и грунтовых погребений.

Таким образом, весь комплекс признаков могильников Ничке I и Ничке II свидетельствует о том, что эти памятники оставлены родственными в этническом отношении кочевыми племенами, обитавшими на Тянь-Шане в I—V вв.

---

1 И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины, стр. 38, рис. 4, *20, 21.*

Д. Ф. Ванник

Торткули в местности Ничке

В предшествующие годы одной из главных задач археологических работ в Кетмень-Тюбинской котловине являлось изучение крупных городищ Ничке II, Ничке V, Акчий и Уч-Терек — поселений городского типа. При этом были получены интересные данные по топографии, стратиграфии и частично внутренней планировке и архитектуре городищ. Обширный вещественный материал, собранный на указанных выше объектах, свидетельствует о развитой оседло-земледельческой жизни в Кетмень-Тюбе в период раннего средневековья.

В 1973 г. большое внимание было уделено исследованию мелких городищ — сельских поселений. На Тянь-Шане среди коренного населения они издавна известны под названием «торткули». Основные работы на комплексе таких археологических памятников были сосредоточены в местности Ничке. Здесь на площади 3 *кв. км* сохранилось пять торткулей. На двух из них проведены стационарные раскопки, на остальных выполнены стратиграфические шурфы и разрезы.

Торткуль I (рис. 1). Находится на северо-западной окраине с. Ничке, недалеко от входа в ущелье Ничке-Сай. Квадратный в плане, ориентирован углами по странам света. Площадь торткуля во многих местах разрушена хозяйственными работами. Длина сторон 46х48 *м*, сохранившаяся высота валов 1,5—2 *м*, ширина по оплыву 6 *м*. С внешней стороны по фасу каждого вала прослеживаются незначительные выступы. Как показала зачистка валов, это были дополнительные укрепления, предохраняющие стены от разрушения. Башни по углам отсутствуют. С внешней стороны вдоль валов имеются возвышения. Они хорошо видны, особенно у северо-западного и юго-западного валов. Центральная часть площади поселения ровная, без следов застройки. С внешней стороны торткуль окружен рвом глубиной 0,4 — 0,8 *м*, и шириной по верху до 3,5 *м*. Он образовался в результате выемки земли для сооружения стен торткуля. Въезд находился в центре юго-восточного вала. Подъемный материал состоит из небольшого количества глиняной посуды в основном станкового производства. Керамика встречается и за пределами торткуля, где в отдельных местах (арыках и силосных траншеях) зафиксированы остатки культурных наслоений. Не исключено, что в период расцвета жизни на городище территория вокруг него

была обжитой. Однако площадь застройки, равно как и типы жилищ, из-за сплошной планировки местности установить невозможно.

Раскоп площадью около 450 *кв. м* был заложен в северо-западной части торткуля, в наиболее хорошо сохранившемся месте. Верхний слой на толщину 20 *см* задернован, нижние слои состояли из плотного завала разрушившихся стен построек. В результате раскопок выявлены два строительных горизонта (нижний и верхний), соответствующих двум периодам жизни на городище.

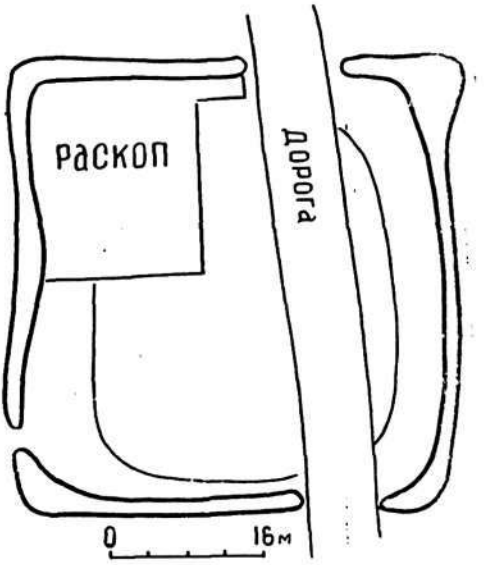

Рис. 1. Схематический план торткуля I.

Нижний строительный горизонт (слой толщиной 0,2—0,3 *м*) состоял из глинобитной массы с вкраплениями зольников, древесных углей, костей мелких животных и глиняной посуды. Из строительных комплексов сохранилось три стены. Осевая стена ориентирована по юго-восток — северо-запад. К ней примыкают две другие стены, которые образуют прямоугольное в плане помещение размером 3,2х7,6 *м*. Эти стены были использованы при возведении построек в последующий период жизни на поселении. Около юго-западной (внешней) стены зачищены три хозяйственные ямы, в центре раскопа — одна. Ямы глубиной 0,35 — 0,46 *м* и диаметром 0,5 — 0,6 *м*.

Таким образом, планировка нижнего строительного горизонта из-за полной разрушенности прослеживается лишь частично. Но и на основании сохранившейся части можно предположить, что застроенной территорией являлась площадь, прилегающая к стенам городища.

На вскрытой раскопом площади собрано 78 фрагментов глиняной посуды, в основном кухонного назначения: котлы, хумы и кувшинообразные сосуды. Соотношение лепной и станковой керамики 10:1.

Станковая посуда представлена котлами, которые по своим размерам, формам венчика и тулова делятся на три вида.

1. Котлы с подовальным в сечении широким венчиком, прилегающим к тулову. Тесто серого цвета с примесью известковых вкраплений. Ручки полулунной формы. Параллели таким котлам известны для Таласа[1] (табл. I, *1*).

[1] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 150.

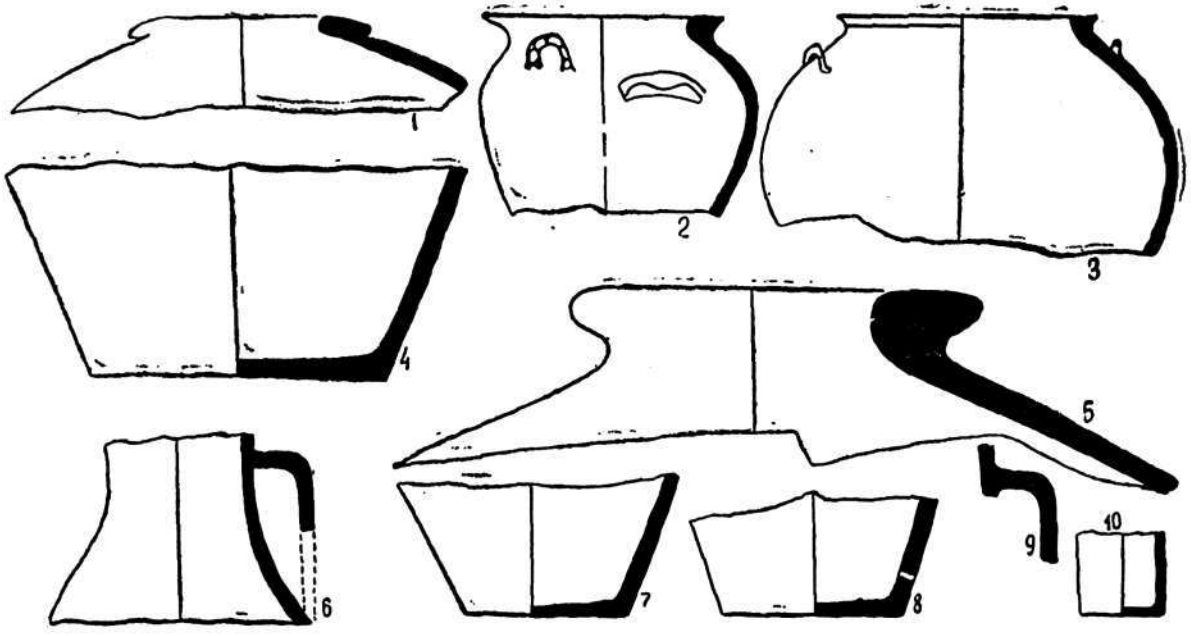

Таблица I. Керамика первого строительного горизонта.

2. Котлы (табл. 1) с туловом округлой формы, вверху заканчивающимся широким горизонтальным венчиком, плоскость которого украшена волнистым процарапанным орнаментом. Под венчиком прикреплен жгутиковый налеп с неглубокими вмятинами. Тесто плотное, черного цвета, с примесью песка и известковых вкраплений. Описанный фрагмент представляет собой экземпляр бракованного котла. Ручки к котлам этого вида крепились к горизонтальной плоскости венчика. Аналогичные котлы встречаются на поселениях Ферганы и Афросиаба[1].

3. Котлы с шаровидным туловом, заканчивающимся вверху подтреугольным в сечении венчиком (табл. I, *3*). Ручки горизонтальные, петлевидной формы, крепились к боковине в верхней части сосуда. На уровне крепления ручек проходили две параллельные линии, опоясывающие сосуд. Тесто красного цвета, с примесью дресвы и известковых вкраплений. Ближайшие аналогии котлам этого типа находим на поселении Ак-Тобе[2].

Хумы и кувшиноподобные сосуды представлены в основном боковинами и поддонами (табл. I, *4—10*). Формы их из-за фрагментарности не восстанавливаются. Но по фактуре черепка они имеют сходство с аналогичной посудой верхнего строительного горизонта.

Таким образом, датирующим материалом для нижнего периода жизни городища являются котлы. Посуда этого типа на поселениях Средней Азии датируется X—XII вв., а более узко XI—XII вв. Если учитывать то, что наивысший подъем жизни городища относится к XII в., то зарождение ее на поселении следует отнести к XI в.

Верхний строительный горизонт торткуля представлен обособленным комплексом помещений. Последние внутри каждого комплекса соединялись проходами и имели по одному общему выходу во двор (рис. 2).

Комплекс I состоит из пяти помещений.

Помещение 1. Прямоугольное в плане. Размеры 1,8×11,4 *м*. В юго-восточной стене имелся проход шириной 1 *м*, через который оно соединялось с помещением 4. В полу помещения три хозяйственные ямы, диаметром 0,8—0,9 *м*, глубиной 0,5—0,7 *м*. Стенки ям со следами обмазки. Размеры помещения, наличие хозяйственных ям, большое количество фрагментов хумов говорит за то, что это была кладовая для хранения продуктов.

Помещение 2. Прямоугольное в плане. Размеры 2,6×3,2 *м*. Вдоль северо-восточной стены суфа. Ширина ее 1,1 *м*, высота 16 *см*.

Помещение 3. Соединялось с предыдущим проходом шириной 0,8 *м*. Размеры его 2,6×4,2 *м*. В помещениях 2 и 3 наряду с неполивной найдено наибольшее количество поливной керамики.

---

[1] И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв. В сб.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 8. Ташкент, 1969, стр. 146—148; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Раскопки на Тирмизак-Тепе. Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, вып. I (24). Душанбе, 1961, стр. 75; Н. Б. Немцова. Стратиграфия южной окраины городища Афросиаб. См.: Афросиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, стр. 189, рис. 11, 12).

[2] М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-Тобе I у с. Орловки, рис. 13, 14.

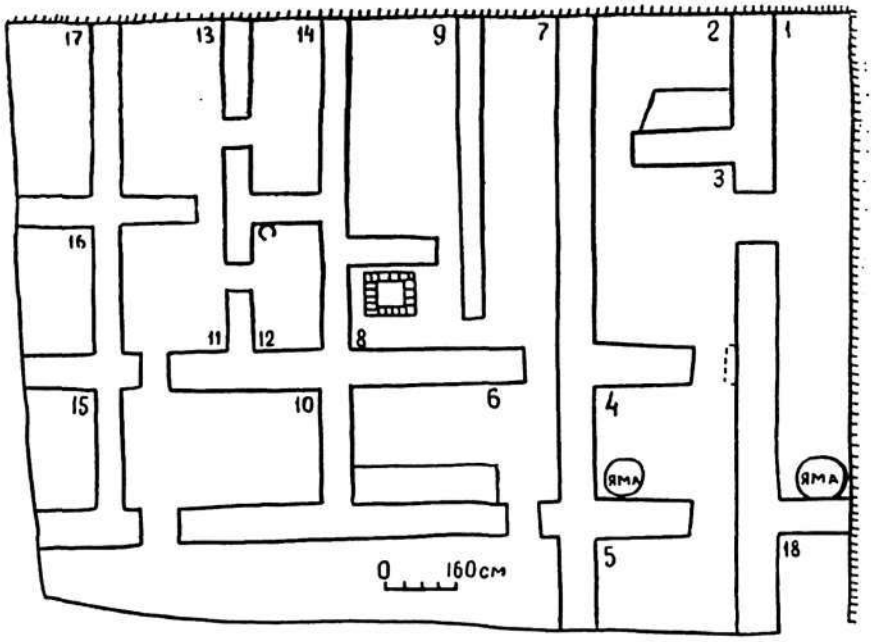

Рис. 2. План второго строительного горизонта.

Помещение 4. Квадратное в плане. Размеры 2,8×3,8 *м*. В юго-восточном углу очаг округлой формы. Диаметр его 0,55 *м*, глубина 0,3 *м*, высота 0,5 *м*. Яма заполнена золой, костями животных и керамикой. Зола покрывала всю площадь пола. В комплексе 1 это помещение являлось кухней. Оно соединялось с помещением 5, и из него, по-видимому, был выход во двор. Помещение 5 вскрыто неполностью. Его размеры 2×3,2 *м*. Остальная часть помещения уходит под срез раскопа.

Комплекс II состоит из четырех помещений, три из которых жилые, одно — хозяйственного назначения.

Помещение 6. Прямоугольное в плане. Размеры 2,8×4,8 *м*. Вдоль юго-восточной стены возвышается площадка, возможно, это была суфа. Ширина ее 1,3 *м*, высота 12 *см*.

Помещение 7. Прямоугольное в плане. Размеры 1,9×7,6 *м*. Юго-западная часть помещения до верхнего уровня стенок была заполнена золой. Может быть., после того, как поселение пришло в запустение, это помещение временно использовалось какой-то частью его жителей.

Помещение 8. Подпрямоугольное в плане. Размеры 2×26 *м*. В юго-западном углу печь квадратной формы. Размеры ее 0,94×0,94 *м*.

Стенки толщиной 15 *см* и высотой 23 *см*. Вокруг печи слой золы в 20 *см*. С пола собрано большое количество фрагментов глиняной посуды и костей крупных животных. Это помещение являлось кухней в комплексе II.

Помещение 9, соединенное проходом с кухней и смежное с помещением 7. Прямоугольное в плане. Размеры 2,6×5 *м*. В центре, на полу, сохранился тлен от дерева, шириной 0,4 *м* и длиной 1,25 *м*. Стена, разделяющая помещения 7 и 9, в месте ее соединения с юго-западной стеной на длину 1,4 *м* была разрушена. Место разрушения заполнял зольник, который захватывал и часть помещения 9. На полу помещений 7 и 9 найдена поливная керамика.

Комплекс III насчитывает пять помещений, четыре из которых жилого и одно — хозяйственного назначения.

Помещение 10. Прямоугольное в плане. Размеры 2,8×4,6 *м*. Через него был выход во двор.

Помещение 11. Прямоугольное в плане. Размеры 2,4×3 *м*. Соединялось проходами с помещениями 12 и 13. В юго-западном углу лежал камень овальной формы размером 0,23×0,37×0,78 *м*.

Помещение 12. Прямоугольное в плане. Размеры 1,6×2,8 *м*. В юго-западном углу очаг-тандыр. Диаметр его 0,48 *м*, глубина 0,21 *м*. От стен очага найдены лишь обломки, имеющие на внутренней поверхности глубокие врезные линии. Вся площадь пола покрыта золой. Здесь же найдено множество фрагментов керамики.

Помещения 13 и 14 смежные. Прямоугольные в плане. Размеры соответственно 2,4×4 и 16×4 *м*.

Комплекс IV вскрыт неполностью. Частично раскопаны помещения 15, 16 и 17.

В комплексе V полностью раскопано одно помещение (18). Как и в помещении 1, оно имело хозяйственное назначение и являлось кладовой. Вдоль северо-западной стены зачищены три хозяйственные ямы диаметром 0,8—1,1 *м* и глубиной 0,7—0,9 *м*.

Кроме основного раскопа на городище вдоль юго-западной стены был заложен шурф, который прорезал стенки двух помещений, что подтвердило наше предположение о сплошной застройке площади, прилегающей к стене. Подобная картина наблюдается и вдоль северо-восточной стены, хотя здесь площадь культурного слоя и его мощность несколько меньше. Возможно, здесь располагались одиночные помещения.

Материал, собранный при зачистке помещений верхнего строительного горизонта, представлен главным образом глиняной посудой. По количеству фрагментов и разнообразию форм она значительно превосходит посуду первого строительного горизонта.

Неполивная керамика представлена следующими типами: котлами, крышками, тагорами, горшками, кувшинами, хумами.

Котлы. Виды их более разнообразны, чем в предшествующий период. Сохраняются второй и третьи виды первого строительного горизонта и появляются новые.

а) Котлы с прямыми стенками, уплощенным дном и резко изогнутым в верхней части туловом, переходящим в утолщенный венчик, под-

овальный и подтреугольный в сечении. Ручки полулунные, крепились около венчика (табл. II, *1*).

б) Котлы со сферическим туловом, прямоугольным в сечении венчиком и полулунными ручками (табл. II, *2*).

в) Котлы со сферическим туловом, подтреугольным в сечении венчиком и полулунными ручками (табл. II, *3*). Этот вид котлов имеет толщину стенок 1—1,2 *см*, тогда как у остальных — 0,5—0,7 *см*. Поверхность сосудов покрыта копотью. Тесто плотное, красного, коричневого и серого цветов. Орнаментация котлов представляет собой сочетание прямых и волнистых линий.

Перечисленные виды котлов были широко распространены на поселениях Средней Азии и Казахстана в XI—XII вв.[1]

Крышки. Дисковидные и полусферические, выгнутые, с грибовидной ручкой. Тесто красноватого цвета с незначительной примесью песка. Аналогичные крышки были широко распространены в Средней Азии и Казахстане[2] (табл. II, *4*).

Тагоры. Составляют незначительное число посуды. Стенки прямые, заканчиваются утолщенным венчиком подтреугольной формы. Тесто красноватого цвета с примесью песка и дресвы. Посуда этого типа широко известна для поселений Киргизии и Казахстана[3] (табл. II, *5*).

Горшки. Имеют невысокую прямостоячую горловину, заканчивающуюся округлой или плоской закраиной. Ручки вертикальные, петлевидные. Аналогичного типа посуда была одной из распространенных форм как в Киргизии, так и за ее пределами[4] (табл. II, *6*).

[1] И. Ахраров. Кухонная керамика.., стр. 146—151; М. А. Бубнова. Средневековые поселения, рис. 13, 16; П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения.., стр. 159; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXIII. М. 1950, стр. 154; Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА, № 14, табл. XXIX, *4*; К. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, стр. 80; Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, стр. 150—151; Древности Чардары. Алма-Ата, стр. 160; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1963, стр. 117, 147; Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Кара-Булак в 1961—1962 гг. КСИА, 98, стр. 122, 123, рис. 36, 11; Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. Материалы по истории Узбекистана, вып. I. Ташкент, 1966, стр. 110, рис. 11, *2*; К. М. Байпаков. Раскопки усадьбы на городище Талгар. В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, стр. 77, рис. 5.

[2] Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Тр. САГУ, кн. 12. Ташкент, 1956, стр. 129; Н. Б. Немцова. Стратиграфия.., стр. 189, рис. 12, *12*; К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык. В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1920, стр. 35; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 60, табл. XVI, *1, 2*.

[3] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины, стр. 155; его же. Раннесредневековые города и поселения.., табл. XI, *1—5*; Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз, табл. XI; *42—45*.

[4] К. А. Акишев, К. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, стр. 33; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники..., 116; М. А. Бубнова. Средневековое поселение.. стр. 142. рис. 13, *5—12*.

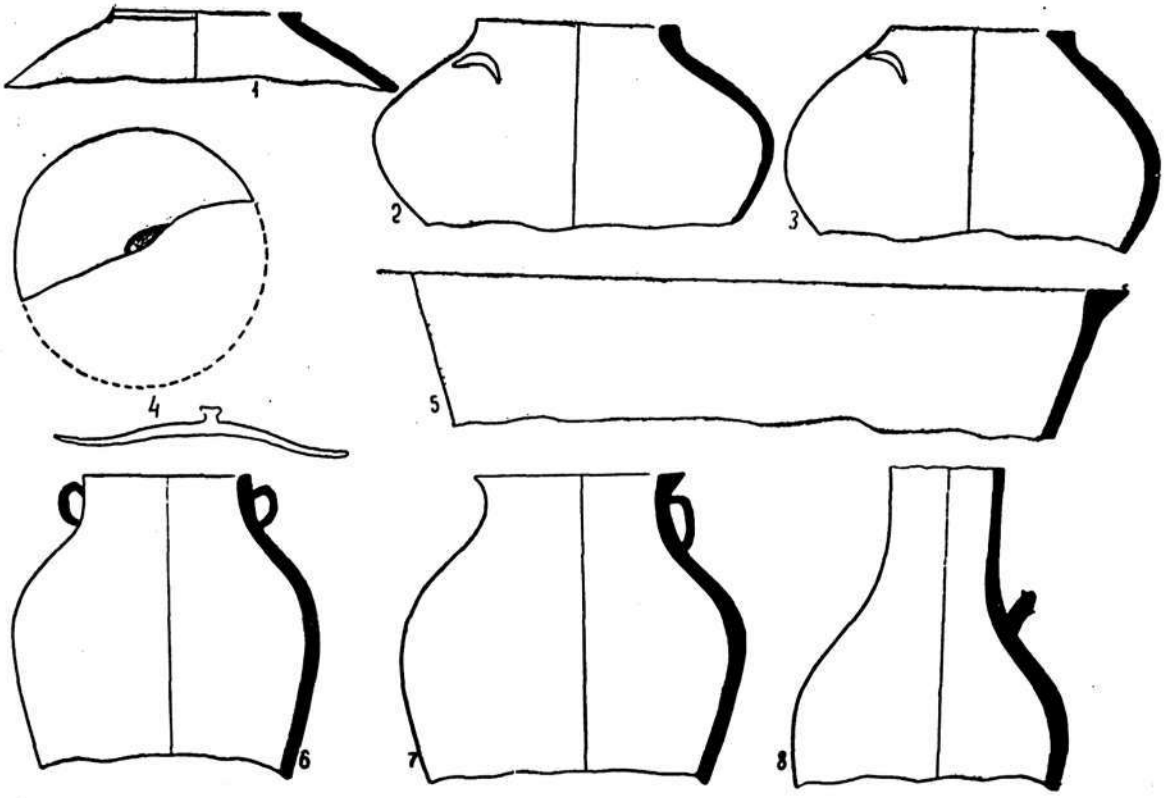

Таблица II. Керамика второго строительного горизонта.

Кувшины. На поселении представлены главным образом вертикальными коленчатыми ручками, характерными для этой посуды в X—XII вв.[1], и только двумя мелкими фрагментами горловины и венчика (табл. II, *7*).

Хумы наравне с котлами составляют наибольшее количество глиняной посуды верхнего строительного горизонта. Как и остальная посуда, они представлены фрагментами венчиков, стенок и днищ. Венчики нескольких видов: прямостоячие с плоским верхом; валикообразные с широкими площадками снаружи, украшенные жгутовыми налепами с пальцевыми вмятинами; утолщенные с округлым или плоским внешним краем. Тесто с примесью песка и дресвы. Обжиг слоистый. Поверхность тулова неровная. Аналогичного типа посуда была одним из самых распространенных видов керамической продукции на поселениях X—XII вв. Практически она встречается на каждом городище.

Еще одной массовой формой посуды большого размера, характерной для рассматриваемого объекта, являлись сосуды типа хумча. Они имеют прямостоячие венчики, яйцевидное тулово и плоское дно. Целая форма такого сосуда была найдена на расстоянии 1 *км* к северо-востоку от торткуля.

Поливная посуда представлена поддонами, боковинами и закраинами чаш. Полива белого цвета. На отдельных фрагментах имеется подглазурованная гравировка в виде прямых и изогнутых линий и пятна зеленого цвета. Чаши такого типа на поселениях Киргизии встречаются в слоях XI—XII вв.

Как видно из приведенной классификации керамики, ведущее место в ней принадлежит посуде станкового производства. Лишь хумы и хумча — ручной лепки. Вышеописанные типы посуды характерны в основном для XI—XII вв., хотя отдельные из них датируются X в. (но это для развитых оседло-земледельческих районов). Поэтому правильной будет гипотеза: хронологические рамки существования последнего периода жизни на городище датировать концом XI и XII вв. Это предположение подтверждается и временем возникновения мелких поселений на Тянь-Шане. Так, большинство их даже в таких развитых оседло-земледельческих районах, как Чуйская и Таласская долины[2], Иссык-Кульская котловина, появляется в X в. В это же время они возникают и в таких горных районах, как Кочкорка, Джумгал, Сусамыр, в бассейнах рек Нарын и Алабука. На зарождение оседлой жизни в горных районах влиял общий подъем производительных сил феодального общества того времени. Этот процесс был характерен и для Кетмень-Тюбинской котловины, где в округе крупных городов появляются мелкие

---

[1] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины, стр. 155; М. А. Бубнова. Средневековые поселения Ак-Тобе..., рис. 13, 63—74; Ю. Ф. Буряков. Археологические материалы по истории Тункета..., стр. 110, рис. 11, *10*; Тр. Семиреченской археологической экспедиции..., стр. 134; Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз..., стр. 149.

[2] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, стр. 131—166; его же. Оседлые поселения Таласской долины, стр. 171—224.

поселения, имеющие различные назначения. В связи с этим остановимся на характеристике других торткулей в изучаемой местности.

Торткуль II (рис. 3). Расположен в 0,3 *км* к юго-востоку от торткуля I. В плане это квадрат, ориентированный углами по странам света. Размеры 20×26 *м*. Юго-восточная часть городища разрушена пахотой и дорогой. Сохранившаяся высота валов 0,8—1,2 *м*, ширина по оплыву 2—3 *м*. Внутренняя площадь торткуля ровная, без следов застройки. Снаружи вдоль валов прослеживается неглубокий ров шириной до 2 *м*. Въезд в городище находился в юго-восточном валу. Подъемный материал состоял из пяти фрагментов керамики.

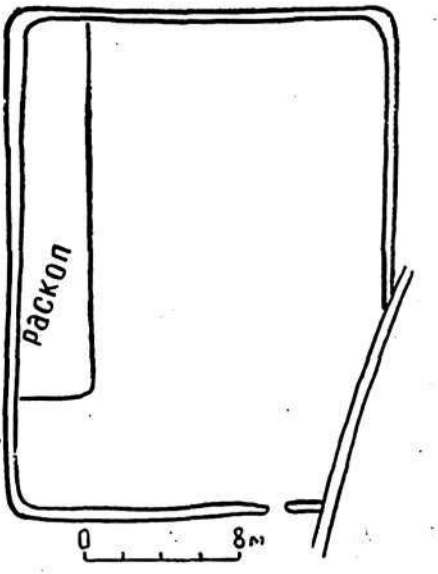

Рис. 3. Схематический план торткуля II.

Раскоп был заложен вдоль юго-западного вала. Площадь его 105 *кв. м*. Культурный слой представлял собой оплыв верхней части вала. На всей раскопанной площади собрано 23 фрагмента глиняной посуды ручной лепки. Это боковины хумов и кувшиноподобных сосудов. В юго-западном углу на уровне материала лежали два обломка каменных зернотерок овальной формы. В одном месте прослеживались линзы зольников. Строительных остатков на вскрытой площадке не обнаружено. Толщина культурного слоя 0,4—0,5 *м*, но к центру она уменьшается до 0,2—0,3 *м*. Вал городища глинобитный, с примесью мелкой гальки, подтрапециевидный в сечении. Ширина его у основания 1,5 *м*, кверху сужается до 1 *м*. Первоначальная высота валов достигала 2 *м*.

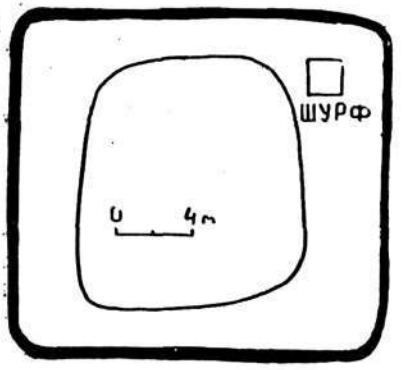

Рис. 4. Схематический план торткуля III.

Торткуль III (рис. 4). Находится в 1 *км* к западу от с. Ничке. Вся поверхность городища в результате многолетних хозяйственных работ сильно разрушена. Но контуры его чаще четко прослеживаются. Торткуль квадратный в плане, ориентирован сторонами по странам света. Размеры 18×20 *м*. Высота валов 0,5 *м*. В северо-восточном углу был заложен шурф размером 2×

20 *м*. Высота валов 0,5 *м*. В северо-восточном углу был заложен шурф размером 2×2 *м* и траншея через северный вал. Сохранившаяся толщина культурного слоя 0,6 *м*. Он состоял из завалов средней плотности от разрушившихся стен построек. По всей его толще встречались фрагменты глиняной посуды станкового изготовления, древесные угли, кости крупных животных. Шурфом прорезана стена одного из помещений. Ширина ее 0,5 *м*, высота 0,42 *м*. Основание стены глинобитное, а верхняя часть была сложена из сырцового кирпича, от которого сохранился один слой. Размеры кирпича 32×15×7 *см*, 34×16×7 *см*. Керамическая посуда представлена котлами, горшками, кувшинами, хумами тех же форм, что и керамика на торткуле I. Найдены также один черепок с поливой зеленоватого цвета, кусочек стекла и обломок железного изделия. Собранный материал позволяет датировать городище XI—XII вв.

Торткуль IV (рис. 5). Расположен в 0,8 *км* к юго-западу от торткуля III. Поверхность его полностью распахана, но очертания просматриваются. Городище прямоугольное в плане, ориентировано углами по странам света. Размеры сторон 26×32 *м*. Подъемный материал состоял в основном из станковой посуды XI—XII вв. На торткуле были заложены две траншеи вдоль юго-западной и северо-восточной стен. Траншеи длиной 5 и 6 *м* прорезали строительные остатки прямоугольных помещений, расположенных вдоль стен городища. Культурный слой толщиной 0,5 *м* насыщен фрагментами керамики—котлов, горшков, кувшинов, хумов, древесными углями, линзами зольников, найдено два жженых кирпича, размерами 30×15×5,5 *см* и 32×16×5,5 *см*, и половина каменной зернотерки. Весь собранный материал аналогичен материалу второго строительного горизонта торткуля I и датируется XI—XII вв. Жженый кирпич, обнаруженный на торткуле IV, встречается и на поселении Ничке II. Жженые кирпичи подобных форм характерны для построек Киргизии XI—XII вв.

Рис. 5. Схематический план торткуля IV.

Торткуль V (рис. 6). Находится на левом берегу р. Ничке-Сай. В плане это неправильный четырехугольник с длиной сторон: северной 65, восточной 75, южной 90 *м* и западной 55 *мм*. Ширина валов по оплыву 3—5—7,5 *м*, высота — 1,7—2 *м*. С западной стороны торткуля проходит обрывистый и высокий берег р. Ничке-Сай, с востока и юго-вос-

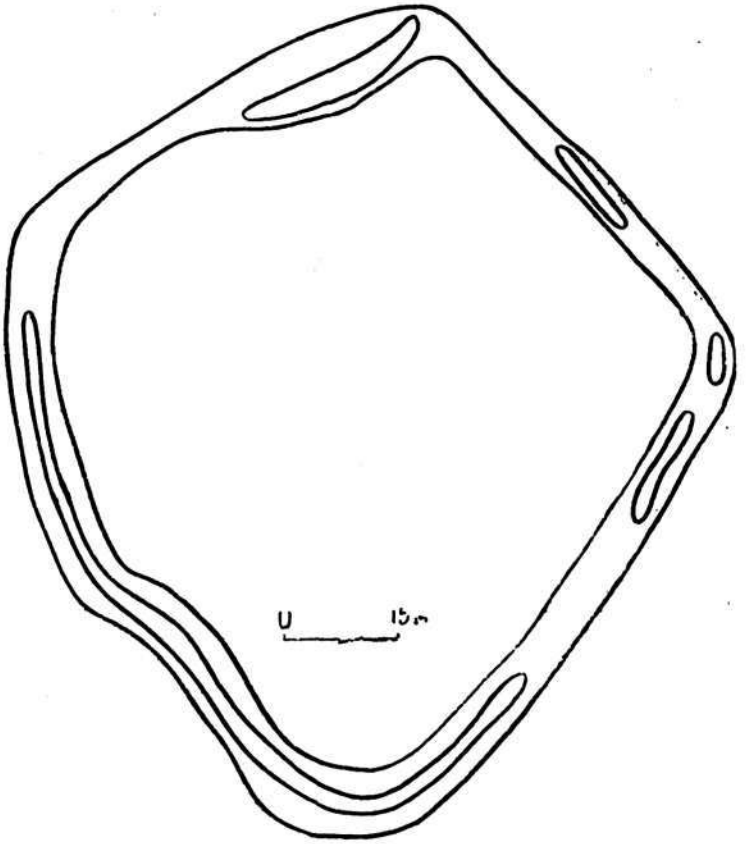

Рис. 6. Схематический план торткуля V.

тока городище защищено глубокими саями. Въезд находился в северной стороне вала. Внутренняя площадь торткуля ровная, без следов застройки. В отдельных местах имеются ямы, вырытые в наше время. Подъемный материал не найден.

Шурф размером 2×2 *м* был заложен около южной стены. Он прорезал незначительную толщу наносного на материк слоя, состоящего из глины и крупнозернистого песка. В шурфе обнаружен один мелкий фрагмент керамики и обломки сильно прокаленной стенки очага. Траншея, прорезавшая вал, показала, что он глинобитный, слабой плотности, подтрапециевидной в сечении формы. Ширина его у основания 1,8 *м*, вверху — 1,2 *м*.

Торткуль V — самое крайнее поселение оседло-земледельческого оазиса Кетмень-Тюбинской котловины. Дальше от него на восток, по правому берегу р. Нарын, поселения не встречаются.

Таким образом, раскопки, проведенные на комплексе торткулей в местности Ничке, дают возможность высказать некоторые суждения по исторической топографии оседлых поселений Кетмень-Тюбинской котловины и в то же время выявить общее, что было между ними и поселениями Тянь-Шаня в целом.

Если исходить из описанных выше раскопок на торткуле I, то они дают представление о планировке его внутренней площади. Так, вдоль юго-западной, северо-западной и юго-восточной стен городища располагались помещения жилого и хозяйственного назначения, которые имели выходы во двор, занимавший центр торткуля. Близкую к данной планировке, насколько можно судить по материалам из шурфов и траншей, имели торткули III и IV. Все три поселения отличаются жилым характером. Но если торткули I и IV представляли собой все же значительные укрепления, то торткуль III являлся домом-усадьбой. Усадебного типа поселения располагаются к юго-востоку от пос. Уч-Терек по дороге на Озгоруш. Одно из них размерами 10×10 *м*, другое — 15×18 *м*. Оба они находятся между такими крупными городищами, как Уч-Терек и Текe-Таш. В этой же местности, по сведениям старожилов, имеются еще торткули аналогичного типа. Подъемный материал, собранный на двух названных поселениях, относится к XI—XII вв.

Торткули II и V, судя по общей топографии и отсутствию культурного слоя как такового, выполняли функции построек хозяйственного назначения. Они не могли быть временными поселениями, о чем говорит отсутствие культурного слоя и значительных по мощности укреплений. Вероятнее всего, что они служили либо загонами для скота, либо хранилищами для продуктов сельского хозяйства.

К югу от описанного комплекса торткулей находилось два крупных городища — Ничке I и Ничке II. Впрочем, первое из них было небольших размеров. По сведениям местных жителей, это городище по размерам ненамного превосходило торткули I и V. В настоящее время оно полностью разрушено, и его площадь превращена в поле под посевы зерновых культур. Однако для нас интересен сам факт расположения мелких поселений вокруг крупных городищ. Эта закономерность была ранее прослежена на территории Таласской, Чуйской долин[1] и Иссык-Кульской котловины[2].

По топографии торткули в местности Ничке имеют сходство с мелкими поселениями, характерными для Семиречья[3] и Центрального Тянь-Шаня[4].

---

[1] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, стр. 130—166; его же. Оседлые поселения Таласской долины, стр. 177—221.

[2] Д. Ф. Винник. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 108.

[3] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 80; К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. Изв. АН Каз. ССР, серия обществ. наук, вып. 2, стр. 77—84, 1966.

[4] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки.., стр. 98; А. Кибиров. О работе Тянь-Шаньского археологического отряда. В кн.: Первая научная сессия АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1965, стр. 447—449.

В отношении внутренней планировки также наблюдается сходство между торткулями Ничке и поселениями Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Ближайшие аналогии мы находим в жилых домах Краснореченского городища[1] и караван-сарая на р. Манакельды[2]. Общим в планировке поселений рассматриваемых районов является расположение жилых и хозяйственных помещений вдоль крепостных стен.

Таким образом, исследования, проведенные в Кетмень-Тюбинской котловине, показывают, что на огромном пространстве Тянь-Шаня для раннесредневекового времени проявляется тождество как в топографии и планировке мелких поселений, так и их назначении и локализации вокруг крупных городов.

---

1 П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ X—XII вв. на Краснореченском городище. В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 55—88.

2 А. Н. Бернштам. Постройка Чалдывар на р. Манакельды в Центральном Тянь-Шане. В кн.: Архитектура республик Средней Азии. М., 1951. стр. 241—250; П. Н. Кожемяко. Караван-сарай на р. Манакельды. Тр. Фрунзенского политехнического института, вып. 26 (архитектура и строительство). Фрунзе, 1958, стр. 53—59.

Е. З. Заурова

Раскопки на городище Акчий

Городище Акчий расположено в центральной правобережной части долины Кетмень-Тюбе. В плане подквадратной формы с длиной сторон 105×106 *м*. Ориентировано углами по странам света. Развалины городища возвышаются над поверхностью и, несмотря на значительные повреждения в результате современных захоронений, частично сохранили свой микрорельеф (рис. 1). Так, довольно четко прослеживаются оплывы крепостных стен и фланкирующих их угловых башен; в центре юго-восточной стены башенное сооружение, в северо-восточной части — большая постройка позднего происхождения[1].

В 1963 г. на городище был заложен стратиграфический раскоп, вскрывший парадный архитектурный комплекс XIV—XV вв. дворцового характера. Археологические работы на объекте велись в течение семи полевых сезонов. В 1973 г. с целью выяснения плотности застройки на периферических участках городища раскопки производились у восточной крепостной стены. Здесь было выявлено пять примыкающих друг к другу глинобитных помещений хозяйственного назначения в одном строительном горизонте с дворцовым зданием. Подстилающие слои (мощностью до 2,5 *м*) состояли из остатков стен более ранней архитектуры и завальных слоев разного характера. Установлено, что нижний строительный горизонт, имеющий два строительных этапа, датируется VIII—X вв. К X в., по-видимому, относятся следы большого пожара на городище, в результате которого наступил длительный период запустения, приведший почти к полному разрушению стен. Большая часть городища, по археологическим наблюдениям, стала местом свалки. Со временем поверхность выровнялась и на ней возник строительный горизонт XIV—XV вв. Таким образом, объясняется значительный хронологический разрыв между верхним и нижним периодами обживания городища. Конфигурация же крепостных сооружений не менялась за все время существования его. Надстраивались и ремонтировались лишь верхние их части.

Городище Акчий могло занимать гораздо большую площадь, нежели остатки его в настоящее время. Вокруг на значительном расстоянии встречается керамический материал, что может свидетельствовать

[1] По свидетельству старожилов, здесь до революции находилась байская усадьба.

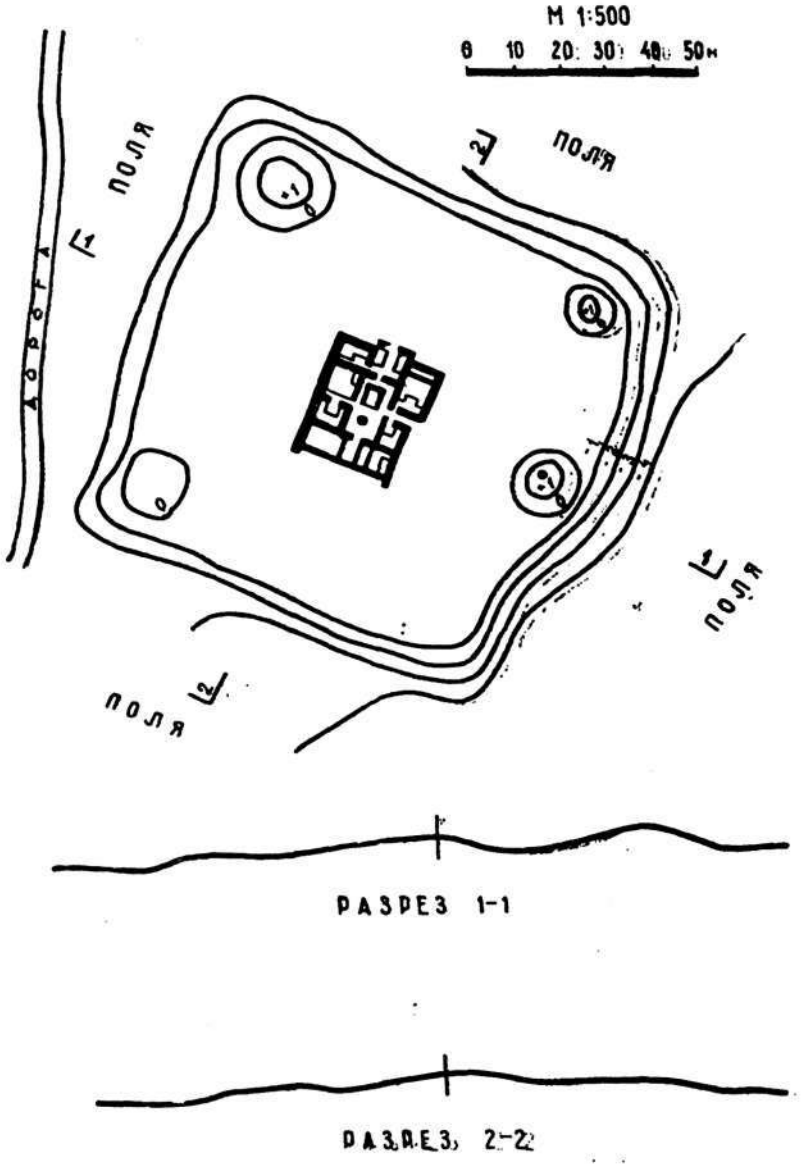

Рис. 1. План и профили городища Акчий.

о наличии здесь в далеком прошлом легких построек вокруг центральных укреплений, однако в результате многолетних сельскохозяйственных работ следов их в виде культурного слоя не сохранилось.

Вскрытые остатки парадно оформленного здания — главного объекта на городище — занимают площадь более 700 *кв. м* и сохранились на высоту до 2,5 *м*. Всего зачищено 18 помещений, включая коридоры и внутренний дворик (рис. 2). Комплекс состоит из четырех рядов анфиладных комнат, расположенных по центру и трем сторонам здания — западной, восточной и южной. Организующим планировочным центром комплекса является внутренний дворик (7,2×6,2 *м*) с айваном на глав-

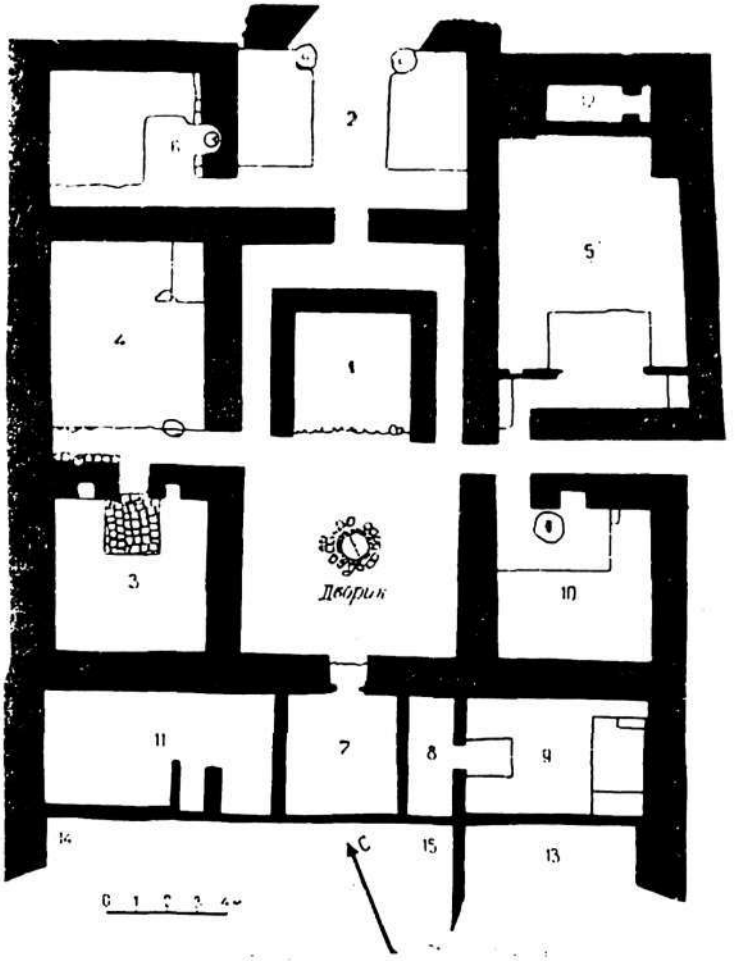

Рис. 2. План архитектурного комплекса XIV—XV вв.

ной оси. Центральный ряд открывается входным помещением 2, соединенным с коридором, обтекающим помещение 1 и выходящим во внутренний дворик. Помещение 2 имеет размеры 5,2×7,75 *м*. Вход в северной стене[1] отмечен двумя подпяточными камнями, уложенными на расстоянии 3,15 *м* друг от друга. К восточной и западной стенам примыкают две суфы шириной 2,6 и 3 *м* при высоте 0,4 *м;* они образуют проход к дверному проему в южной стене, а также скользящие проходы в помещения № 5 и 6. Суфы выложены сырцовым кирпичом, забутованы и обмазаны глиной, снаружи побелены.

Помещение 1 южной стены не имеет и этой частью открыто соединяется с внутренним двориком. Оно почти квадратное в плане (4,05—4,13×4,25 *м*). Уровень пола на 35 *см* выше пола окружающих помещений и коридора.

Дворик сообщается со всеми помещениями проходами, отмеченными порогами и ступенями. Они сделаны из рядов камней и сырцового кирпича, иногда с прокладкой деревянных досок или из рядов жженого кирпича. Проход к южным помещениям был оформлен стрельчатой аркой, кривая которой прослеживается в верхней части стен. По обе стороны от прохода в стене под штукатуркой зачищено по одному деревянному столбу диаметром 14 и 18 *см*. Они стоят на камнях, погруженных в пол. Вероятно, столбы несли какую-то конструктивную нагрузку, связанную с устройством перекрытия.

В центральной части дворика находился парадно оформленный ташнау, восьмигранный резервуар которого (диаметром 1,15 *м*) был сложен из жженого кирпича. Дно ташнау представляло собой несколько вогнутый жернов диаметром 98 *см*. Кирпичный резервуар покоился на круге из крупных булыжников и обломков жженых кирпичей, под которыми были проложены две параллельные балки. Яма ташнау (диаметром 0,7—0,75 *м* и глубиной 1,45 *м*) заполнена рыхлой глиной с большим количеством костей животных и птиц; попадалась яичная скорлупа, куски алебастра, мелкие фрагменты керамики и железных изделий.

Западный ряд комплекса включает помещения 6, 4 и 3. Первое из них имеет размеры 4,4—4,5×5 *м* и толщину стен 1,2—1,5 *м*. Большую часть интерьера занимают суфы, оставляя свободным лишь юго-западный угол. Устройство и размеры суф аналогичны вышеописанным. В центре восточной стены зачищена полукруглая ниша, в которой помещен тандыр, заглубленный в суфу до уровня пола. Сохранившаяся нижняя часть тандыра стояла на обломках жженых кирпичей. По обе стороны от ниши — возвышения (высота каждого 18 *см*, ширина 32 *см*).

В центре суфы—очаг диаметром 35 и глубиной 37 *см* с топочным отверстием шириной 20 *см*. Очаг заполнен золой, вокруг прокаленная глина.

Помещение 4 находится за западным отрезком обводного коридора, имеет скользящий проход из дворика и соединяется дверным проё-

[1] Поскольку здание ориентировано не строго по странам света, то для удобства изложения мы даем полярные направления по сторонам комплекса, а не по углам.

мом с помещением 3. Помещение 4—наибольшее среди помещений этого ряда (5—6,1×7,15—7,3 *кв. м*). Основная часть его с северной стороны занята суфой, высота которой 22 *см*, сохранились следы глиняной и алебастровой обмазки. Северо-восточный угол занят прямоугольным сырцовым монолитом длиной 1,95 и шириной 1,05 *м*. В нем использованы кирпичи двух стандартов: 34×31×10 *см* и 72×72×10 *см*. От монолита вдоль северной стены проходит вторая ступень суфы высотой 0,6 *м*, края ее выложены сырцовым кирпичом с размером сторон 40 и толщиной 10 *см*. Протяженность сохранившейся части ступени 55 *см*; можно предположить, что это была лежанка. В восточной стене, в монолите и на полу видны следы трех деревянных столбов. В южной стене зачищена ниша с тандыром, конструкция которого аналогична описанному выше. С двух сторон к тандыру пристроены вдоль стен суфы, сложенные из жженого кирпича размером 22×22×4—5 *см*. Длина суфы 2,2 *м*, ширина в один ряд кирпича при высоте 35 *см*. Из завала помещения извлечено много древесной трухи от рухнувшей кровли.

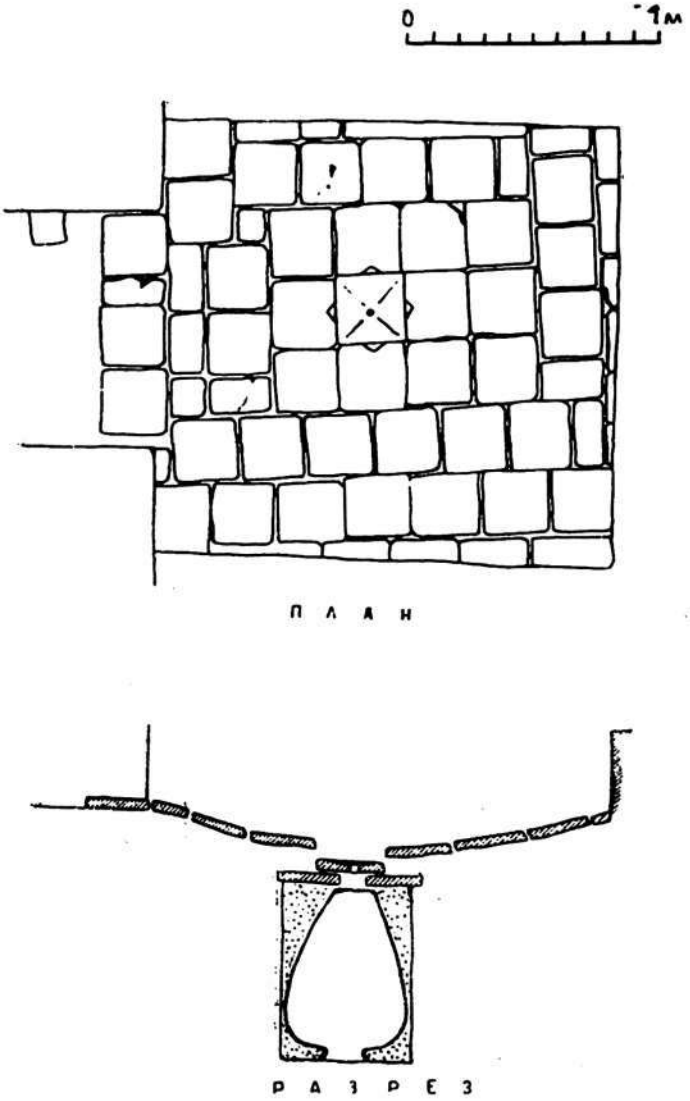
Помещение 3 почти квадратное в плане (северная стена имеет длину 5,17 *м*, остальные 5 *м*). При входе в помещение был зачищен участок кирпичной вымостки площадью 1,8×1,8 *м*. Кирпич размером 26×26×4 *см*, а также полуформатный. К центру вымостка имеет уклон на глубину до 22 *см*. В фокусе углубления уложен кирпич с отверстием в 2,5 *см*. Кирпичи вымостки скреплены и обмазаны ганчем. Центральный кирпич заглублен на 4 *см* и перекрыт другим, легко снимаемым благодаря выемкам в окружающих его кирпичах. Таким образом был замаскирован комнатный тазар с водопоглощающим устройством в виде перевернутого хума с пробитым дном (рис. 3).

Участок пола с тазаром с трех сторон окружен суфой, в юго-восточной части которой три деревянных столба. По обе стороны от двери на суфе два очага типа каминов, углубленных в северную стену. Размеры их одинаковы: длина 90 *см*, ширина 63 *см*, стенки и дно выложены поставленными на ребро жженым кирпичами. Над одним камином сохранились остатки широкого дымохода.

Восточный ряд помещений соединяет с внутренним двориком коридор, ширина которого 1,15 *м*, протяженность в восточном направлении 6 *м*, он образует запасный выход из здания. Из этого коридора скользящие проемы ведут в помещения 5 и 10.

Помещение 5 имеет трапециевидную в плане конфигурацию с длиной стен западной и восточной 8,8 *м*, северной — 5,8 *м*, южной — 6,17 *м*. Толщина их варьирует от 0,6 до 1,3 *м*. Большую часть помещения занимает П-образная суфа. Интересной особенностью помещения является сложная система отопления посредством канов — каналов, скрытых в суфе (рис. 4). В северной части его на уровне суфы зачищена ступенька, прикрывающая топочную камеру размером 1,15×0,9×0,5 *м*, отверстие которой выходило в помещение 12. В углах комнат квадратные возвышения из сырцового кирпича, между ними лежанка.

От топочной камеры в толщу суфы к востоку и западу ответвляется два глухих кана (длина каждого 90 *см*, ширина 30 *см*, глубина 50 *см*).

Фиг. 3. Тазар в помещение 3.

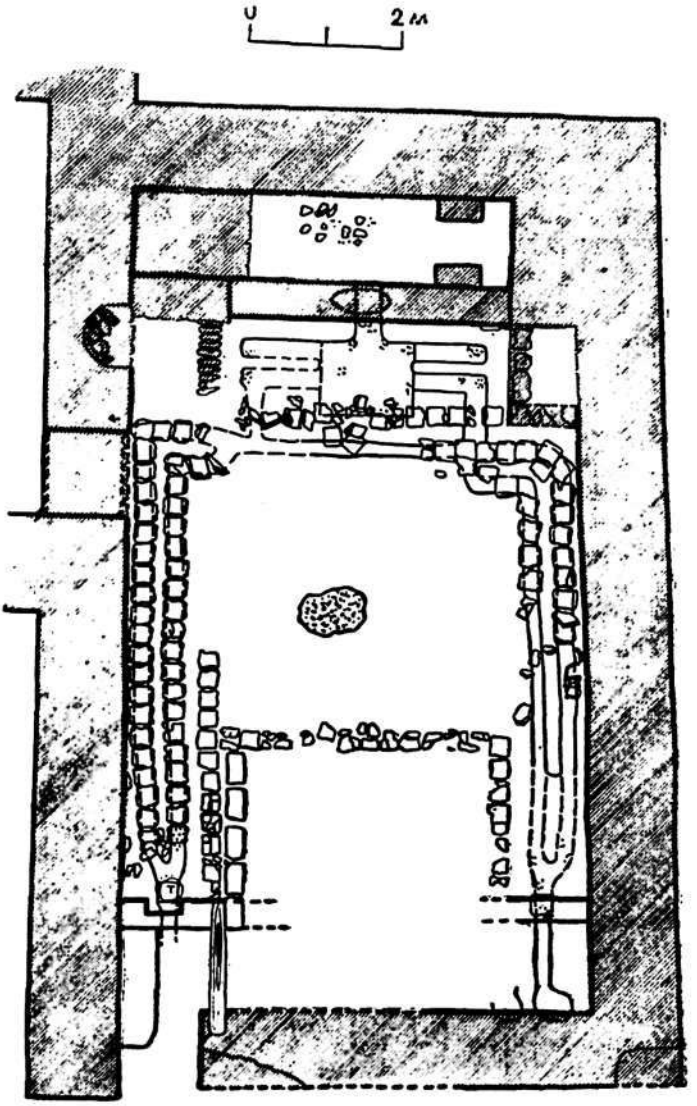

Рис. 4. Отопительная система в помещении 5.

Южнее два кана отходят от топки на восток и запад, затем изгибаются под прямым углом к югу и вливаются в кан, проходящий с востока на запад у основания вышеуказанного возвышения. Здесь кан делится на два парных рукава (глубиной до 40 *см*), которые тянутся вдоль западной и восточной стен к югу на 5,9—6 *м*. В конце суфы они сливаются в один канал и выходят за ее пределы.

Парные каналы отделены друг от друга сырцовыми перегородками толщиной 20—23 *см*. Сверху каждый канал покрыт рядом уложенных плашмя жженых кирпичей, поверх которых нанесена глиняная, а затем алебастровая штукатурка. Остатки перегородки выявлены у южного края суфы на восточном и западном ее отрезках. Они расположены по одной линии, отгораживая от южной части помещения коридорообразный отсек шириной 1,1 *м*, в который выходили обогревательные каналы. В южной стене сохранились остатки вертикального дымохода.

На западном и восточном отрезках суфы зафиксированы остатки тандыров, наполовину углубленных в стену с дымоходами шириной по 60 *см*.

Помещение 5 функционировало продолжительное время и подвергалось ремонтам и переделкам. Так, в западной стене был заложен проход в помещение 2; между закрытым проходом и северо-западным углом просматривается полукруглая ниша для тандыра, дно которого находится ниже уровня суфы на 30 *см*, что соответствует уровню пола.

Помещение 12 можно условно назвать «кочегаркой». Оно меньше всех описанных (5,1×1,2 *м*) и разделено на два отсека — западный и восточный, где, возможно, хранили топливо. Само помещение 12, по всей вероятности, было отграничено от основной части помещения 5 в связи с сооружением скрытого дымового отопления. В центре южной стены топочное отверстие в отопительную камеру помещения 5. Дно камеры покрыто крупной галькой.

Помещение 10 квадратное в плане, имеет размеры 5×4,92 *м* при толщине стен 1,1 *м*. Как и в других помещениях, суфа занимает большую часть площади, оставляя свободным участок в 7 *кв. м* при входе. На метровом расстоянии от входа расчищен сильно разрушенный камин шириной 85 *см*, заглубленный на 63 *см* в северную стену. Между камином и входом небольшое ташнау, перекрытое круглым жерновом. В нижнем строительном горизонте яма глубиной 1 *м*, она проходит через слои прокаленной земли.

Южный ряд комплекса включает помещения 7, 8, 9, 11, 13 и 14. Восточные и западные стены их имеют одинаковую длину — 3,75 *м*.

Помещение 7 квадратное, отделено от помещения 8 тонкими стенами-перегородками (30—40 *см*). Ширина помещения 8—1,9 *м*. В обоих помещениях один пол находится на уровне дворика, другой — на 35 *см* выше.

Помещение 9 имеет длину 5,97—5,8 *м*. Толщина стен варьирует от 0,35 до 1,2 *м*. Вдоль стен П-образная суфа высотой 30 *см* и шириной 1,6 *м*; в северо- и юго-восточном углах на суфе возвышаются монолиты, прямоугольные в плане, между ними лежанка. У западной стены по обе стороны от прохода на суфе зачищены остатки каминов, устройство ко-

торых из-за плохой сохранности проследить не удалось. Около обоих очагов образовался завал алебастровых плиток прямоугольного формата (20×44 *см* и 20×20—20,5 *см* при толщине 0,7—1 *см*), которыми, возможно, были оформлены прямоугольные обрамления каминов.

Помещение 11 находится к западу от помещения 7. Длина его по оси север—юг 7,55—7,65 *м*, запад—восток — 3,9—3,95 *м*, толщина стен 0,35—1,4 *м*. В восточной части заметны следы перегородок и обломки алебастровой решетки.

От помещения 13 остались лишь части северной (длиной 3,95 *м*), внешней восточной и западной стен. Южная половина помещения приходится на оплыв холма и совершенно смыта. Пол носит следы алебастровой обмазки. От помещения 14, находящегося южнее помещения 13, сохранилась лишь часть в северо-западной стороне.

Особенностью помещений южной группы является наличие отопительной системы канов, каналы которой, пройдя под всеми тонкими стенами, под возвышениями на суфе в помещении 9, заканчиваются глухими отростками в толстых стенах. Топка могла находиться в помещении 15, так как здесь имеются обширные участки обожженной земли.

В помещениях южной группы найдено большое количество фрагментов примитивных оконных решеток — панджара. Очевидно, помещение освещалось через окна в верхних частях стен (рис. 5).

Все стены сложены из сырцового кирпича, кладка бессистемная, чаще всего ложком. В некоторых местах отмечена комбинированная кладка: горизонтальные ряды кирпичей чередуются с рядом кирпичей,

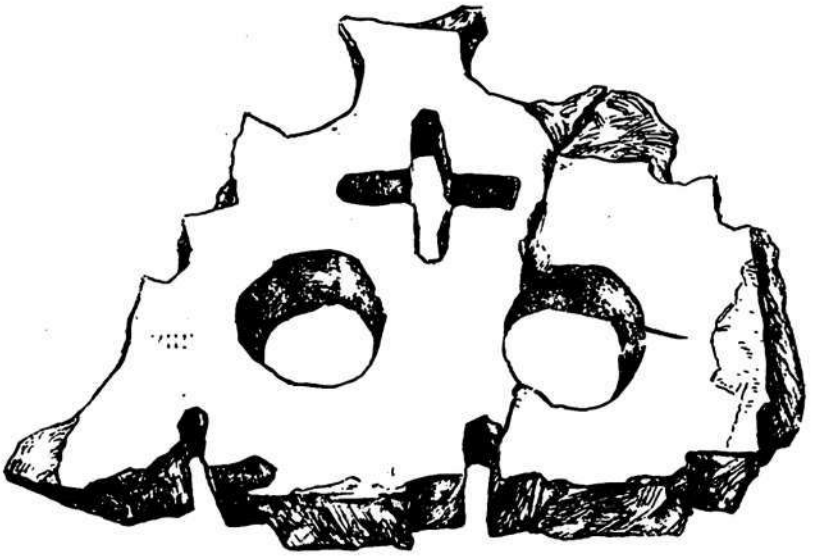

Рис. 5. Фрагмент ганчевой решетки.

поставленных на ребро. Стены без фундамента. Глубина заложения их 20—25 *см* ниже уровня пола. Строительный кирпич разных размеров: с длиной сторон от 23 до 90 *см* при толщине от 8 до 10 *см*. Кладка на глиняном растворе, толщина промазки варьирует от 1,5 до 4,5 *см*.

Жженый кирпич размером 24—26×24—26×4 *см* и полуформатный использовался в основном для вымостки некоторых участков пола, изредка — для оформления суф и каналов отопительной системы. Кирпич изготовлен из местных глин небрежного замеса, но обжиг хороший. Следы саманной и алебастровой штукатурки сохранились на всех стенах помещений. Кое-где зачищается до пяти слоев: два слоя саманной (толщиной 1—3,5 *см*) и поверх один—три слоя алебастровой штукатурки в 2—3 *мм*.

Архитектурный декор

Ряд помещений и дворик имели богатое декоративное убранство. Многочисленные фрагменты росписей, резьбы по ганчу и сырой глине извлечены из завалов помещений 1, 3, 5 и 10. Можно предполагать, что декорирование стен было подчинено сложившейся еще в средние века традиции украшения жилой архитектуры: плоскость стены членится на панель, простенок и фриз, которые в свою очередь разделяются на отдельные панно. Узорные резные полосы обрамляют дверные и оконные проемы[1].

Все здание имело, по-видимому, деревянное плоское перекрытие. Судя по остаткам его в помещении 1, потолок был подшит мелкими досками, зашпаклеван, роспись и резьба нанесены на слой штукатурки. Роспись, по всей вероятности, украшала и широкие полосы ганчевой обмазки в верхних частях стен, образуя фриз. Нижний край фриза разделял простенок на отдельные панно, возможно, оформленные в виде арочек и декоративных нишек-даурипоя с резным обрамлением из завитков, фестонов, полуовальных лепестков. Растительный и геометрический мотив росписей исполнен разными красками: белой, зеленой, синей, желтой, серой, сиреневой, красной различных оттенков. Дополнительно роспись наносилась на фигурные ганчевые вставки-розетки, которые приморaживались к плоскостям стен. Нижние части стен, сохранившиеся на высоту 1,2—1,3 *м*, оставались чисто белыми. Парадное помещение 5, судя по остаткам декора, было высоким: панель его сохранила следы глиняной штукатурки зеленого цвета, простенок расчленен на прямоугольные панно, заключающие резьбу по зеленоватой сырой глине и тонированные сверху алебастром; у потолка фриз в виде полуметровой ганчевой полосы с ажурным, возможно, эпиграфическим резным орнаментом. Интенсивный белый цвет, усиливаясь кверху, создавал особый свето-теневой эффект. Белый алебастровый потолок был украшен широкими переплетающимися лентами из зеленоватой глины в ви-

[1] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 166 и сл.

де крупного гериха, включающего в себя звезды и восьмиугольники. На потолке у входа размещалась крупная резная розетка из глины. Сохранилась центральная часть ее с выпуклым полушарием. Верхняя плоскость тонирована алебастром; резьба очень крупная, рельеф глубокий, хорошо смотревшийся лишь на значительной высоте (рис. 6, *1*).

Перегородка в южной части помещения была оформлена мелкими *нишками-даурипоя*, составленными из штампованных лессовых плиток, тонированных сверху зеленой глиной и алебастром (рис. 8). Всего вероятнее, перегородки и декоративные плитки появились в результате ремонтных работ в помещении. Следует также отметить, что глиняные панно на стенах в какой-то период подновлялись ганчем. Узоры в глине и ганче совершенно одинаковы и повторяют друг друга. Можно думать, что ганч — вторичное сырье, так как техника его исполнения хуже глиняной, резьба менее глубокая, и сам ганч тонирован иногда зеленоватой глиной (см. рис. 6, 7).

Роспись помещения 3 несколько отличается от росписи в помещении 1. Здесь наряду с красной, белой, желтой и зеленой красками появился ультрамарин. Фрагменты росписей очень дробны, сборке не поддаются; узоры — растительный орнамент с включением геометрических мотивов.

По верху стен на полуметровой полосе надпись арабским курсивом, по определению М. Е. Массона, светского характера. Всего из завала извлечено 34 фрагмента надписи общей длиной около 6 *м*. Сохранность их плохая, куски очень дробные. На лучших из них (рис. 9) сохранилась лишь часть текста, вернее, отдельные слова[1]. Контуры букв процарапаны, внутренняя часть их залита темно-красной краской. Буквы вычурны, строки находят друг на друга. Между буквами желтой охрой нанесен рисунок из растительных завитков и побегов.

Ниже фриза с надписью стены были оформлены ложными нишами-даурипоя. Они выполнены ганчевыми плитками с резными фестончатыми краями, имеют яркую, часто малиновую окраску. Дверные проемы и, видимо, еще какие-то части помещений были декорированы вертикальными и горизонтальными полосами резного ганча. Фрагменты их представляют собой плетенки шириной 10—11 *см* с повторяющимся растительно-геометрическим орнаментом; найдено также несколько небольших фигурных вставок с растительным узором и решетки-панджара со следами зеленой подкраски (см. рис. 6, *3, 4;* рис. 7, *12, 13*).

В заполнении ямы ташнау найден фрагмент штампованной лёссовой плитки и резные ганчевые обломки с односторонней резьбой по краям. Эти находки свидетельствуют о том, что помещение 3 вначале было декорировано так же, как помещение 5, т. е. резьбой по ганчу и глине и штампованными плитами. Затем этот декор был снят, устроены очаги

[1] По определению В. Д. Горячевой, надписи выполнены стилизованным почерком «сульси» без диакретических знаков, трудно читаемом. Почерк характерен для XV—XVI *вв.*, встречается на архитектурных памятниках этого времени и на кайраках. На фрагменте II удалось разобрать слово «сахиб ад-д...» (господин, владелец, спутник, товарищ, друг).

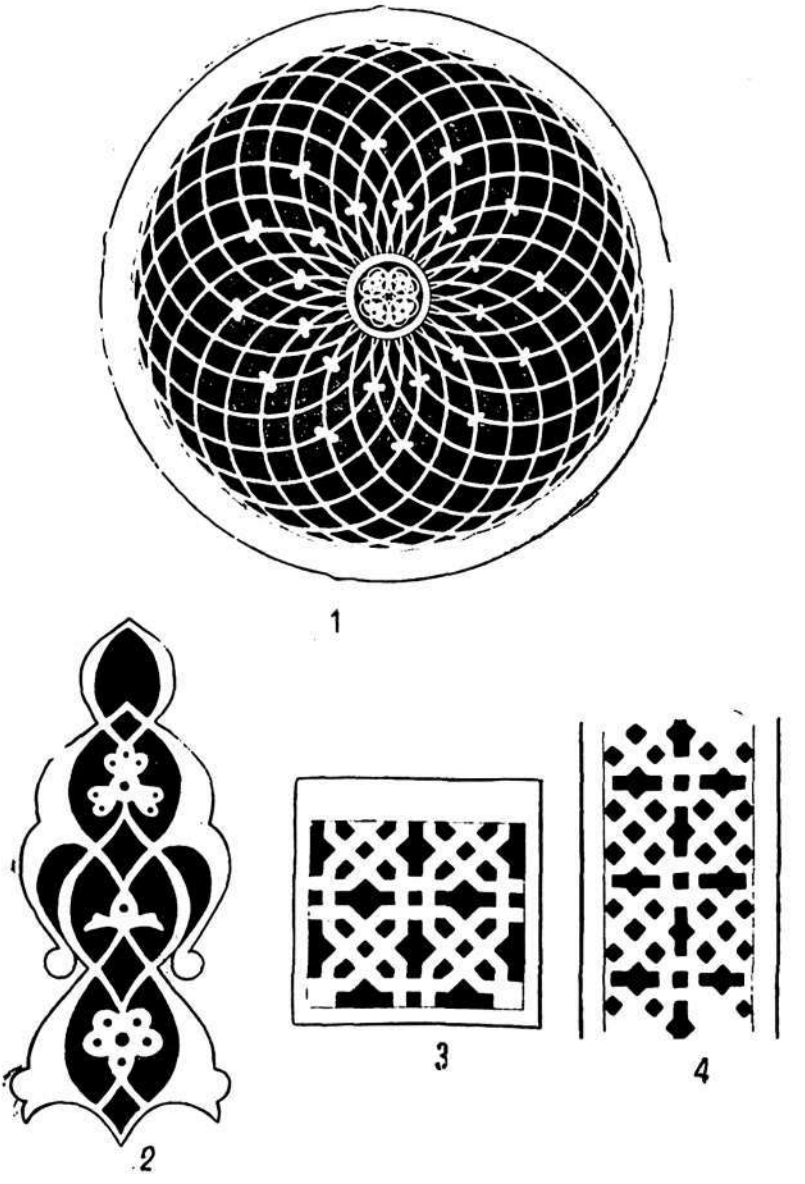

Рис. 6. Мотивы орнаментальной резьбы по глине и гапчу (реконструкция).

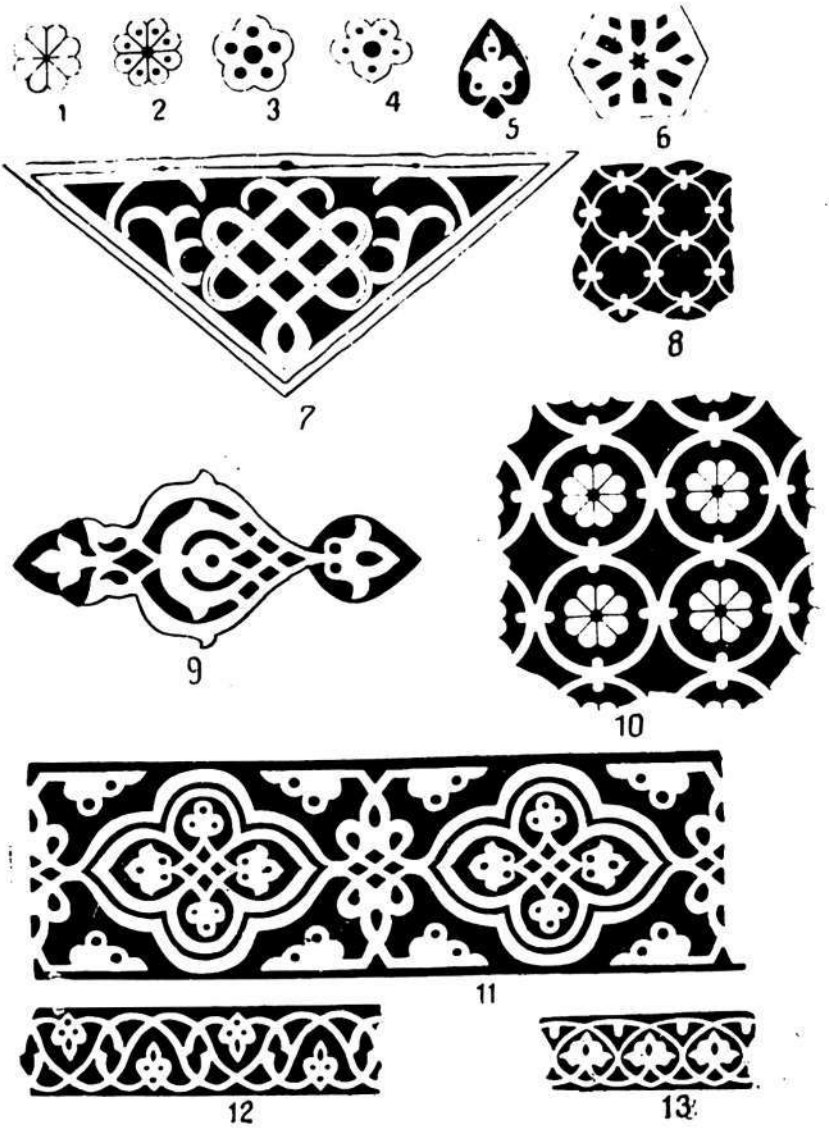

Рис. 7. Мотивы орнаментальной резьбы по глине и ганчу. (реконструкция).

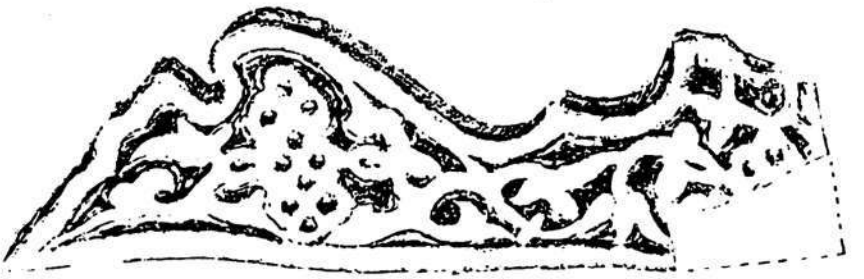

Рис. 8. Штампованная глиняная плитка.

и ташнау, а стены украшены заново: на них появились надписи и росписи. Таким образом, резной глиняный декор можно считать более ранним по отношению к росписям.

Помещение 10 также представляет собой интимный покой с двумя очагами и ташнау. Оно было украшено росписями, но более сдержанно, в красно-черной гамме. Лишь в одном случае по краю круглой ганчевой розетки диаметром 11,5 *см* и высотой 5,6 *см* с полусферическим налепом в центре удалось уловить рисунок в черно-бело-красном тоне, напоминающий широко распространенный современный киргизский узор кочкор-муйуз — «рога барана» (рис. 10). Элементы такого декора есть в терракотовой облицовке мавзолея Айша-Биби XI—XII вв.[1], встречаются в узбекской керамике настоящего времени[2].

Рис. 9. Фрагмент монументальной надписи из помещения 3.

[1] Т. К. Басенов. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957, стр. 35, рис. 146, 50—61; стр. 59—60, табл. 12.

[2] М. К. Рахимов. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 177, табл. 41; стр. 188, табл. 52.

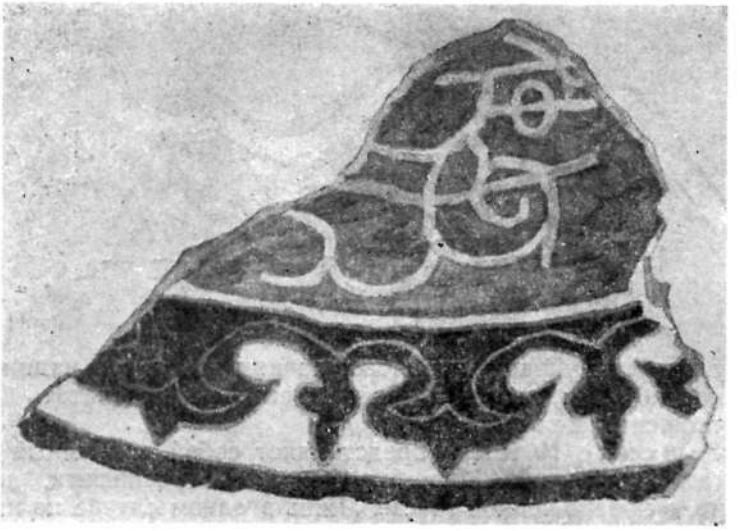

Рис. 10. Фрагмент росписи из помещения 10.

Фрагменты резных ганчевых полос из этого помещения имеют одинаковый растительный орнамент, состоящий из повторяющегося узора в виде заключенного в треугольном сплетении побегов бутона с тремя круглыми и одной листовидной дырочками (см. рис. 7, *12*).

В небольшом количестве обломки ганча с росписью и резьбой были найдены в завале внутреннего дворика. Ганчевые плетенки со следами красной подкраски, вероятно, оформляли дверные проемы. Они размещались в верхних частях стен и украшали проем в южную группу помещений. Орнамент их растительно-геометрический: на белом фоне контур рисунка нанесен тонкой кистью, цвет темно-красный, желтый, изредка синий. Наиболее распространенный мотив — изгибающиеся побеги с удлиненными листьями на черешках, завитки, трехлепестковый цветок на стебле, а также лепестки с заостренными концами. Встречаются фрагменты с ярко-малиновым фоном и белой или желтой сеткой на нем.

Прямые аналогии акчийским росписям найти трудно. Они лишь отвечают нормам господствующей орнаментики в монументальном искусстве, установившемся в Средней Азии с принятием ислама. Тем не менее даже немногие сохранившиеся до наших дней от эпохи позднего феодализма памятника архитектуры Киргизии в своем декоративном убранстве перекликаются с архитектурным комплексом Акчия. Таковы мавзолеи у с. Орловки в Таласской долине и мавзолей Арслан-

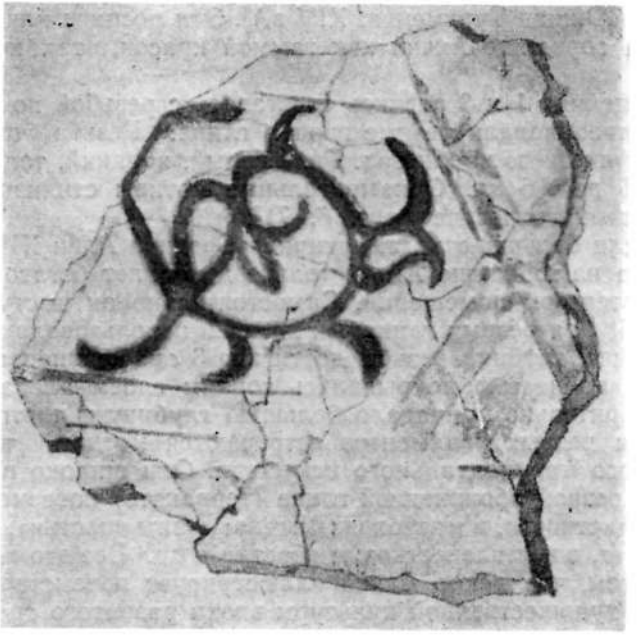

Рис. 11. Фрагмент росписи из помещения I.

боб в Ошской области, датированные XVI в.[1] Аналогичными многоцветными росписями были покрыты стены мечети XV—XVI вв., а также более поздние мечети в г. Оше[2].

Орнаментальные росписи с растительными, геометрическими и эпиграфическими мотивами широко использовались в архитектурной практике Средней Азии предшествующего времени, особенно в X—XII вв. Излюбленным приемом декорирования интерьеров жилых и культовых сооружений остается такая роспись и в пору позднего средневековья. Часто это скупой рисунок синим по белому фону (как кобальтовая керамика), иногда в орнаментации сочетается красный и синий цвета, как, например, в мавзолеях и медресе Самарканда XIV—XV вв.[3] Синий, красный, фисташковый цвета использованы в росписях мавзолея Абу-Саи-

[1] А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950, стр. 118. Репродукции росписей указанных мавзолеев хранятся в Историческом музее Киргизской ССР.

[2] В. Е. Нусов. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971, стр. 47—48, 66, рис. 92.

[3] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, стр. 47; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940, стр. 90; Г. А. Пугаченкова. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV—XVI вв. В сб.: Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 154—155.

да в Мехне (Южная Туркмения, XIV в.)[1]. Эти росписи наиболее близки росписям на городище Акчий как гаммой красок, так и манерой исполнения.

В помещениях 1 и 3 роспись сочеталась с резьбой по ганчу. В помещении 5 преобладали резные ганч и глина. Резьба глубокая (до 1,2 *см*), графического характера. Ганч белый, хрупкий, толщина штукатурки от 1,5 до 2,5 *см*. Орнаментальные мотивы стилизованно-растительные и геометрические (*рис.* 6, 7)[2].

Как и для большинства памятников Средней Азии XIV—XVII вв.[3], резной декор на городище Акчий только дополняет богато украшенные росписью интерьеры помещений. Самостоятельно он выступает лишь в помещении 5. Для резных глиняных деталей использовалась хорошо отмученная глина, глубина резьбы достигала 3 *см*. Верхняя плоскость изделия почти полностью покрывалась тонким слоем алебастрового порошка, что зрительно придавало большую глубину и контрастность рисунку. Среди резных орнаментов встречаются мотивы, типичные для средневекового монументального искусства. Они широко представлены, например, в резной обожженной глине (терракоте) повсеместно в Средней Азии, в частности, в мавзолеях Узгена: «узлы счастья», «ислими», — бегущий побег, восьмилепестковые розетки и др.[4] Все это позволяет нам говорить о том, что декор Акчия иллюстрирует преемственность некоторых форм художественной культуры эпохи развитого средневековья.

Характеристика находок

Керамика из дворцового здания на городище Акчий представлена сравнительно немногочисленными находками поливной и неполивной посуды. Часть поливной керамики составляют фрагменты сосудов на глиняной основе. Фрагменты мелкие, с темно-зеленой или черно-бело-голубой гаммой покрытия.

Пятнадцать фрагментов принадлежат кашинной керамике. Некоторые с двух сторон покрыты бирюзовой поливой и расписаны. В помещении 12 найдена археологически целая чаша с черной росписью под слоем бирюзовой поливы. Чаша тонкостенная, кашин розовый, хорошего качества (рис. 12). Резервуар ее полусферический, венчик прямой, чуть отогнут наружу, поддон кольцевой. Диаметр венчика 15,8—16,2 *см*, высота 7,8 *см*, поддон имеет диаметр 6 *см* и высоту 1,2 *см*. На внутренней поверхности чаши растительно-геометрический рисунок: в центре цветок с полукруглыми лепестками, с серединой, заполненной штриховкой «в шашку». От центральной розетки отходит шесть пятидольных лопастей с точечным заполнением. Край чаши обведен двойной полосой и

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Турменистана. Тр. ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 360—363.

[2] Рисунки представлены в виде графических реконструкций отдельных мотивов.

[3] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 148.

[4] А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники..., стр. 70—77, рис. 27—36.

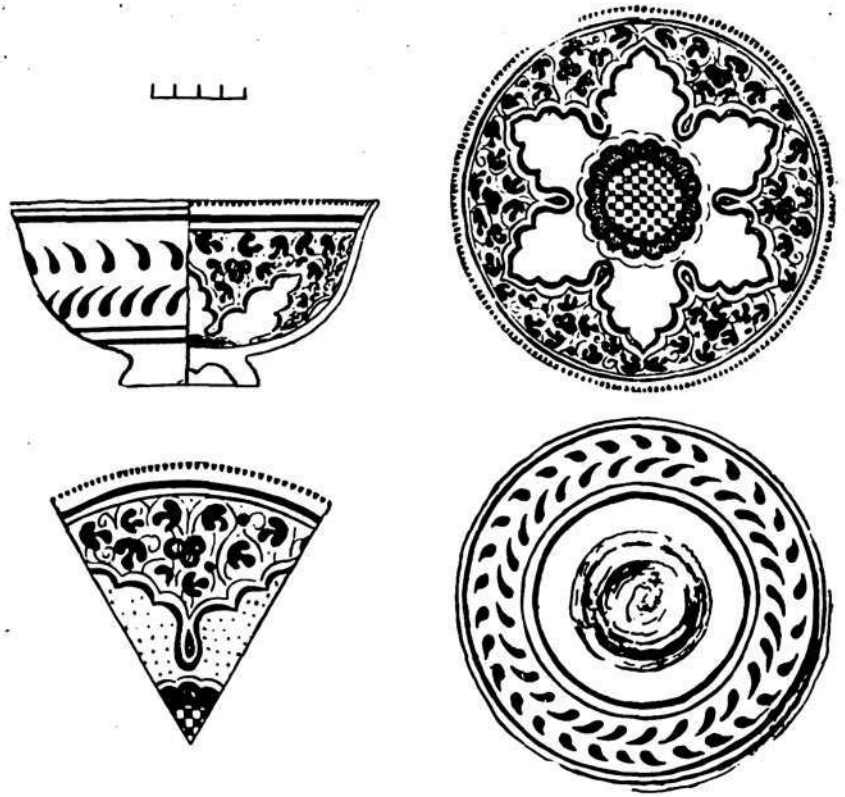

Рис. 12. Поливная чаша из помещения 12.

рядом пятнышек. На наружной поверхности между двумя концентрическими линиями у дна и венчика проходит два ряда фигур в виде перевернутых крупных запятых.

Фрагменты кашинной керамики с кобальтовой росписью принадлежат четырем разным сосудам. Кобальт нанесен тонкой волосяной кисточкой. Сосуды тонкостенные (2—3 *мм*), лишь один имеет пористые стенки толщиной 5—6 *мм* со сквозными проколами, залитыми прозрачной глазурью (грандери). В реконструкции один из сосудов дает чашу с диаметром венчика 13,4 *см*. Роспись под тонким слоем глазури, сплошь покрытой сеточкой трещин. С внутренней стороны чашу украшал растительный орнамент — побеги-усики с листочками разной формы. Край венчика обведен двумя тонкими параллельными линиями с вертикальной штриховкой, переходящей на внешнюю поверхность чаши. Рисунок наружной стороны представляет собой редко разбросанные треугольники, заполненные косой штриховкой. Линии росписи очень тонкие,

краска местами образует подтеки. К этой же чаше следует отнести три фрагмента стенок, на внутренней поверхности которых ближе ко дну видны крупные многолепестковые бутоны. Наружная сторона разрисована удлиненными картушами, сердцевидными фигурами и листиками, заштрихованными в середине.

Четыре фрагмента принадлежат чаше более грубых форм с простым вертикальным венчиком. Кашин очень рыхлый, черепок в изломе имеет 5—6 *мм*, он покрыт толстым слоем прозрачной стекловидной поливы. Роспись двусторонняя, всюду подтеки синей краски, у венчика — пирамидки, заключенные в треугольный картуш. Между этими фигурками части многолопастных листьев или кустиков. Край венчика с двух сторон подчеркнут широкой полосой.

Роспись кобальтом по белому кашинному черепку под прозрачной поташной поливой отмечается в Средней Азии с конца XIV в.[1] В Хорезме, Самарканде и других районах Средней Азии сосуды местного изготовления с кобальтовой росписью получили широкое распространение в XV—XVI вв. Им свойственны незначительные расплывы по контуру рисунка, подтеки, возникшие из-за пористой фактуры черепка или различия коэффициентов расширения кашина и кобальта[2].

В нижних слоях помещения 1 и коридора было найдено несколько мелких фрагментов селадона; три из них принадлежат одной миске, диаметр венчика которой 28 *см*. Волнистый край ее горизонтально отогнут и подчеркнут глубокой бороздкой по бортику. Стенки миски имеют ребристую поверхность. Эти находки можно отнести к кругу селадонов XIV—XV вв.[3]

Неполивная керамика представлена в основном маловыразительными фрагментами сосудов различных форм станкового и лепного производства. Это большие котлы с круглыми боками с налепными, смятыми пальцами, выступами-ручками и волнистой закраиной венчика (рис. 13, *1—2*), неглубокая жаровня (рис. 13, *3*), лепные горшки и кувшины (рис. 13, *10—13, 20*), узкогорлые кувшины (рис. 13, *16—19*) и чаши (рис. 13, *22, 25*). Следует отметить также хум, использованный в ташнау. Он имеет высоту 66 *см*, диаметр венчика 19, дна — 17 *см*, толщину стенки 1,4 *см*. Венчик хума высокий со слегка отогнутой шейкой. Тулово лепное, грушевидное, горловина станкового производства (см. рис. 3).

К гончарным изделиям относятся тандыры, раскопанные в помещениях 4, 5 и 6. Наилучшей сохранности тандыр из помещения 6. Нижняя часть его имеет колоколообразную форму с диаметром основания 52 *см* и верха — 40—42 *см*. Стенки сохранились на высоту 13—43 *см*. Глина светло-оранжевого цвета, рыхлой структуры, с большой примесью галь-

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Тр. САГУ, нов. серия, вып. XI. Археология Средней Азии. Ташкент, 1950, стр. 105; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 121.

[2] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика..., стр. 95.

[3] Э. К. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 92.

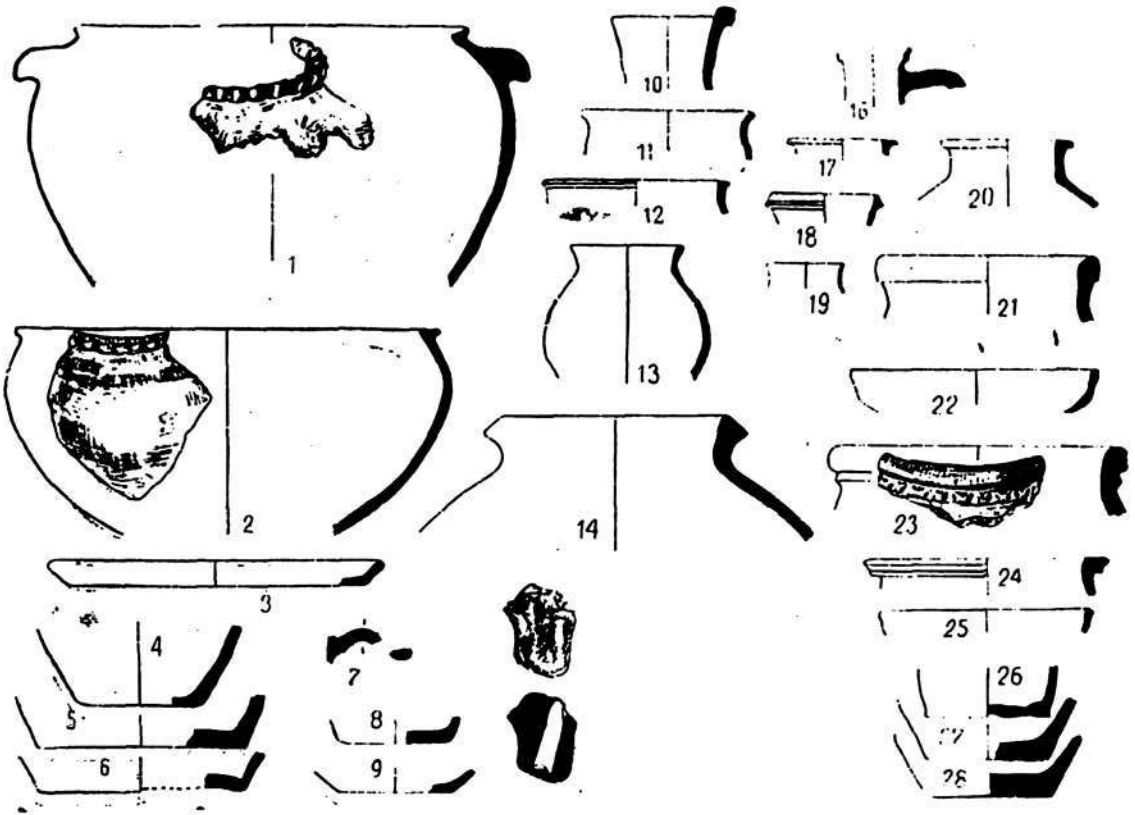

Рис. 13. Неполивная керамика.

ки. Внутренняя поверхность тандыра разделена четырехзубым гребнем на вертикальные полосы, между которыми извилистые линии. В западной стенке отверстие для выгребания золы.

В завале найдено пять круглых плоских керамических грузил. Они, очевидно, сделаны из кусков неполивных сосудов. Вся керамика Акчия изготовлена из местной глины. Формы сосудов невыразительны и датирующего значения не имеют.

В процессе раскопок найдено небольшое количество фрагментов изделий из железа и бронзы, в том числе два железных наконечника стрел. Оба наконечника черешковые, один трехгранный, длиной 8,2 *см* с черешком 3,8 *см* (каждая грань имеет в основании ширину 1,1 *см*); второй плоский, ромбовидный, длиной 7,4 *см*, наибольшая ширина лезвия 1,7 *см*.

Основную группу железных находок составляют кованые гвозди (обнаружено около семидесяти гвоздей и их обломков, большая часть которых найдена в помещении 6 в виде спрессовавшегося комка). Все они четырехгранные с круглыми или подквадратными шляпками, разных размеров: от 2,2 до 13,5 *см* по длине стержня. К железным поделкам следует также отнести скобы, пластины, штыри, петли, полукольца, фрагменты цепочки из проволоки и др.

Изделия из бронзы представлены обломком зеркала диаметром 9,2 *см*, двумя пряжками в виде полуовала размером 2,5×1,8 *см*, пестиком со свинцовым сердечником длиной 15,2 *см* и др.

В разных помещениях было найдено полтора десятка обломков жерновов и зернотерок разных размеров, а также разбитый диск диаметром 28 *см* и толщиной 5—7 *см* от ручной мельницы из крупнозернистого камня.

Итак, на городище Акчий было вскрыто жилое парадное здание XIV—XV вв. Оно целиком сложено из сырцового кирпича, одноэтажное, состоит из 18 комнат различной величины и назначения. Можно предполагать, что главный вход в здание был оформлен выступающими пилонами. По центральной оси располагалось входное помещение, обводной коридор с айваном выходил во внутренний дворик. С трех сторон к дворику примыкали боковые помещения.

Подобная дворовая организация жилых комплексов весьма характерна для стран «мусульманского Востока». Сходная планировка зданий известна по раскопкам домов X—XIII вв., причем сама строительная традиция берет начало в античную пору[1]. Айванные помещения типичны для многих среднеазиатских построек и существуют как продолжение традиций сасанидских и раннесредневековых сооружений, доживших до позднего средневековья[2]. Идея обводного коридора могла быть заимствована

---

[1] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, стр. 44.
[2] Б. В. Вемарн. Искусство Средней Азии..., стр. 39.

из планировки буддийских храмов, встречающихся на территории Киргизии[1].

Наличие во дворе ташнау для стока воды также характерно для жилой архитектуры Средней Азии, как и суфы, заменяющие мебель. В общем планировка здания на Акчие прямых аналогий среди известных памятников Средней Азии не имеет. Скорее всего, это местная переработка каких-то общих среднеазиатских традиций. Деление помещений на отапливаемые зимние и летние, богатая и разнообразная декорировка стен и потолков, наличие световых решеток-панджара свидетельствуют о дворцовом характере сооружения. Здание в качестве жилого помещения функционировало достаточно долго, но по какой-то причине было покинуто его обитателями. Бытовые предметы выбраны очень тщательно, оставшийся вещевой материал крайне скуден, монет нет. Немногочисленная керамика позволяет датировать объект XIV—XV вв. Не противоречат этой дате и стиль надписей в помещении 3, а также характер остального декора.

Анализ декора Акчийского комплекса предполагает связи с традиционными украшениями построек в оседлых районах Средней Азии со времен раннего средневековья, однако есть мотивы, присущие только кочевническому искусству. Приемы росписи интерьеров очень своеобразны и свидетельствуют о тесном переплетении художественных традиций оседлого населения долины и кочевников.

---

[1] Л.П.Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961. стр. 6, *17*.

Д. Ф. Винник, Е. З. Заурова

Историческая топография оседлых поселений Западного Тянь-Шаня

Благоприятные природные условия Кетмень-Тюбинской котловины способствовали раннему зарождению здесь оседло-земледельческой культуры. Подтверждением данного положения служат остатки поселения бронзового века в местности Джал-Арык, открытые И. Кожомбердиевым. Однако следующий этап в истории долины (VI в. до н. э. — VI—VIII вв. н. э.) связан с обитанием на ее территории кочевников, и поселения этого времени нам неизвестны.

Трудности в изучении оседло-земледельческой культуры Кетмень-Тюбе объясняются тем, что города и поселения названного района не упоминаются в письменных источниках древних и средневековых авторов. Поэтому первостепенное значение в исследовании данного вопроса приобретают археологические материалы. Несмотря на многолетние работы археологов в Кетмень-Тюбинской котловине, оседлым поселениям уделялось все же меньше внимания, чем другим категориям памятников. Стационарные раскопки в широких масштабах были выполнены лишь на городищах Ничке V (И. Кожомбердиев), Акчий (Е. З. Заурова) и Уч-Терек (Н. Г. Галочкина). На остальных поселениях заложены только стратиграфические шурфы, собран подъемный материал. Каждое из поселений нанесено на план. Цель настоящей статьи — дать историко-топографическую характеристику оседлых поселений Кетмень-Тюбе.

Большинство памятников этого типа находится в долинной части. По своей топографической структуре и размерам они делятся на несколько групп.

К первой группе относятся городища Уч-Терек, Ничке V и Джаргата, выделяющиеся среди остальных своими размерами, монументальностью построек и оборонительных сооружений.

Уч-Терекское городище расположено в восточной части долины на левом берегу реки Нарын. С трех сторон — западной, южной и восточной — оно укреплено глинобитной стеной, сохранившаяся высота которой 2—3 *м*, ширина по оплыву до 16 *м*. Северной стороной городища служит обрывистый берег р. Нарын, стена здесь отсутствует. С внешней стороны вала на большом протяжении прослеживается ров шириной до 15 *м* и глубиной до 1—1,5 *м*, образовавшийся в результате выемки земли для сооружения стены. Длина городища 940 *м*, наибольшая ширина 300 *м*. В центре северной стороны поселения на берегу

реки Нарын возвышается цитадель. Размеры ее: длина 85 *м*, ширина 35 *м*, высота 5 *м*. Стены цитадели имеют башни. Планировка остальной площади городища, окруженной стеной, прослеживается нечетко. Наиболее мощные культурные наслоения сохранились вокруг цитадели. В северо-западной части они простираются на длину до 250 *м*, в остальных направлениях — до 100 *м*. Расположение бугров — остатков построек, а также сохранившихся лощин позволяет предполагать существование городских улиц. Через территорию городища проходит глубокая ложбина, которая, возможно, является остатком канала, снабжавшего жителей города водой. Канал был выведен из речки Сарыч-Ата, впадающей в р. Нарын в 0,5 *км* от городища.

За пределами основной стены в различных местах сохранились остатки нескольких построек. Но площадь, занятую ими, определить не удалось. Не установлено также, существовала ли стена, окружавшая эти постройки.

На основе материалов, полученных из раскопок, Уч-Терекское городище датируется в пределах VIII—XII вв.

Городище Ничке V (рис. 1). Находится почти в центре долины, в местности Коодуль, на правобережной террасе реки Нарын. В плане поселение подпрямоугольной формы, вытянуто с востока на запад. Длина его 700 *м*, ширина 300 *м*.

Центральные развалины городища делятся на три части. Первая (западная) — в плане прямоугольник с длиной сторон 60×70 *м*. По углам и фасу стен башни. Вход в эту часть поселения, по-видимому, находился в северо-западном углу.

Вторая часть городища также прямоугольная в плане. По углам и фасу стен башни. Наиболее укрепленной является южная стена — 8 башен. Внутренняя площадь этого сооружения занята несколькими крупными буграми.

Третья часть наибольшая по размерам. Имеет мощный культурный слой, определить толщину которого из-за современных могил не удалось.

За пределами стен центральных развалин в отдельных местах сохранились бугры — остатки построек и производственных мастерских. Можно предположить, что эти постройки свидетельство интенсивного роста города в определенную пору. Однако они, как и на Уч-Терекском городище, не окружены оборонительной стеной.

Городище Ничке V впервые обследовано А. Н. Бернштамом в 1946 г. Был снят глазомерный план, собран подъемный материал и заложен шурф. В 1957 г. Таласским археологическим отрядом под руководством П. Н. Кожемяко проведены раскопки в различных местах городища и уточнен план. Наибольший объем работ на поселении был выполнен в 1958—1959 гг. И. Кожомбердиевым. На цитадели был вскрыт жилой комплекс, состоящий из нескольких десятков помещений. При раскопках получен многочисленный материал: поливная и неполивная глиняная посуда разнообразной формы, изделия из металла, камня, стекла и т. д. Найдено значительное количество монет караханидского чекана. В 1962 г. за пределами центральных развалин проводи-

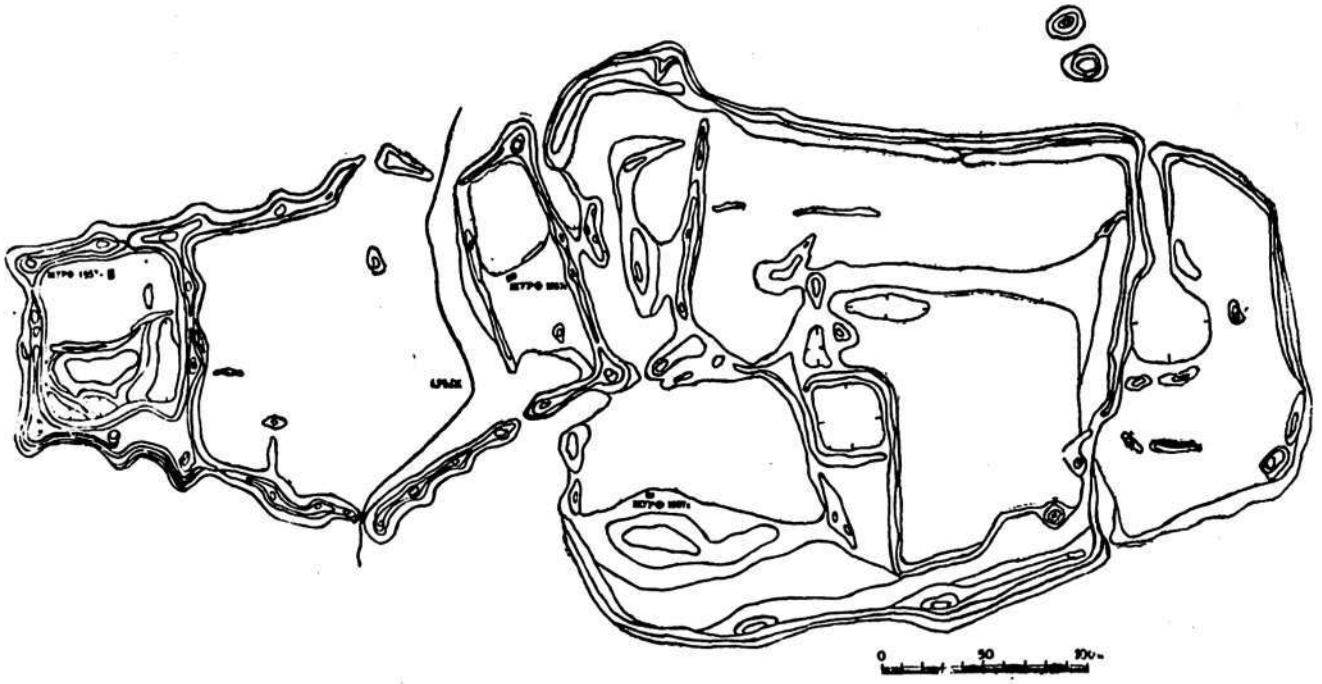

Рис. 1. План городища Ничке V.

лись раскопки Е. З. Зауровой, вскрывшей комплексы жилого и хозяйственного назначения. Хронологические рамки существования городища VIII—XII вв., расцвет его, как показали раскопки, приходится на X—XII вв.

Городище Джаргата (рис. 2). Расположено на нижней террасе адыра, ограничивающего с севера прибрежную часть долины реки Нарын. В плане неправильной формы, вытянуто с юга на север. Длина 265 *м*, наибольшая ширина 130 *м*. Сохранившаяся высота вала 2—3 *м*. В отдельных местах прослеживаются башни. В центральной части городища цитадель. В плане она подпрямоугольной формы с длиной сторон 60×75 *м*. Ориентирована по странам света. Северо-западный угол цитадели фланкирован двойной башней, возможно, здесь был въезд в цитадель. С северной стороны примыкает пандус. Центр восточной стены укреплен мощной башней.

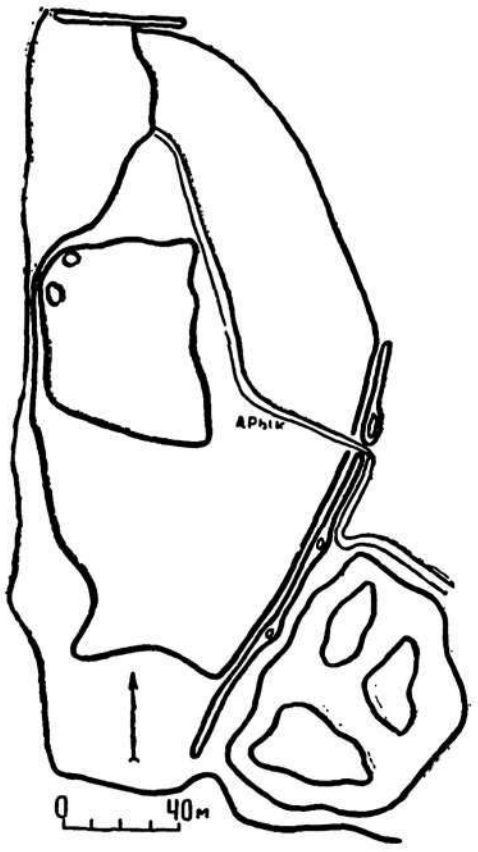

Рис. 2. План городища Джаргата.

В основаниях стен цитадели и поселения прослеживаются уложенные в один или два слоя крупные камни. Зачистка основания стен показала, что они возведены на культурном слое предшествующего периода жизни городища. Большая часть внутренней площади городища имеет мощные культурные напластования. В отдельных местах участки, свободные от застройки. Микрорельеф городища, за исключением цитадели, не прослеживается ввиду того, что вся площадь его превращена в современное кладбище.

Раскопки на городище осуществлены Е. З. Зауровой. Шурф, заложенный на цитадели, определил толщину культурного слоя, достигающего 6 *м*, при этом выявлено четыре строительных периода в жизни городища. В каждом горизонте прослеживаются остатки строительных комплексов. Шурфы, заложенные на других участках, позволили выявить различной плотности культурные наслоения, насыщенные зольниками, древесными углями, костями животных, камнями и керамикой.

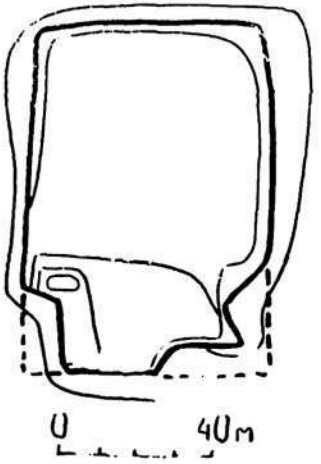

Рис. 3. План городища Ничке III.

Толщина культурного слоя за пределами цитадели 2—3 *м*.

С юго-восточной стороны внешнего вала сохранилась небольшая по размерам площадь со следами застройки. Возможно, такие участки были и с других сторон, но они разрушены пахотой. Совокупность всех материалов, полученных на городище, позволяет датировать его VIII—X вв.

Вторую группу поселений составляют городища значительно меньших размеров и без следов застройки за пределами внешней стены.

Городище Ничке III (рис. 3). Находится в местности Карабаткак, недалеко от края первой надпойменной террасы реки Нарын. В плане подпрямоугольной формы, вытянуто с севера на юг. Длина сторон 68×100 *м*. Высота стен 2—2,5 *м*. В южной части возвышается бугор (цитадель?). Высота его 3,5 *м*. Остальная площадь поселения заполнена культурными наслоениями почти до верхнего уровня валов. Раскопки, проведенные Е. З. Зауровой, позволили выявить два строительных периода в жизни поселения. В обоих горизонтах обнаружены остатки глинобитных стен построек. Материалы, полученные из шурфов, представлены в основном керамикой — лепной и станковой (преобладает последняя) и каменными зернотерками. Хронологические рамки существования городища VIII—X вв.

Джанги-Джольское городище (рис. 4). Расположено на левом берегу реки Чичкан. Северная часть городища разрушена дорогой. В плане оно прямоугольной формы с длиной сторон 100—130 *м*. В центре северной стороны возвышается бугор (цитадель ?). Высота его 4 *м*. Размеры бугра 20×50 *м*. Зачистка разрушенной стороны (западной части)

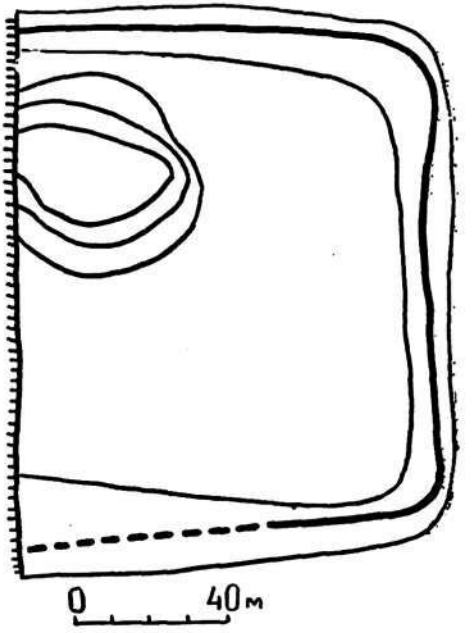

Рис. 4. План Джанги-Джольского городища.

на всю высоту позволила выявить три строительных горизонта с остатками стен построек. На остальной части городища толщина культурного слоя 0,8—1,7 *м*. Сохранившиеся остатки стен, окружавших поселение, имеют высоту 1—1,8 *м*. Нижний строительный горизонт насыщен лепной керамикой, которая позволяет говорить о возникновении городища в пределах VIII—X вв. Во втором и третьем строительных горизонтах преобладающей является станковая керамика X—XII вв.

Третью группу составляют поселения в виде бугров (тепе).

Городище Ничке IV. Находится южнее Ничке III. Расположено на самом краю надпойменной террасы р. Нарын. Представляет собой прямоугольной формы тепе с длиной сторон 82×128 *м*. Наиболее возвышенная часть почти в центре, с небольшим смещением к юго-востоку. Высота ее над окружающей местностью 5 *м*. Восточная и западная стороны имеют следы укреплений, южная — занимает край обрывистой террасы р. Нарын, образующей естественное укрепление, северная — разрушена при постройке дороги. Шурфы, заложенные на тепе, дали возможность выявить три периода жизни на поселении. Вещественный материал состоит из керамики лепной и станковой, каменных зернотерок и грузил. Датировка — VIII—X вв.

Городище Кашкат (рис. 6). Представляет овальное в плане тепе размерами 80×160 *м*. Находится на краю адыра, проходящего в 2 *км* к востоку от левого берега р. Чичкан. Подъемный материал состоит из жженых кирпичей и станковой керамики X—XII вв. Толщина культурного слоя 3—4 *м*, в нем скрыты остатки построек трех строительных горизонтов. Это удалось определить в результате шурфовки бугра в наиболее возвышенной его части. Время существования поселения X—XII вв.

Городище Кум-Арык (рис. 7). Находится на западной окраине села Комсомол. В плане овальной формы, размерами 36×44 *м*. Высота бугра над окружающей местностью до 5 *м*. В восточной части тепе был заложен шурф, который обнаружил культурные наслоения различной плотности на глубину до 3,3 *м*. Слои насыщены зольниками, углями, костями животных, обломками сырцовых кирпичей и керамикой, среди которой преобладает лепная. Наличие сырцовых кирпичей свидетельствует о существовании построек верхнего строительного горизонта, которые возводились на остатках построек предшествующего периода. Хронологические рамки жизни на поселении VIII—X вв.

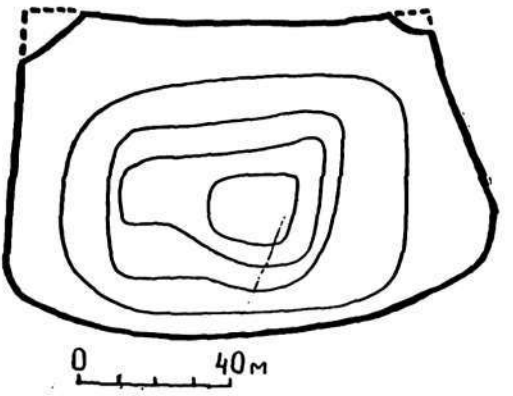

Рис. 5. План городища Ничке IV.

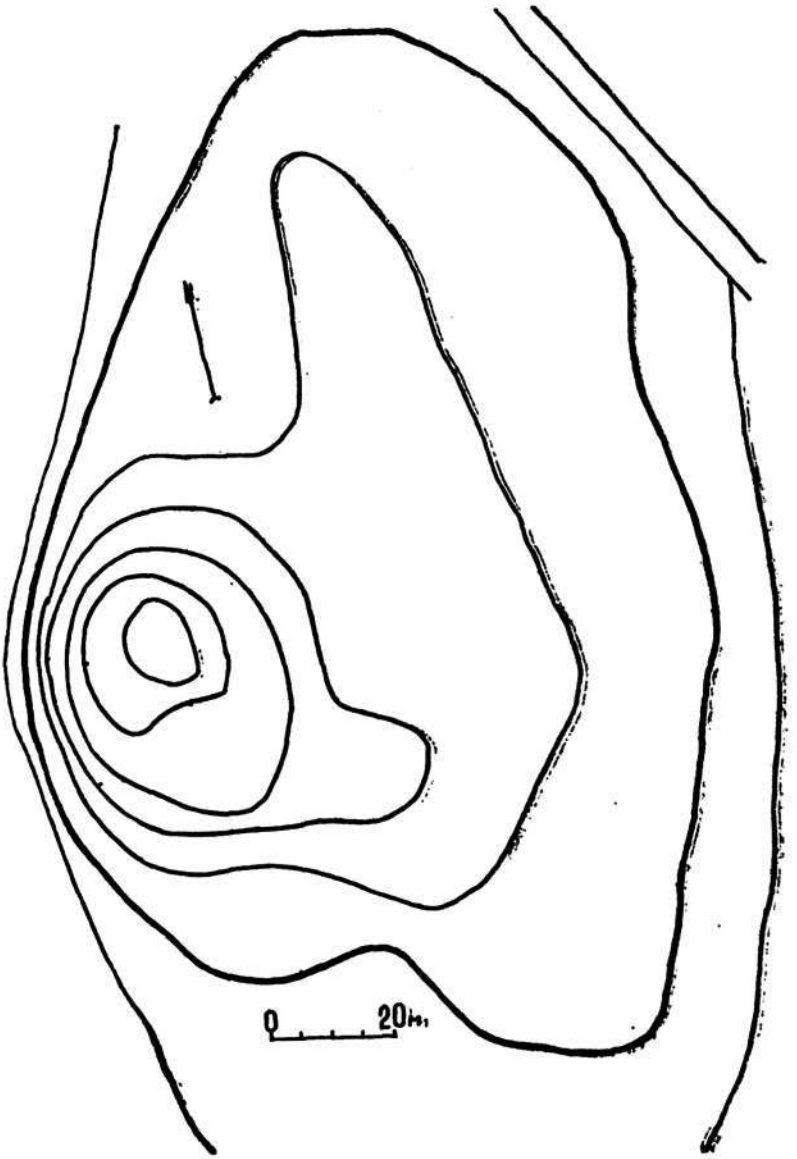

Рис. 6. План городища Кашкат.

Рис. 7. План городища Кум-Арык.

Четвертая группа представлена поселениями типа Ничке II и Теке-Таш.

Городище Ничке II (рис. 8). Расположено на краю правой надпойменной террасы реки Нарын. Состоит из двух вписанных один в другой полукругов стен, упирающихся концами в обрывистый берег Нарына, который с южной стороны служил естественным укреплением.

Внешнее полукольцо стен (высота 2—4,5 *м*) охватывает площадь размерами: по линии север—юг — 130 *м*, запад—восток — 345 *м*. По всему их периметру через определенные промежутки прослеживаются башни.

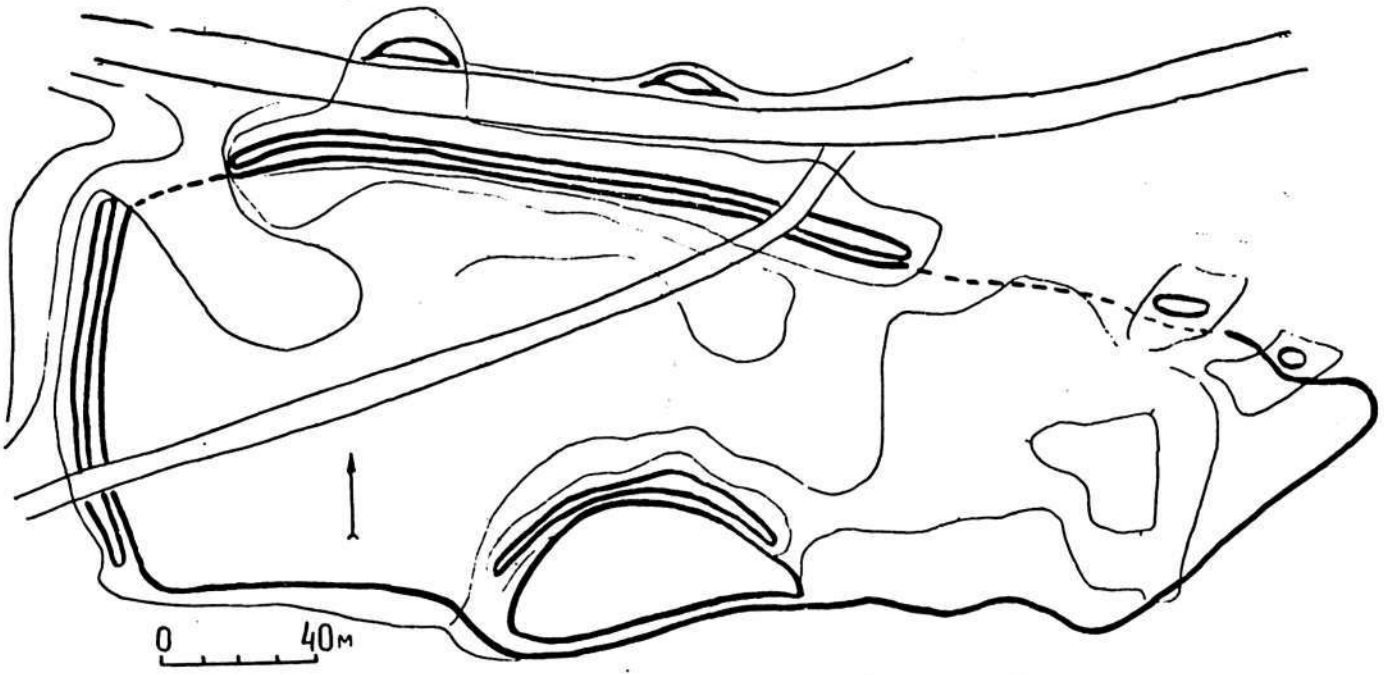

Рис. 8. План городища Ничке II.

Внутреннее полукольцо стен (высота 3,5—4 *м*) охватывает площадь 35×85 *м*. По всей их длине сохранилось пять башен. Эта территория городища являлась центральной частью поселения. Здесь культурные наслоения достигают 4,5 *м*, тогда как за ее пределами — 2—3 *м*. Раскопками выявлены остатки построек трех периодов жизни на городище. Основной материал составляет керамика лепная и станковая, последняя преобладает. Собрано небольшое количество поливной посуды. Часто встречаются жженые кирпичи и каменные зернотерки. В одном из шурфов обнаружены остатки проса. Совокупность всех собранных материалов позволяет датировать городище в пределах X—XII вв.

Городище Теке-Таш (рис. 9). Находится в 5 *км* к юго-западу от Уч-Терекского городища. В плане оно неправильной подпрямоугольной формы, поверхность сильно разрушена. Примерные размеры: 130×180 *м*. Внутренняя площадь состоит как бы из двух площадок — верхней и нижней. Подъемный материал — станковая керамика X — XII вв.

Городище Акчий-Карасу (рис. 10). Находится на краю надпойменной террасы р. Нарын. В плане прямоугольное. Размеры 160×175 *м*. Ориентировано сторонами по странам света. Сохранившаяся высота стен 6—8 *м*. Башни расположены по углам и фасу стен. Северная стена кроме угловых имеет две башни, между которыми, по-видимому, был въезд в городище. Культурный слой составляет трехметровую толщу на-

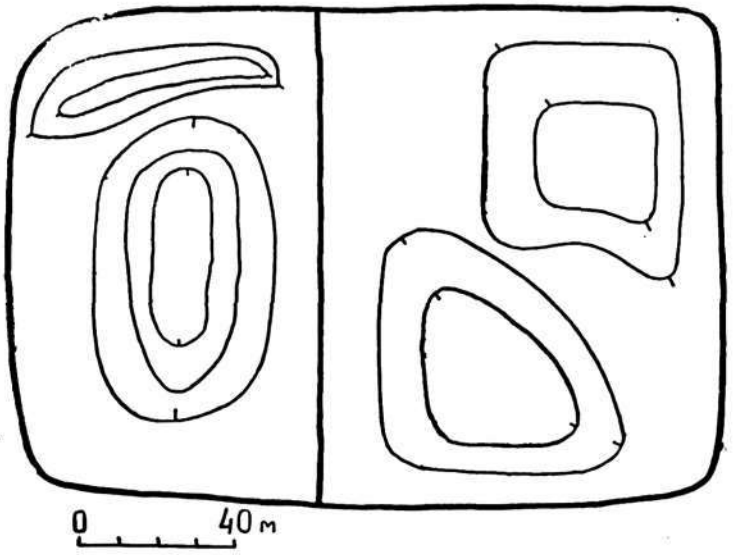

Рис. 9. План городища Теке-Таш.

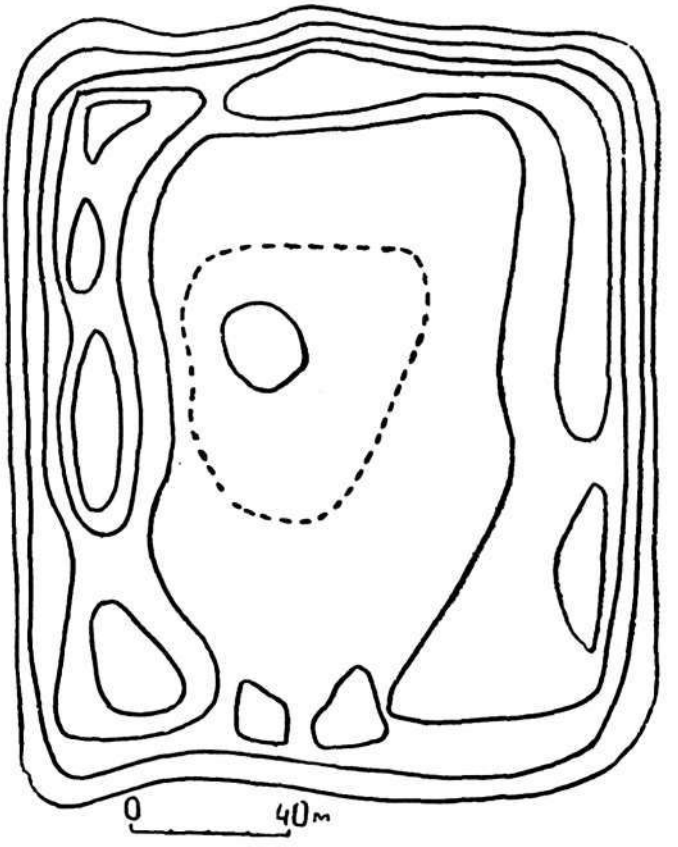

Рис. 10. План городища Акчий-Карасу.

пластований, включающих остатки построек двух периодов жизни на городище. Стены глинобитные и из сырцового кирпича. Кроме глиняной посуды (лепной и станковой) при раскопках обнаружены комки слипшихся в плотную массу обгоревших зерен проса, гороха и пшеницы. Датировка — VIII—X вв.

Пятую группу поселений составляют торткули.

Городище Акчий-Карасу I (рис. 11). В плане четырехугольное. Размеры: 47×50 *м*. Ориентировано сторонами по странам света с незначительным отклонением. Сохранившаяся высота стен 3—4 *м*. По углам следы башен. Через городище с востока на запад проходит дорога. Микрорельеф внутренней площади разрушен современными могилами. Культурный слой толщиной 1—1,2 *м*. Шурф, заложенный на городище, дает основание предполагать, что период жизни на поселении был сравнительно коротким — XI—XII вв.

Городище Ничке I (рис. 12). Находилось к югу от одноименного поселка В настоящее время совершенно разрушено планировочными работами. По сведениям старожилов, представляло собой четырехугольник. Размеры: 50×50 *м*. На месте поселения встречаются жженые кирпичи и станковая керамика, в том числе и поливная. Подъемный материал позволяет датировать городище X—XII вв. Это поселение входило в комплекс торткулей, расположенных у с. Ничке.

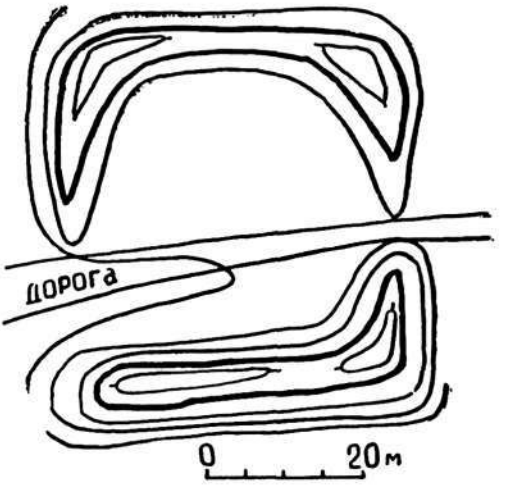

Рис. 11. План городища Акчий-Карасу I.

Городище Котур-Сай I (рис. 13). Находится на вершине высокой горы с левой стороны реки Коодуль, в 4 *км* к юго-западу от с. Комсомол. Торткуль в плане прямоугольной формы. Размеры 35—50 *м*. Высота до 6 *м*. Ориентирован сторонами по странам света.

Внутри торткуля в юго-западном углу прослеживаются следы постройки подпрямоугольной формы. Однако шурф, заложенный в этом месте, никаких признаков культурных наслоений не дал. Земля однородной структуры: лёсс с мелкой галькой и щебенкой. На глубине 0,7 *м* найдено два невыразительных фрагмента лепной керамики. Подобная посуда обнаружена и в подъемном материале. На расстоянии 90 *м* от северо-западной стенки торткуля имеется вал, сохранившийся на высоту 3—5 *м* и отгораживающий вершину, где находился торткуль, от остальной части горы. Сомневаться в стратегическом назначении сооружения не приходится. Это — хорошо защищенная крутыми склонами горы с трех сторон и высоким валом с четвер-

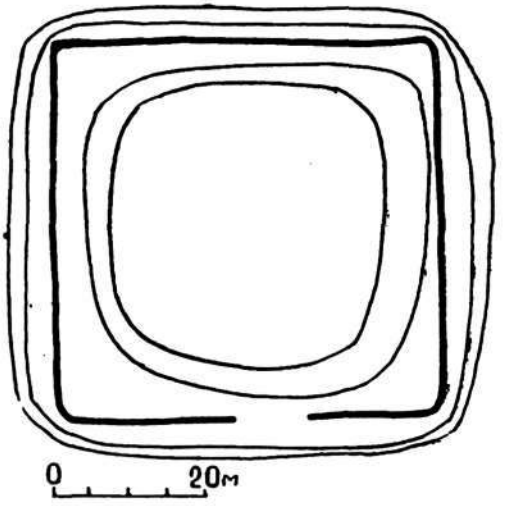

Рис. 12. План городища Ничке I.

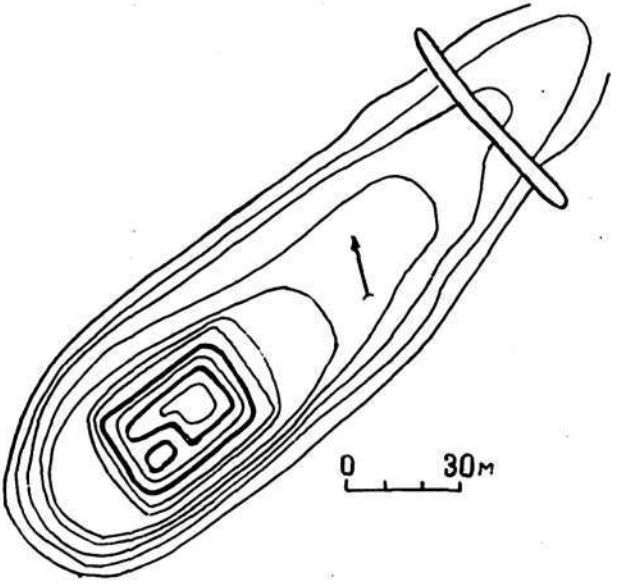

Рис. 13. План городища Котур-Сай I.

той — сторожевая крепость. Из нее просматривается окрестность на далекие расстояния. Гарнизон крепости был немногочисленным, этим можно объяснить отсутствие культурных наслоений.

Городище Котур-Сай II (рис. 14). Находится также на вершине горы южнее торткуля I. В плане прямоугольной формы. Размеры: 26×32 *м* с высотой стен 2—4 *м*. Ориентировано углами по странам света. Башни больших размеров. Вход в крепость осуществляется по узкому коридору длиной 22 *м*, стены которого тянутся на северо-восток до крутых оврагов, почти полностью отрезающих вершину горы с торткулями от остальной ее части, оставляя только укрепленную по краям камнями узенькую тропинку.

Шурф, заложенный в южном углу, доведен до глубины 0,75 *м*. На толщину 0,4 *м* идет землисто-галечниковая засыпь, образовавшаяся в результате разрушения стен крепости, ниже — материковый лёсс с мелкой галькой и щебенкой. Керамика как в шурфе, так и в подъемном материале не обнаружено.

Городище в местности Чолпон-Ата (рис. 15). Находится на одной из возвышенностей левого берега реки Узун-Ахмат. В плане прямоугольник. Размеры: 18×40 *м*, высота стен 3—4 *м*. Ориентировано углами по странам света. Раскопки на городище не дали никаких результатов. Культурный слой не прослеживается. Керамики ни в раскопе, ни в подъемном материале не найдено. Крепость господствовала над

окружающей местностью и также, как и торткули Котур-Сая, выполняла сторожевые функции.

К последней группе поселений следует отнести и два торткуля незначительных размеров в местности Жумуранды-Кия. Размеры первого: 10×10 *м*. Ориентирован сторонами по странам света. Высота стен 1,2 *м*, ширина по оплыву 4 *м*. Въезд в центре восточной стены. Внутренняя площадь заполнена культурным слоем. Подъемный материал — керамика XI—XII вв.

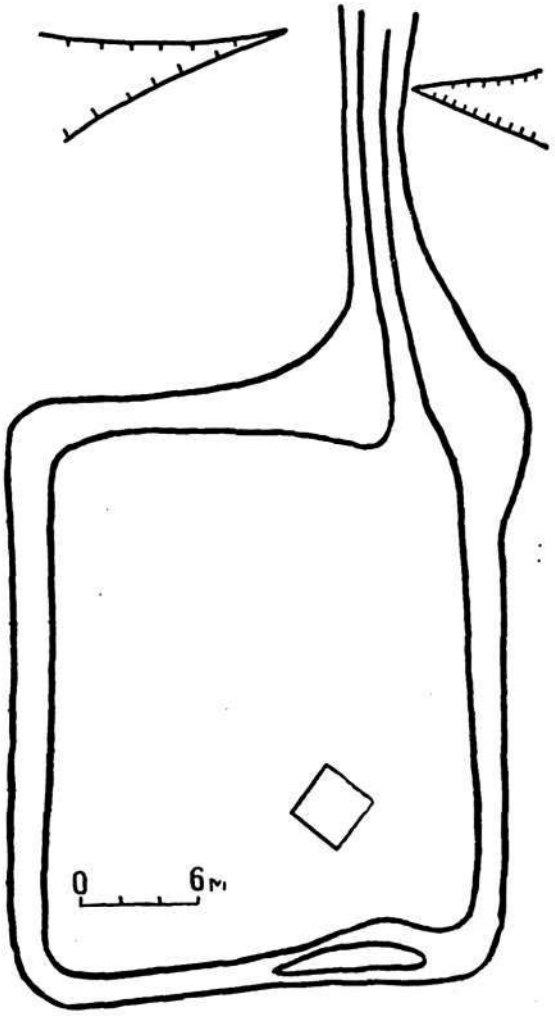

Рис. 14. План городища Котур-Сай II.

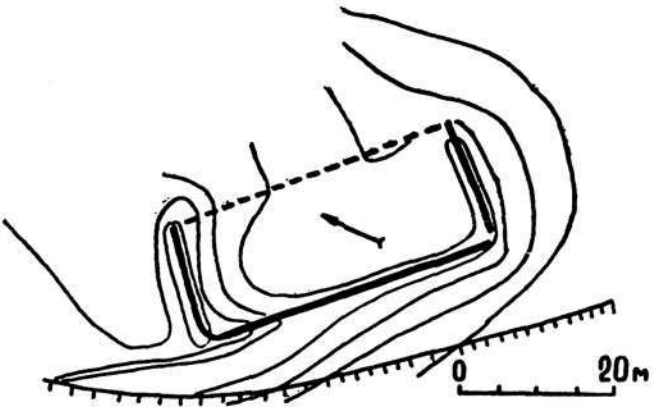

Рис. 15. План городища у с. Чолпон-Ата.

Размеры второго торткуля: 15×18 *м*. Он состоит как бы из двух построек — меньшей и большей. Размеры первой — 8×8 *м*, второй — 10×15 *м*. Из первой постройки был выход во вторую, которая имела в южной стороне общий въезд, защищенный Г-образным выступом стены. Если судить по толщине культурного слоя, то первая постройка являлась *жилым домом, вторая — двором. Подъемный материал состоял* из керамики XI—XII вв. Оба торткуля находятся на небольшом расстоянии друг от друга и представляют собой, скорее, отдельные дома — усадьбы. Расположены в 3—4 *км* к северо-западу от городища Текеташ. Примерно такого же типа торткули имелись к востоку от описанных, на кукурузном поле.

Таким образом, если учесть, что кроме рассмотренных существует еще пять торткулей у с. Ничке, то всего на территории Кетмень-Тюбинской котловины зарегистрировано 25 поселений. Однако это число не отражает их полного количества. Так, часть поселений оказалась разрушенной в результате широкого освоения долины под сельскохозяйственные культуры, о чем свидетельствуют находки в ряде мест россыпей керамики. Другая часть осталась еще вне поля зрения археологов. Но как бы то ни было, уже сейчас имеющиеся в нашем распоряжении данные о количестве поселений свидетельствуют о развитой оседло-земледельческой культуре в раннесредневековое время в Кетмень-Тюбинской котловине.

Рост производительных сил феодального общества (VI—XII вв.) явился одним из главных условий зарождения и развития оседло-земледельческой культуры в долинных и межгорных районах Тянь-Шаня. Археологическими исследованиями на территории Северной Киргизии — в долинах Чу, Таласа и Иссык-Кульской котловины — зарегистрированы для раннесредневекового периода десятки городов и поселений. В X—XII вв. оседлость возникает и в таких глубинных районах Тянь-Ша-

ня, как Сусамыр, Джумгал, Тогуз-Тороо, в бассейнах рек Нарына, Алабуги и др.

В Западном Тянь-Шане — Чаткальской и Кетмень-Тюбинской долинах, как показывают работы последних двух десятилетий, оседлые поселения возникают несколько раньше, чем в Центральном Тянь-Шане. И в этом в немалой степени сказалось влияние Ферганской долины, которая соседствует с Кетмень-Тюбе и Чаткалом[1]. Конечно, ввиду недостаточной изученности поселений Кетмень-Тюбинской котловины, сейчас пока трудно сказать, кто явился их основателем: кочевники-тюрки, переходившие на оседлость, или земледельцы — выходцы из Ферганской долины. Ближайшими к Кетмень-Тюбе поселениями Северной Ферганы являются Кассан и Ахсикет. А. Н. Бернштам в их взаимоотношении и развитии отмечает два этапа — кушанский и тюркский[2]. Причем расцвет этих городов-крепостей тюркских владык он относит к периоду VI—XII вв.[3] На основе этой датировки можно предположить, что возникновение оседлых поселений в Кетмень-Тюбе также связано с тюрками, но одновременно не исключается переселения сюда и земледельцев из Ферганской долины. А. Н. Бернштам в 1946 г. обнаружил в Кетмень-Тюбе комплекс оседлых поселений[4]. Это дало ему возможность отождествить средневековую область Хайламу с долиной Кетмень-Тюбе[5]. В. В. Бартольд помещал эту область то на востоке Ферганы (бассейн р. Кугарт)[6], то в северной ее части между реками Кара-Дарьей и Нарыном[7]. Открытие новых поселений в Кетмень-Тюбе, на наш взгляд, еще более подтверждает предположение А. Н. Бернштама. Другой такой территории, как Кетмень-Тюбинская котловина, по насыщенности средневековыми городищами ни в Северной Фергане, ни в Западном Тянь-Шане мы не знаем[8].

Время массового возникновения поселений в рассматриваемом районе, как видно из вышеизложенного, — VIII век. Однако появление первых поселений относится к VI—VII вв. Свидетельством данного предположения является наличие архаичной керамики, которая по аналогии с керамикой других районов была характерной для указанного периода. На современном этапе изучения поселений котловины пока трудно назвать их количество, определить топографию, планировку и т. д., тем более, что слои VI—VII вв. перекрыты позднейшими напластованиями. Для решения этих вопросов требуется осуществление об-

---

[1] А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. КААЭ, т. II. М., 1959, стр. 17.

[2] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 234—247.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 117—119.

[5] Там же, стр. 119.

[6] В. В. Бартольд. Соч., т. 1. М., 1963, стр. 212.

[7] Там же, стр. 220.

[8] Соглашаясь в общем с отождествлениями А. Н. Бернштама (Кетмень-Тюбе — Хайлама), в то же время полагаем, что правильнее было бы считать рассматриваемый район только частью области Хайлама.

ширных раскопок на ряде поселений. Классификация керамики, которая проводится в настоящее время, позволяет выделить комплексы для VI—VII вв.

Большая часть оседлых поселений в Кетмень-Тюбинской котловине прекращает существование в X в. Сокращение их количества с этого рубежа происходит за счет увеличения крупных городов. Данный процесс в X—XII вв. был характерен и для других районов Средней Азии. Как показывают результаты исследований, центральное место в X — XII вв. принадлежало городу, развалины которого ныне известны под именем Ничке V. Все остальные поселения, существовавшие в то время, были подчинены ему.

Какое назначение имели выделенные группы поселений?

Если Уч-Терек, Ничке V, Джаргата и Ничке II являлись городами[1], то большинство остальных городищ — сельскими поселениями. Кроме ремесла и торговли жители занимались в широких масштабах земледелием, о чем свидетельствуют находки проса и развитая ирригационная система.

Оседлое население Кетмень-Тюбе имело тесные политические, экономические и культурные связи с другими районами Ферганы и в целом Тянь-Шаня. Из Кетмень-Тюбе в Центральный Тянь-Шань шел караванный путь через Тогуз-Тороускую котловину. На этом пути находилось два крупных поселения — Уч-Терек и Теке-Таш. По р. Чичкан можно было легко пройти в Сусамыр, а оттуда в Таласскую и Чуйскую долины. В бассейне этой реки располагались поселения Кашкат и Джанги-Джол.

По р. Узун-Ахмат караванный путь проходил в Таласскую долину. Возможно, что крепость в местности Чолпон-Ата являлась сторожевым постом на этой дороге.

Из Ферганы в Кетмень-Тюбинскую долину, как полагает А. Н. Бернштам, караванный путь начинался от Арсланбоба, далее шел через горные перевалы и выходил в район Уч-Терека, а отсюда, переправившись через р. Нарын, караваны приходили в основные города долины[2].

Топография поселений Кетмень-Тюбинской котловины показывает, что они имеют наибольшее сходство с поселениями Таласской и Чуйской долин и Центрального Тянь-Шаня[3]. Это одно из свидетельств единого исторического процесса, совершавшегося на территории Тянь-Шаня в среде однородного в этническом отношении населения.

---

1 Перечисленные городища занимали большую, чем указано на планах, площадь. За пределами внешних стен каждого из них на значительном пространстве встречаются керамика и остатки построек. Из-за перепланировки местности вокруг городищ их первоначальные размеры установить не удалось. Не исключено, что в пределах VIII—XIII вв. эти города существовали не одновременно.

2 А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 250.

3 Там же, стр. 99, рис. 51, стр. 100, рис. 52; П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 131—166; его же. Оседлые поселения Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 177—224.

О. Бернаалиев

Древняя ирригация долины Кетмень-Тюбе

Долинные районы Киргизии с их плодородными почвами и обилием водных источников издавна привлекали внимание земледельцев. Здесь, как и в других местах Средней Азии, существовала высокоразвитая оседло-земледельческая культура. Возникшее в эпоху поздней бронзы, земледелие в период античности становится основой экономики у значительной части населения Киргизстана, особенно ее южных районов.

В долине Кетмень-Тюбе в период VI в. до н. э. — V в. н. э. преобладало кочевое скотоводство. Но наряду с ним, возможно, в отдельных местах долины кочевники занимались и земледелием. Так, в некоторых курганах долины Кетмень-Тюбе на деревянных столиках вместе с остатками мясной пищи находили хорошо сохранившиеся лепешки из проса. На вероятность занятия кочевников земледелием указывают и находки в их могильниках зернотерок, косточек урюка, винограда и тыквенных сосудиков, хотя возможно, что эти продукты они получали от оседло-земледельческих племен Ферганы.

Конечно, масштабы земледелия в Кетмень-Тюбинской долине в древности были невелики: основу хозяйства составляло скотоводство, и население не обладало достаточным опытом сооружения ирригационных систем. Скорее всего осваивались небольшие участки вблизи саевых и родниковых вод. Пригодными для земледелия были площади в поймах рек Нарын, Чичкан, Торкен и Узун-Ахмат, где при небольших затратах труда можно было обеспечить полив посевов.

В раннесредневековое время занятие земледелием становится ведущей формой хозяйства. Об этом убедительно свидетельствуют памятники оседло-земледельческого населения. К ним относятся городища и остатки оросительных сооружений. Древние каналы и арыки — прямые свидетели развитой земледельческой культуры в долине.

Некоторые оросительные системы, такие, как канал Карасу, Калмак-Арык, Аксенир-Арык, протяженностью до 15 *км,* обеспечивали водой участки, удаленные на значительные расстояния от крупных рек. С появлением орошаемого земледелия стало возможным широкое освоение больших массивов ранее пустовавших земель. Интенсивное развитие ирригации в долине способствовало подъему всего земледелия, а вместе с тем и возделыванию разнообразных сельскохозяйственных культур.

При обследовании территорий, прилегающих к памятникам оседлого населения, а также поймам рек Нарын, Чичкан, Ничке, Коодуль, Бала-Чичкан, удалось выявить остатки приблизительно двух десятков средневековых арыков и каналов. Отдельные из них используются для орошения полей и в настоящее время. В некоторых местах источниками питания, например для Арабулак-Арыка, Джаргата-Арыка, служили родники. Следы их сохранились до наших дней.

Калмак-Арык. Левый берег р. Нарын от горы Кетмень-Тюбе (от Нарынского моста) до местности Торткуль представляет собой широкую равнину с уклоном к реке. В настоящее время только некоторые ее участки непригодны для земледелия, остальные же распаханы и заняты под посевы. Именно на неосвоенном участке, почти вдоль обрыва поймы, сохранились валы старого канала, называемого местным населением Калмак-Арык. За исключением головной части, его трассу удалось проследить отрезками на протяжении около 12 *км*.

В 0,8 *км* ниже моста по течению р. Нарын на самом краю подмытого берега выявлено сухое русло канала. Остатки валов и ложа нависали над водой. Начинался канал, видимо, в 50—60 *м* выше по течению реки, и в настоящее время эта часть его полностью смыта. Остатки обоих валов канала видны на участке длиной 98 *м*, параллельно реке. Высота валов 1—1,3 *м*, ширина — 1,5 *м*. Русло имело общую ширину 6—7 *м*. Дальше русло канала теряется под отвалами дороги Фрунзе—Ош, затем прослеживается через 700 *м* на отрезке 1,2 *км*. На этом участке канал был врезан в край адыра и имел только один правый вал со стороны, обращенной к пойме р. Нарын. Впервые он был выявлен П. Н. Кожемяко в 1957 г. В 1969 г. этот отрезок канала был снят на план Е. З. Зауровой (рис. 1). В одном его месте осуществлен поперечный разрез. Вал канала состоял из обыкновенного серозема, вынутого при прокладке русла, заметна прослойка наносного лёсса толщиной 0,6 *м* и прослойка мелкого наносного песка. Здесь ширина ложа канала примерно 3,5—4 *м*, высота вала от нижней точки ложа 2 *м*, ширина — 2 *м*.

Прилегающий к каналу участок, протяженностью 3,5 *км*, недавно распахан и перепланирован. Однако следы русла канала заметны к западу от Кара-Акмат-Сая. Здесь оно разделяется на две ветки, условно называемые Бел-Арык и Туз-Арык.

На этом участке к юго-востоку от села им. Чкалова выявлены остатки небольшого поселения, ныне распаханного. Подъемный материал в основном представлен грубой лепной и станковой керамикой. Кроме того, в западной части поселения обнаружено несколько обломков поливной посуды и шлак. Вся керамика относится к X—XII вв. Поселение, безусловно, связано с водораспределяющим сооружением.

Туз-Арыкский отвод проходит в 200 *м* южнее современного канала, он прослеживается в виде оплывшего двойного вала на протяжении 4 *км* небольшими отрезками. Его трасса проложена в нижней части долины вдоль р. Нарын. Валы канала в настоящее время низкие (0,8 — 1 *м*), сильно сглаженные. Следы отвода теряются на северо-восточной

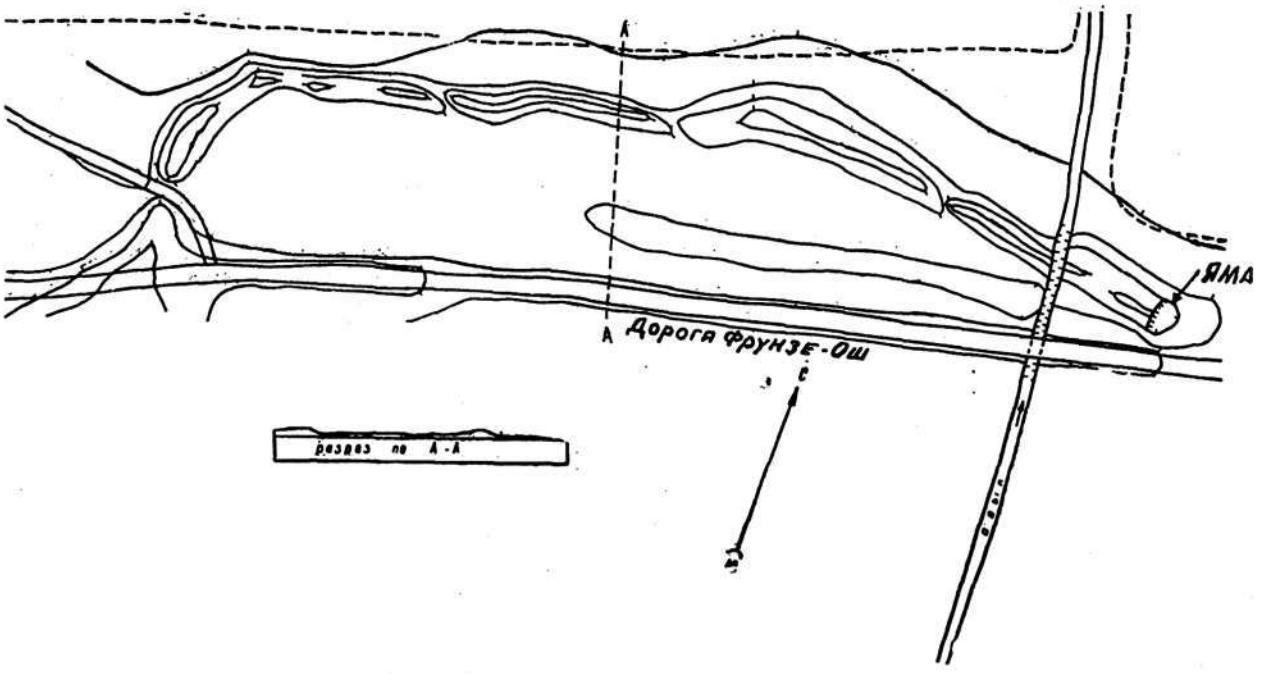

Рис. 1. Валы в местности Каракмат.

окраине с. «Партизан», так как здесь вся прилегающая площадь распахана. На северо-западной окраине с. «Партизан» можно как будто бы снова проследить продолжение этого отвода, совпадающего с прежним его направлением. Далее до местности Торткуль, очевидно, трасса Туз-Арыка совпадала с трассой современного канала Чон-Арык.

Бел-Арыкский отвод проходил у подножья адыра вдоль горы Кок-Бел. Его остатки в виде прямолинейного вала тянутся на 4,5 *км*. Дальше следы его не прослеживаются, потому что русло скрыто обвалами горных пород. Можно предположить, что он, постепенно отклоняясь к северо-западу, прорезал территорию с. «Партизан» и доходил до конца левобережной части долины. Местность вдоль трассы отвода на значительных площадях ровная и пригодная для возделывания различных культур. Несомненно, она использовалась под посевы древними жителями.

Таким образом, Бел-Арык орошал предгорный участок, Туз-Арык — земли, прилегающие к пойме р. Нарын.

На территории между отводами Туз-Арык и Бел-Арык, у юго-восточной окраины с. «Партизан», находились недалеко друг от друга два поселения прямоугольных очертаний. Планы их сохранились на крупномасштабных земельных картах 1947 г. В настоящее время они полностью распаханы. При осмотре их остатков обнаружены обломки неполивной посуды, фрагменты поливной керамики, жженые кирпичи и кусочки шлаков. В целом керамика датируется X—XII вв.

В хвостовой части отводов, к югу от местности Торткуль, у выхода р. Кудусай на равнину, в местности От-Сай, обнаружено еще одно сильно разрушенное поселение, подъемный материал с которого относится к X—XII вв.

Таким образом, археологические памятники в зоне орошения левобережной части долины Кетмень-Тюбе позволяют говорить о существовании и функционировании Калмак-Арыка в X—XII вв. Приблизительная площадь земель, орошаемых Калмак-Арыком, составляла 25 *кв. км*.

Аксенир-Арык является одним из наиболее древних ирригационных сооружений на правом берегу р. Чичкан. От головной части его до с. Кайырма хорошо сохранилась трасса канала. Он брал начало из р. Чичкан в местности Тамды (в 4 *км* к северу от места впадения р. Бала-Чичкан в р. Чичкан). Береговой обрыв реки на этом участке низкий и широкий, удобный для отвода воды.

От начала до входа в ущелье арык был проложен вдоль правой поймы р. Чичкан. Затем к северу от села им. Кирова он поднимался на более высокую террасу и поворачивал на запад. В этом направлении арык прослеживается на протяжении 2 *км* у подножья горы Кайрак и, не доходя 200 *м* до с. Кайырма, теряется.

На территории верхней части канала Аксенир, от начала до села им. Кирова, на протяжении 7 *км* вдоль трассы археологических памятников не встречается. И только на северной окраине села на левом берегу р. Чичкан, у дороги Токтогул — Фрунзе, находятся остатки круп-

ного городища[1]. Западная часть его уничтожена при постройке дороги. Подъемный материал относится к X—XII вв.

Территория хвостовой части канала много раз перепахивалась. Но по рассказам старожилов, еще в 30-х годах на западной окраине с. Кайырма было поселение. Это подтвердилось при осмотре соответствующего участка: здесь встречены зольники, шлаки, фрагменты поливной керамики. Поселение можно приблизительно датировать X—XII вв.

Длина арыка 13 *км*, ширина между валами от 1,5 до 2 *м*. Высота валов от 1 до 1,3 *м*, ширина — 1,6 *м*. В четырех местах левый вал восстанавливался. В трех километрах от головного сооружения хорошо сохранилась ремонтная кладка левой дамбы из плиточного камня (местная порода) на прочном ганчевом растворе, длина ремонтной кладки 3,5 *м*, ширина 1,2 *м*, высота 1,3 *м*. Вторая ремонтная кладка из местных пород (длина 6,7 *м*, ширина 1,4 *м*, высота 1,1 *м*) находится в 6 *км* от головного сооружения на левом берегу арыка. В 500 *м* от предыдущей ремонтной кладки по течению просматривается еще одна ремонтная кладка, длина ее 2,8 *м*, ширина 1,5 *м*, высота 1,2 *м*. Следы последнего ремонта — кладка из рваного камня — обнаружены в устье ущелья Кайрак (длина кладки 2,6 *м*, ширина 1,1 *м*, высота 1,2 *м*). Аналогичные ремонтные кладки выявлены в средневековых каналах Таласской долины.

Канал Карасу. Действующий. Был единственным источником орошения местности Акчий-Карасу. Берет начало в р. Чичкан у северной окраины села им. Кирова. На протяжении 700 *м* течет в пойме р. Чичкан, параллельно ей, затем делает дугообразный поворот к востоку и в этом направлении у подножья адыра доходит до западной окраины местности Коодуль. Адыр ограничивается с юга широкой поймой р. Нарын, высота обрыва его достигает 20—30 *м*, в древности это была левая надпойменная терраса Нарына. Не доходя 2 *км* до с. Боконбаевское, канал постепенно поворачивает к югу и вливается в р. Нарын.

Общая длина канала около 16 *км*, глубина обрыва 1,5—3 *м*, наибольшая ширина 13 *м*. Канал сформировал свою долину, русло и береговые террасы, что само по себе уже свидетельствует о его древности. Он имеет около десятка боковых ответвлений, из них к числу наиболее крупных относятся арыки Кайырма и Акчий. Первый отходит к северу от с. «Октябрь» и подводит воду к городищам Акчий-Карасу I и Акчий-Карасу II.

Акчийский отвод начинается в 800 *м* от канала Кайырма вниз по течению Карасу. На протяжении 4 *км* трасса Акчий проходит параллельно трассе основного канала, на значительном расстоянии от него, затем постепенно отклоняется к югу и проходит мимо городища Акчий, длина отвода 7 *км*, ширина 2,5—5 *м*, глубина русла 1,2—2 *м*. Следов старых отводов вдоль канала проследить не удалось. Он орошает в настоящее время территорию села им. Ленина, в древности снабжал водой городище Акчий и округу. Городище Акчий Е. З. Заурова датирует XIII—XV вв.

---

[1] Джанги—Джольское городище.

В зоне действия канала Карасу находятся городища Кашкат и Джаргата. Оба существовали в VIII—XV вв.

Возле городища Джаргата канал Карасу разветвляется на две ветки. Правая идет к югу и орошает территорию к северо-востоку от городища Акчий. Левая ветка продолжается в направлении к востоку у подножья адыра и орошает возвышенные участки долины.

На участке от урочища Мустор до с. Боконбаевское вдоль трассы канала зарегистрировано шесть городищ. Они относятся к VIII—X вв., за исключением городища Акчий, жизнь на котором продолжалась и в более позднее время. Рельеф местности и археологические памятники в районе орошения канала Карасу позволяют считать, что его трасса повторяет направление средневекового канала.

Все вышеуказанные памятники принадлежат оседло-земледельческому населению, обитавшему на рассматриваемой территории почти тысячу лет. Земледелие здесь было невозможно без ирригации. Рельеф местности позволяет вести воду на данный участок только из р. Чичкан и именно в том месте, где сейчас проходит русло канала Карасу.

Результаты наших исследований дают основание полагать, что строительство канала Карасу относится к VIII—IX вв. С замиранием же здесь оседло-земледельческой жизни в XVI в. канал бездействует, лишь в XIX в. возрождается и функционирует уже до настоящего времени.

Таким образом, широкое освоение рассматриваемой территории связано с сооружением канала на месте нынешнего Карасу.

Ничке-Арык. Одним из густонаселенных оседло-земледельческих участков долины Кетмень-Тюбе является местность Коодуль. Она занимает территорию между реками Коодуль и Ничке. Здесь насчитывается восемь поселений на незначительном расстоянии друг от друга. Основная группа памятников находится на правой надпойменной террасе р. Нарын. Они располагаются в виде полосы вдоль дороги Фрунзе — Ош от Нарынского моста до с. Боконбаевское.

Комплексное изучение поселений у с. Ничке, проводимое А. Н. Бернштамом, И. Кожомбердиевым и Е. З. Зауровой, позволяет говорить о развитии в этой местности оседло-земледельческой жизни в X—XII вв.

Среди обследованных поселений выделяется своими размерами городище Ничке V, которое, несомненно, являлось административно-культурным центром не только данного участка, но и всей долины. Оно функционировало беспрерывно в течение VIII—XII вв.[1] К нему тяготеют, как бы составляя округу, торткули разной величины и степени сохранности. Такое компактное расположение поселений, вероятно, обусловлено древней ирригационной системой Ничкенского оазиса.

Развитие здесь поливного земледелия в настоящее время связано с выведением арыков и каналов из рек Ничке и Коодуль. По условиям

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 117—119.

рельефа провести воду с западной, южной и восточной сторон не представляется возможным. Она поступает только с севера, из р. Коодуль. Поэтому район поймы р. Коодуль был обследован особенно тщательно. На левом берегу реки выявлены остатки старого канала, трасса которого прослежена на всю длину от головного сооружения до дороги Фрунзе — Ош. В прибрежной части сохранность отвалов канала лучше, чем на территории с. Боконбаевское. В некоторых местах валы канала частично снивелированы, но на непотревоженных участках их высота достигает 1—1,5 *м* при ширине ложа канала около 2,5 *м* и ширине валов 1,5—1,7 *м*.

От начала в местности Таш-Башат до северной окраины с. Боконбаевское канал проходит в пойме р. Коодуль. Затем, отклоняясь к востоку, он доходит до местности Ачик-Булак. Отсюда на протяжении 2,5 *км* в сторону дороги Фрунзе — Ош следы его теряются и появляются вновь у северо-восточной окраины городища Ничке III на отрезке длиной 260 *м*.

От Ачик-Булака в юго-западном направлении он доходит до местности Каработкак. Впервые канал был выявлен П. Н. Кожемяко в 1957 г.

Керамический материал, поднятый с поселений Ничке I, II, III, IV, свидетельствует о том, что жизнь в районе действия канала существовала в VIII—XII вв. Археологические находки со всех памятников оазиса весьма однотипны.

К а р д ы ж а р ы к. В северной части котловины у подножья горы Кокдомбок сохранились остатки крупного магистрального канала, называемого местным населением Куубаш-Арык. Трасса его прослеживается почти целиком на протяжении около 14 *км*. Однако судить о первоначальном профиле канала, ширине его ложа, высоте берегов не представляется возможным, поскольку арык до недавнего времени неоднократно очищался и расширялся.

Канал выведен из р. Бала-Чичкан на левобережье в местности Тегирмен. Русло его идет параллельно реке до выхода ее в долину. Не доходя 0,5 *км* до села им. Куйбышева, канал поворачивает к юго-востоку и проходит мимо сел Кызыл-Туу, «Комсомол» до местности Кара-Тектир. Впадает в р. Борду-Сай.

В зоне орошения Кардыжарыка имеется два поселения. Одно — Кум-Арыкское — расположено на юго-западной окраине с. «Комсомол». Оно прямоугольное в плане, размером 45×35 *м*, ориентировано сторонами по странам света. Подъемного материала почти нет.

Второе поселение — Кокдомбок — находится в зоне среднего течения канала на площадке у подножья горы Кокдомбок, по левобережью Кардыжарыка в 700 *м* к северо-западу от с. Кызыл-Туу. Это небольшой бугор (размером 23×23 *м*) при максимальной высоте около 3 *м*. Подъемный материал отсутствует.

Кроме того, в местности Котур-Сай с левой стороны р. Коодуль на вершине горы недалеко друг от друга находятся два небольших торткуля. Учитывая близость их расположения к речке, можно предполо-

жить, что этот район обитания снабжался водами р. Коодуль и канала Кардыжарык[1].

Наряду с крупными каналами следует назвать небольшие арыки: Теш-Арык, Чичкан-Арык, Кайырма-Арык и другие, которые орошали близлежащие участки. Следы их сохранились до настоящего времени.

Все это лишний раз говорит в пользу нашего предположения о преобладании в Кетмень-Тюбинской долине земледелия.

В средневековое время увеличение посевных площадей при все возрастающей численности населения вызывало необходимость сооружения большого количества ирригационных систем.

Других следов крупных магистральных каналов, подобных ферганским, в долине не зафиксировано. Здесь орошение базировалось на сети сравнительно коротких каналов и арыков, выведенных из рек Ничке-Сай, Коодуль, Чичкан, Бала-Чичкан и Нарын.

Таким образом, все приведенные данные о поселениях, расположенных в зоне орошения каналов Аксенир-Арык, Ничке-Арык, Калмак-Арык, Кардыжарык, Карасу, позволяют считать, что они были сооружены не раньше VIII в. и функционировали до начала XIII в. Наивысшее ирригационное освоение долины происходило в X—XII вв. В конце XII — начале XIII вв. каналы Аксенир-Арык, Ничке-Арык, Калмак-Арык, Кардыжарык, Теш-Арык, Чичкан-Арык перестают действовать, а канал Карасу, сильно сократившись, снабжает водой преимущественно округу городища Акчий.

Такое запустение оросительной системы долины в конце XII в., очевидно, вызвано причинами военно-политического характера, скорее всего, монгольским нашествием.

---

[1] Городища в местности Котур-Сай — сторожевые укрепления и никакого отношения в оросительной системе Кардыжарыка не имеют (Ред.).

В. Д. Горячева,
В. М. Плоских

Укрепление Улуг-Коргон

Киргизские крепости до недавнего времени не были объектом специального археологического изучения. Руины «Чолок-Коргон», расположенные по течению р. Алабука в Центральном Тянь-Шане, были описаны в свое время А. Н. Бернштамом. По его мнению, это остатки крепости, сооруженной в середине XIX в.[1] Краткая характеристика развалин, которые по преданию представляли собой когда-то укрепление батыра Чыныке, была дана П. Н. Кожемяко. Он полагал, что планировка этой крепости отлична от планировки раннесредневековых городищ и датировать ее следует XVIII—XIX вв.[2]

Впервые раскопочные работы на памятниках подобного рода были проведены летом 1973 г. в долине Кетмень-Тюбе. Здесь в юго-западной части, в местности вблизи слияния рек Чичкан и Узун-Ахмат с Нарыном, на террасе, выступающей к пойме р. Нарын, высятся развалины старой крепости, запустевшей с изгнанием кокандцев и окончательно разрушенной землетрясением 1946 г. В 1967 г. остатки крепости были сняты на план Е. З. Зауровой, в 1973 г. план был несколько уточнен.

Местному населению это укрепление известно под названием «Улуг-Коргон», под этим же названием оно зафиксировано П. Ф. Резником в 1899 г.[3] В источниках оно упоминается как «Узун-Ахмат» или просто— крепость Кетмень-Тюбе[4].

По географическому и стратегическому положению укрепление занимало удобную позицию. Высокие надпойменные террасы, прорезанные глубокими логами, делали его труднодоступным со стороны рек, поймы которых заболочены, и в то же время обеспечивали хороший обзор всей котловины.

Издали развалины кажутся мощным древним укреплением. Это впечатление усиливает высота надпойменных террас с гребнями стен и ба-

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 122—124, рис. 64.

[2] П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. В сб.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 182—183, рис. 20.

[3] П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 году. Андижан, 1904. Рукопись хранится в Центральной научной библиотеке АН Киргиз. ССР.

[4] В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 118; Н. А. Аристов. Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргизы, ч. I—II. СПб., 1893. Архив ГО СССР, инв. № р. 65, стр. 504—505.

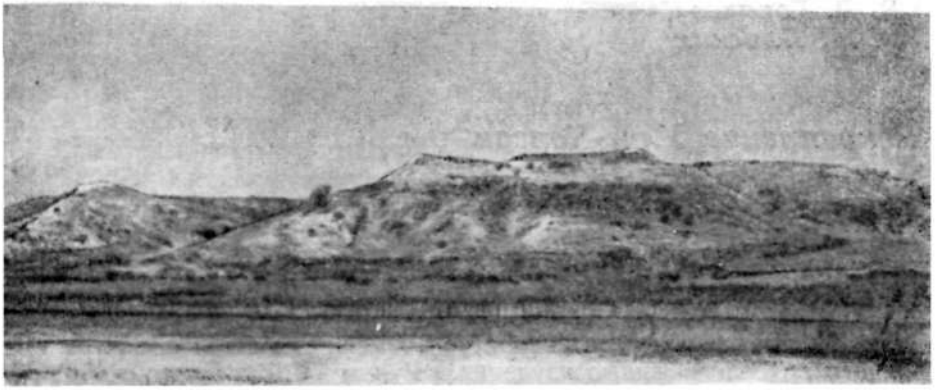

Рис. 1. Общий вид укрепления.

шен над сплошной пущей камышей и садов. Однако при посещении крепости становится очевидной ее «молодость». Строительство крепости на новом необжитом месте в долине, издревле обетованной оседло-земледельческими племенами, — факт, если не исключительный, то довольно редкий в фортификационной практике Средней Азии позднефеодального времени[1] (рис. 1).

На настоящем этапе микрорельеф крепости читается довольно хорошо. В плане она представляет собой неправильный четырехугольник, ориентированный углами по странам света (рис. 2). Юго-западная и юго-восточная стены образуют тупой угол, причем последняя дважды прерывается проходящими вовнутрь логами. Протяженность северо-западной стены 205 *м*, северо- и юго-восточной — по 130 *м*, юго-западной — 185 *м*. Стены глинобитные, выложены блоками пахсы различной величины. Толщина их незначительна — до 1,8 *м* в основании с постепенным утонением вверх. Судя по оплывам, высота едва ли превышала 4—5 *м*. Для замеса пахсы использовалась материковая глина из окружающего рва[2].

[1] Как правило, туркменские (хивинские), узбекские (бухарские, кокандские), таджикские укрепления строились или восстанавливались из руин средневековых крепостей, сохраняя в своей основе старинную планировку, иногда использовалась цитадель древнего города. Об этом см.: Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, стр. 443 и сл.: А. А. Росляков. Основные черты туркменской фортификации XVIII—XIX вв. В сб.: Исследования по истории культуры народов Востока. М.—Л., 1960, стр. 222—226; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 312 и сл.: М. Е. Массон. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. Тр. ЮТАКЭ, т. XIII. Ашхабад, 1966; С. Марафиев. Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1967, стр. 4—8, и др.

[2] Нам кажется. А. А. Росляков справедливо отмечает, что для туркменских крепостей XVIII—XIX вв. вряд ли ров «специально сооружался в качестве препятствия, скорее это углубление просто образовалось при выемке земли для постройки стены» (см.: А. А. Росляков. Основные черты туркменской фортификации..., стр. 222).

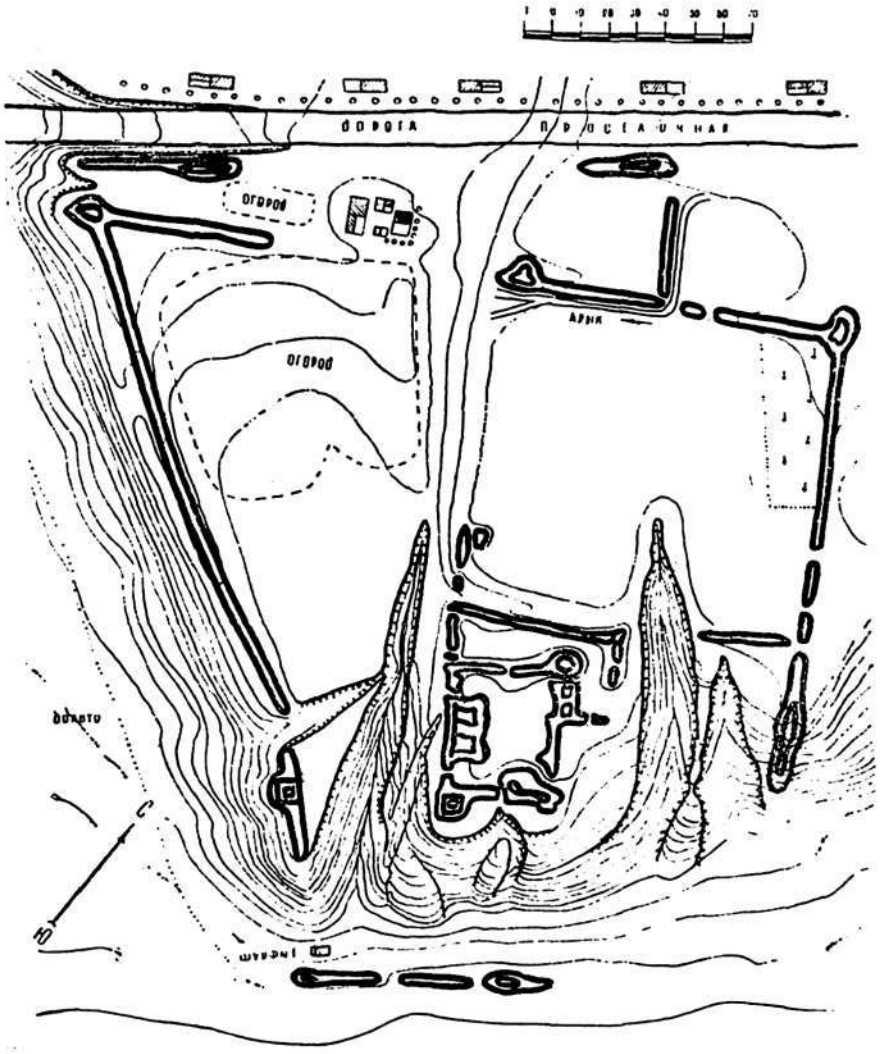

Рис. 2. План крепости Улуг-Коргон.

Менее мощные стены в качестве дополнительного укрепления проходили со стороны въездов в крепость — с северо-запада, через ворота с предвратными сооружениями типа башенок, и с юго-востока. Со стороны р. Чичкан попасть в крепость можно было по отлогой террасе, где до настоящего времени бьют ключи. Оплывы дополнительных стен с

северо-запада сохранились в виде Г-образной пристройки, примыкающей к основному укреплению на участке в 15—20 *м*. С юго-востока дополнительная стена проходит у подножья террасы и также примыкает к углам крепости, ограждая тем самым и источники с питьевой водой.

Западный, северный и восточный углы крепости фланкированы далеко выступающими за линию стен башнями. Южная башня встроена в толщу юго-западной стены на расстоянии 10 *м* от угла, выступает за ее линию всего на 2 *м*. Раскопки западной стены выявили овальный, близкий к кругу, план с внутренним диаметром 3,7—3,5 *м*, толщина стен 1,1 *м*. Стены сохранились на высоту 1,3 *м* от глинобитного пола, поэтому никаких элементов башенной фортификации (ниш, бойниц, парапетов и др.) зафиксировано не было.

Башня сложена из пахсовых блоков без скрепляющего раствора. Размеры блоков: 40—45×30×? *см*, 50×40×? *см*, 60×50×? *см*. Башня несколько сужалась вовнутрь и, видимо, имела плоское перекрытие, хотя следов его не отмечено. С внутренней частью крепости она соединялась коридором-проходом шириной 1 *м*. По конструкции башня идентична, например, с башнями крепости Чолок-Коргон на Тянь-Шане. При раскопках выявлено два уровня глинобитных полов с зольниками и немногочисленные находки фрагментов совершенно невыразительной глиняной посуды и костей животных.

Прежде чем перейти к характеристике внутренней крепостной планировки, проанализируем фортификационные особенности сооружения. Казалось бы, что столь малая толщина стен и башен делает крепость легко уязвимой, однако это не так. Сами по себе пахсовые блоки даже при толщине менее двух метров в эпоху позднего феодализма были малопробиваемыми для стенобитных механизмов. На прочность пахсы как «факт первостепенной важности» при взятии некоторых крепостей Средней Азии указывало в свое время командование царской армии[1]. С другой стороны, основная оборонительная нагрузка приходилась на башни. Это было свойственно даже некоторым древним крепостям[2] и характерно для данного укрепления. Не менее важным оборонительным устройством являлись дополнительные стены-барьеры на подступах к крепости со стороны въездов[3].

Но в рассматриваемом случае толщина стен, незначительная по сравнению с толщиной других подобных сооружений, не имела, вероят-

---

[1] С. Марафиев. Крепостные сооружения..., стр. 9.

[2] Г. А. Кошеленко. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, стр. 63.

[3] Такие искусственные препятствия широко практиковались в средневековом оборонном зодчестве, в частности, в Хорезмских укреплениях XI—XII вв. Наличие стен-барьеров в качестве элемента фортификации Б. А. Литвинский отметил уже для рабовладельческого периода в крепостных сооружениях Таджикистана. Редко, но все-таки встречаются подобные устройства в крепостях Туркмении нового времени. См.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 169; Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. 37. Душанбе, 1956, стр. 81; В. Л. Воронин. Из истории Среднеазиатской фортификации. СА, 1964, № 2, стр. 46—47; А. А. Росляков. Основные черты туркменской фортификации..., стр. 222.

но, важного оборонительного значения. Горные перевалы сами по себе были труднопреодолимыми препятствиями для артиллерии, поэтому крепость возводилась, по-видимому, как оборонительное средство не столько от внешнего врага (к примеру, бухарской армии или царских войск), сколько от местного населения. Усиливающаяся феодальная киргизская знать, все более проявляя свою эксплуататорскую сущность, нуждалась в надежных оградительных стенах на случай междоусобиц или волнений скотоводов-кочевников.

В Кетмень-Тюбинской крепости своеобразна система защиты ворот — этого наиболее уязвимого места. Так, если неприятель появлялся со стороны плато, то отразить его нападки можно было за пределами крепости. Если же он подступал со стороны рек, например, Узун-Ахмат, или Нарынского ущелья, то ему приходилось преодолевать пандус под обстрелом с башен[1]. Такой прием обороны и само устройство пандусов вдоль стен широко практиковались еще парфянами, а также другими народами Средней Азии, в том числе осевшими тюрками в Фергане, которым принадлежит укрепленное поселение Узгенд с прекрасно развитой системой фортификации.

Вероятно, при строительстве Кетмень-Тюбинской крепости широко использовались многовековые среднеазиатские традиции, прослеживается также преемственность местной позднесредневековой крепостной архитектуры.

Во внутренней планировке крепости не видно следов систематической застройки. Две трети территории совершенно не имеют культурного слоя, не считая оплывов невысоких стен-перегородок различных хозяйственных служб. Обжитой представляется внутренняя цитадель. Расположенная в юго-восточной части крепости, она образует с ней единый внешний контур и в свою очередь имеет собственное укрепление в виде стен с угловыми башнями и П-образным входом с северо-запада. В плане внутренняя цитадель почти квадратная — 50×45 *м*, но дополнительная стена-барьер делает ее прямоугольной.

Как и внешнее кольцо стен, внутренняя ограда сложена из пахсовых блоков без связующего раствора. Толщина стен в основании 1,2 *м*. Башенки цитадели даже в оплывах имеют сильно вытянутый по диагонали овал плана. Разрез южной башенки выявил двухъярусную конструкцию, в перекрытии нижнего яруса которой были употреблены арчовые бревна и доски. Пролет башни не превышал 3,5—4 *м*. Он устанавливается приблизительно, так как с подветренных сторон — юго-западной и южной — стена не сохранилась. С восточной же стороны она зафиксирована лишь на высоту 20 *см*. Своеобразна конструкция стен: плотный глинобитный футляр с толщиной стенок 15 *см* забутован строительным мусором; общая толщина стен 0,85 *м*. Пол в башне вымощен камнем. Керамического материала не найдено. Судя по сохра-

[1] См.: Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 34; В. Л. Воронин. Из истории Среднеазиатской фортификации, стр. 49—50; В. Д. Горячева. Археолого-топографическое изучение древнего Узгена. В сб.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, стр. 550—552.

нившимся остаткам, башня сооружалась не одновременно со всей крепостью, а позже, поэтому был использован строительный мусор, в частности, глина, содержащая угольки.

Пространство цитадели вдоль юго-западной и юго-восточной стен было занято глинобитными постройками, оплывы которых дают прямоугольные и квадратные в плане помещения, расположенные анфиладой. У юго-восточного фаса их насчитывается три, вдоль юго-западной стены — четыре. С внешней северо-восточной стороны к цитадели примыкали еще три помещения. Для выяснения назначения их и стратиграфии культурных напластований было зачищено два средних помещения у юго-западной стены, а также заложен шурф, размером 2,5×2 *м* в западном секторе двора. В результате были выявлены остатки хозяйственной ямы и завал стены. Материалов, датирующих комплекс, не получено.

При раскопках помещений были обнаружены следы ремонтов и переделок стен, что свидетельствует об относительно длительном их функционировании. Оба помещения имели два четко выраженных строительных горизонта. Однако мизерное количество найденных фрагментов посуды не позволяет говорить о времени их возведения и тем более переделки.

Помещение 1 было жилым. Размеры его: 5,6×3,5 *м*, при сохранившейся высоте стен 1,2 *м* от репера. Все стены глинобитные, толщина их 1,15 и 0,9 *м*, заметны следы саманно-глиняной обмазки. Вдоль юго-восточной стены от прохода, ведущего в расположенное южнее помещение, суфа длиной 3,9 *м*, шириной 1,2 *м* и высотой 0,3 *м* от нижнего уровня пола. Проход имеет ширину 0,75 *м*. В северном углу помещения зачищена хозяйственная яма площадью 1 *кв. м*, глубиной 0,6 *м*. В ее рыхлом заполнении обнаружено большое количество косточек птиц, животных, угольков, кусочков истлевшего дерева, а также свинцовая шаровидная пулька.

Помещение 2 квадратное в плане, со сторонами по 5,8 *м*. Толщина стен: внешней — 1,15 *м* в основании, трех других — 0,9—1 *м*. Сохранилась глиняная обмазка толщиной в 1 *см*. Первоначально оба помещения сообщались, но позднее проход, обозначенный в стене на расстоянии 0,95 *м* от южного угла, был заложен гуваляком—сырцом.

Во внешней юго-западной стене помещения ниша, высота которой превышала метровую отметку от пола. Ширина ниши 0,9 *м*, глубина 0,6 *м*, расположена не по центру помещения, а сдвинута на 1 *м* к югу. В западном углу к стенам примыкает трехступенчатое глинобитное возвышение длиной 1,1 *м*, шириной 0,6 *м* и высотой 0,55 *м*. Наличие в юго-западной (кибловой) стене ниши (михрабной) и возвышения (для муккабира или муллы) позволяет считать это помещение мечетью. Оно самое большое среди построек крепости. Перекрытие, как и у подавляющего большинства культовых сооружений того времени, видимо, было плоским (рис. 3, 4, 5).

Таково внутреннее устройство Кетмень-Тюбинской крепости, функционировавшей, по всей вероятности, не менее столетия. По историче-

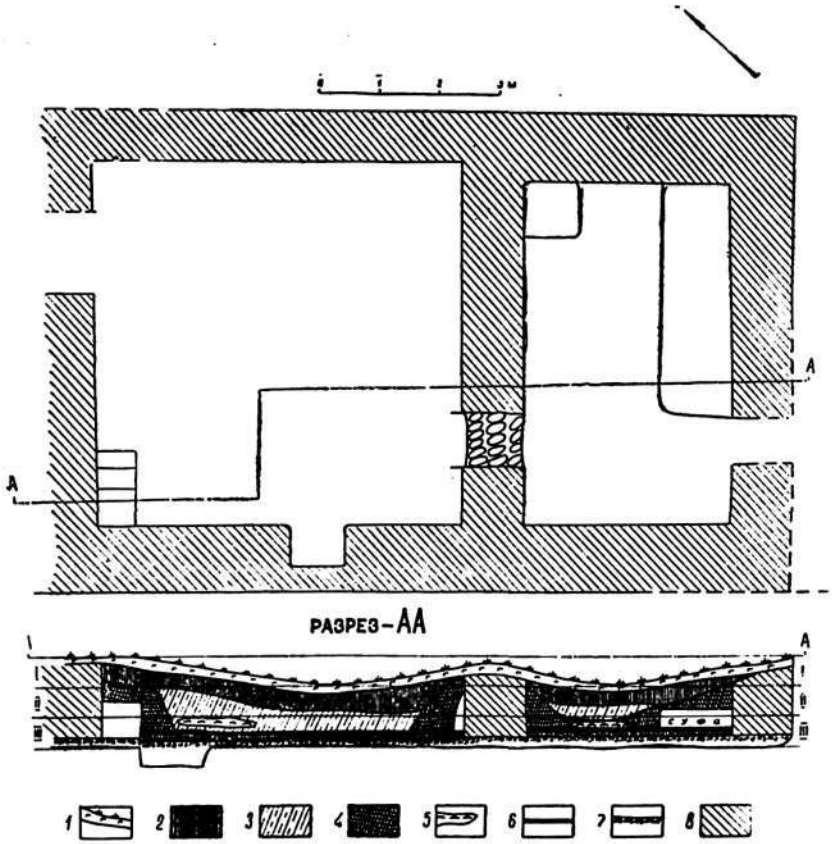

Рис. 3. План и разрез помещений 2 и 3.

ским источникам известна точная дата начала колонизации котловины Кокандским ханством — 1819/20 г.[1] Кокандцы возвели здесь свое укрепление во времена правления Мадали-хана, т. е. где-то после 1822 г., но с присоединением Кетмень-Тюбе к России в 1865 г. крепость утратила свое назначение. Следовательно, как укрепление она функционировала менее полувека. Однако косвенные данные указывают на то, что крепость существовала еще до прихода кокандцев, которым приходилось ее осаждать, что не противоречит нашим предположениям.

Крепость служила, очевидно, резиденцией представителя знатного родо-племенного подразделения. Мирза Каландар называет имя одного

[1] См. статью в настоящем сборнике: В. Я. Галицкий, В. М. Плоских, К. И. Антипина. Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX — начала XX вв.

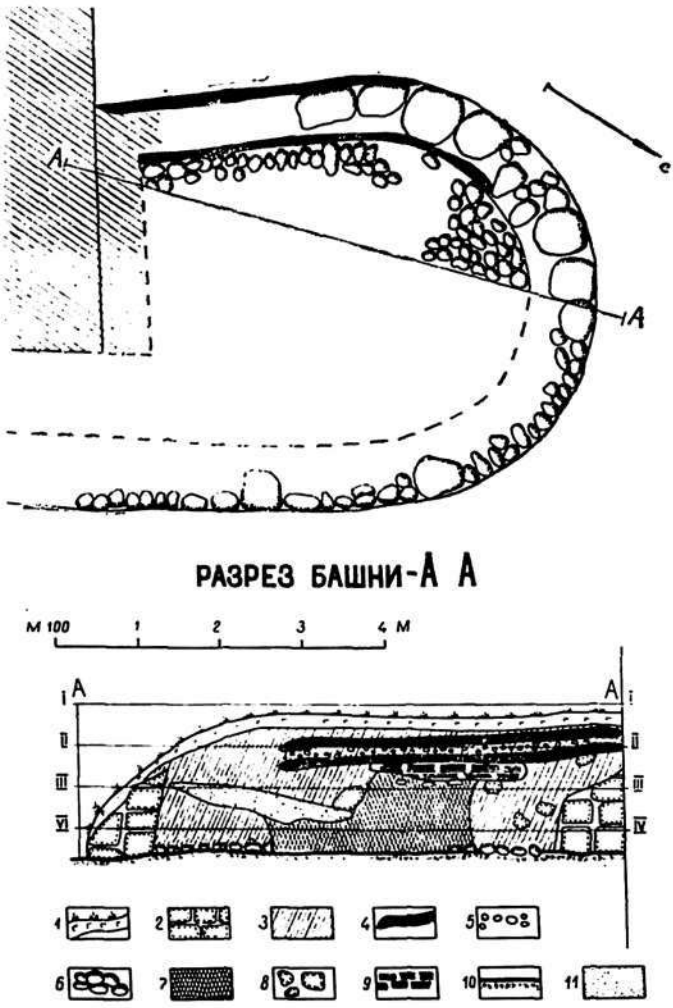

Рис. 4. План и разрез угловой башни.

из них — Сатыке[1]. Кстати, он отмечен и в генеалогической таблице саякского племени, составленной Я. Р. Винниковым[2].

О строительстве киргизских крепостей еще до кокандской колонизации имеются сведения и для других районов Киргизии. Так, талас-

[1] Перевод извлечений из «Шах-наме» («Тарих-и Омар-хани») Мирзы Каландара Муширифа Исфараги. МИКК, вып. I. М., 1973, стр. 228.

[2] Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Тр. КАЭЭ, т. I. М., 1956, стр. 147, табл. 3.

ский манап Садыр, решивший в свое время сделаться главой таласских киргизов, построил в XVIII в. крепость и провел ниже р. Баутерек арык[1]. Он использовал его для орошения полей 40 хозяйств скотоводов-юрто-владельцев (следовательно, земледельцев).

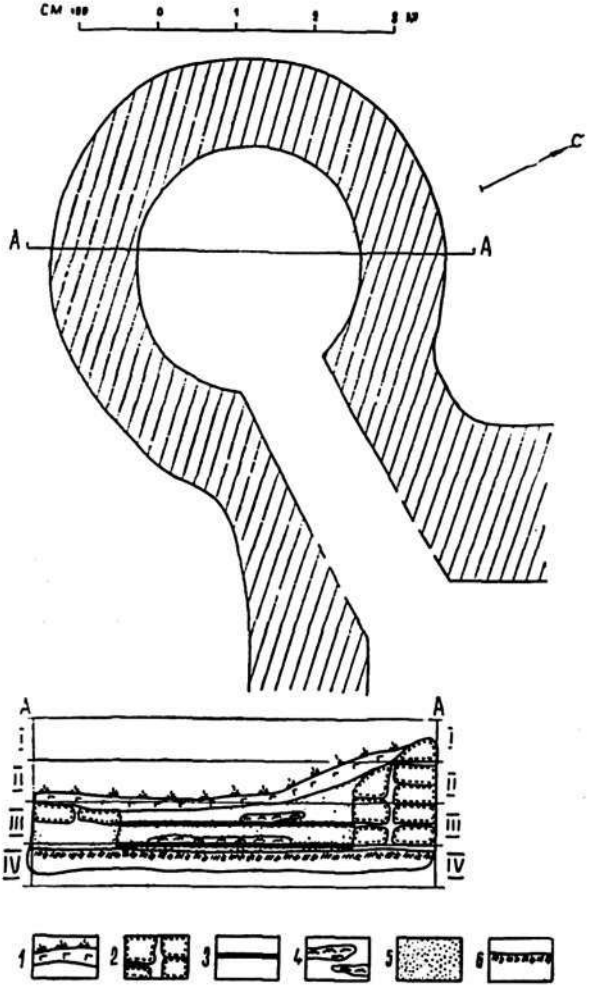

Рис. 5. План и разрез угловой башни цитадели.

[1] В. В. Калаур. Рассказ о четырех братьях Тюряалибековых (Д. Бакбасарова со слов С. Атансарова). ПТКЛА, год 8-й. Ташкент, 1903, стр. 34.

По местным преданиям, возникновение Пишпека (Пишкека) относится к концу XVIII в., т. е. ко времени еще до кокандской колонизации[1]. Однако после 1825 г. на этом же месте было воздвигнуто крупное кокандское укрепление. Подобные крепости известны и на территории Туркменистана.

По-видимому, киргизская крепость Улуг-Коргон на р. Узун-Ахмат была единственным (не считая мазаров и мелких укреплений) значительным сооружением на территории Кетмень-Тюбинской котловины. Отсутствие оседлых поселений является несомненным доказательством регресса общественной жизни в позднефеодальное время по сравнению с развитым средневековьем. К XVIII—XIX вв. здесь от многочисленных селений и городов средневековья остались лишь развалины в виде городищ и отдельных тепе. Вместе с тем налицо живучесть строительных традиций. Так, в многочисленных киргизских мазарах, глинобитных мелких крепостных сооружениях, по мнению А. Н. Бернштама, «сказывается прямая преемственность от древних, доисламских, во всяком случае домонгольских архитектурных форм»[2].

Расположенная вблизи перевала и контролировавшая выходы из ущелий, она занимала довольно выгодное стратегическое и политическое положение в котловине, играя немалую экономическую роль в жизни кочевого и полукочевого населения Кетмень-Тюбе.

Кокандцы превратили крепость в оплот ханско-феодального гнета над местным киргизским населением. Это было одно, но крепкое звено в цепи укреплений и крепостей, возведенных кокандцами на территории киргизских кочевий. Восстановив Кетмень-Тюбинскую крепость, кокандские ханы оставили в ней постоянный гарнизон — до 100 солдат-сипаев и сарбазов[3]. Это позволяло им удерживать в подчинении кочевавших по долине киргизов, собирать с них зякет и другие налоги, взимать пошлины с транзитных торговых караванов.

Таким образом, раскопки и изучение материалов Кетмень-Тюбинской крепости позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Крепость была сооружена киргизами в XVIII в. До кокандской колонизации она функционировала как родо-племенное укрепление, а также как зимняя ставка кетмень-тюбинского правителя-феодала.

2. Возведенная на новом месте, крепость не имеет под собой пластов раннесредневековых поселений, но содержит элементы преемственности в архитектурном и фортификационном плане от более ранних подобных сооружений Киргизии.

3. С завоеванием долины Кокандским ханством старая киргизская крепость расширяется и укрепляется, приобретая законченность форм, характерную для подобных пограничных крепостей Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств.

---

[1] И. Земляницын. Исторический очерк Семипалатинска и его торговля. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, 1876, стр. 85.
[2] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 122.
[3] П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 г..., стр. 64.

4. Если до кокандского владычества крепость служила ставкой киргизского феодала-родоправителя господствующего племени саяков, то со времени кокандской колонизации она выполняла роль военного укрепления, гарнизон которого служил орудием эксплуатации и национального угнетения местного киргизского населения.

5. Крепость перестала функционировать с вхождением Кетмень-Тюбинской долины в состав России.

В. Я. Галицкий, В. М. Плоских,
К. И. Антипина

Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX—начала XX веков

История Кетмень-Тюбинской долины является неотъемлемой частью общей истории Киргизии, но, естественно, имеет и свои локальные особенности. Специально предметом исследования история Кетмень-Тюбе не выступала, однако в трудах известных киргизских ученых — академиков Б. Джамгерчинова и С. И. Ильясова, чл.-корр. А. Х. Хасанова, докторов историч. наук К. У. Усенбаева и А. А. Чукубаева и других даны основные направления и периодизация истории Киргизии XIX — начала XX вв., содержатся также конкретные факты из истории долины.

Предлагаемый очерк написан на основе сводных данных литературных источников с привлечением архивных материалов и частично сведений информаторов — старожилов Кетмень-Тюбе. Авторы пытались показать последний дореволюционный этап исторического развития долины.

Очень интересна и богата событиями позднесредневековая история Кетмень-Тюбе. Однако в специальной литературе этот период освещен слабо, скудны источники, особенно для XVI—XVIII вв. Одно из первых исторически достоверных упоминаний о позднесредневековом Кетмень-Тюбе встречается на страницах «Удивительных событий» (XVI в.) Зайн ад-Дин Васифи при описании борьбы киргизов и казахов с могольскими ханами[1]. Сам автор, принимая непосредственное участие в походе против киргизов и казахов, дошел до берегов Иссык-Куля. Он, видимо, побывал и в долине Кетмень-Тюбе. Во всяком случае, им оставлено описание мазара чахарбаг Узун-Ахмада[2], его в числе других святынь по-

[1] Автор витиевато в духе восточных придворных хроник характеризует «бунтовщиков» казахов (по другим источникам они выступали в союзе с киргизами), которые, «уповая на избыточность (своей) численности и обилие мощи и могущества, и на неприступность высот гор и возвышенностей холмов, поставили ногу в круг мятежа и непокорности и высунули голову из ворота смуты и беспорядка, и почли пресечение дыхания мусульман безнаказанным и разграбление их имущества удобным». (Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечение из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969, стр. 172—184, примеч. 20 на стр. 518).

[2] Вот эти строки: «В том месте (по дороге из Таласа в горы.—*авт.*) группа из мулазимов счастливого знамени прибыла в тенистый чахарбаг Узун-Ахмада, и это — благословенный сад, от (зависти к) которому на сердце Ирама (мифический райский сад—*авт.*)—рана, и прохлада которого, подобно лику изящных красавиц, и воздух которого подобен кокетливым взглядам пленительных возлюбленных» (Материалы по истории казахских ханств..., стр. 180).

сетил перед походом против киргизов Абд ар-Рашид-хан. А. Н. Болдырев — исследователь творчества Зайн ад-Дина Васифи, не без основания локализует мазар на реке Узун-Ахмат в долине Кетмень Тюбе[1]. Таким образом, уже в источниках XVI в. встречаются сообщения о борьбе киргизских племен с узбекскими и могольскими ханами. Упоминание о «райском саде» на берегу Узун-Ахмата следует, очевидно, отнести к прибрежным зарослям, хотя не исключено, что при мазаре действительно был сад.

Последующие исторические известия о Кетмень-Тюбе и его населении относятся уже к XVIII в. Так, территория Кетмень-Тюбинской котловины обозначена на калмакской карте, составленной в Джунгарии пленным шведом Ренатом в 1733 г.[2] На ней отмечены ставки кочевников и вдоль северного склона гор, окружающих долину. Здесь кочевали киргизы, против которых в 1732 г. совершил один из своих разорительных походов джунгарский правитель Галдан-Цэрэн[3].

Прекрасные пастбища и особенности ландшафта нижнего Нарына и Джаман-Давана, которые по своей «труднодоступности могли служить лучшим убежищем для частей вытеснявшихся из Тянь-Шаня один за другим народов»[4], привлекали кочевников в Кетмень-Тюбе.

Сама местность — высокогорная котловина в обрамлении цепи хребтов с открытыми только в летние месяцы перевалами — служила как бы естественной крепостью, помогающей киргизам отражать набеги и захватнические походы врагов.

Более того, фольклорные материалы сохранили сведения об активной политической деятельности одного из чоринских феодалов XVIII в. Жамболота, кочевавшего по правобережью Нарына, не минуя, таким образом, и Кетмень-Тюбе. Он совершал неоднократные набеги на территорию Ферганы, Таласской долины и бассейна р. Или, захватывал и уводил с собой пленников, которые впоследствии сложились в небольшие роды, сумевшие сохранить свое самоназвание или память об этническом происхождении в течение двух столетий[5].

---

[1] См.: Зайн ад-Дин Васифи. Бадай ал-вакай. Критич. текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. М., 1961, стр. 346, примеч. 349.

[2] См.: А. Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. «Записки РГО по общей географии», т. XI, 1888, стр. 105—145.

[3] «Около 1732 г. они (джунгары. — *авт.*) попали на Китмян Дубя, в вершинах Сыр-Дарьи, где владельцем Мингли-Байби» (см.: Г. Н. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1868, кн. 2 (апрель—июнь), отд. «Смесь», стр. 5, 24—25).

[4] Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», вып. III и IV. СПб., 1894, стр. 442.

[5] С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции, т. IV. М., 1960, стр. 43; Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии Тр. Киргиз.

В источниках имеются сведения о безуспешных попытках кокандских ханов покорить свободолюбивых горцев в XVIII — начале XIX вв. То было время феодальных усобиц и беспощадных войн, губительных раздоров, в результате которых страдали все народы Средней Азии. Однако во второй половине XVIII в. киргизы сумели сохранить свою независимость.

В конце XVIII в. правитель Коканда Нарбута-бий (1770 — около 1798/99 гг.) организовал поход против киргизов Кетмень-Тюбе. Но «хотя он прилагал все свои благородные усилия и всю мощь своего мужества, — сокрушался льстивый придворный историк хана Омара Мирза Каландар Мушриф Исфараги, — победы над ними одержать не смог»[1]. И после этого при ханском дворе безуспешно вынашивались планы покорения вольнолюбивых кетмень-тюбинских киргизов[2].

Не успокоился и его преемник — Алим-хан (1799—1810 гг.), он приказал своему военачальнику Идрис-Кул-бию подчинить непокорных киргизов. Последний неоднократно обращался к своим приближенным и вездесущим купцам за советом, как захватить этот горный край и поработить независимых кетмень-тюбинцев[3]. В 1819/20 г. Омар-хан (1810—1822) вновь обсуждает вопрос о захвате Кетмень-Тюбе.

Кокандское ханство в зените своего могущества. Его границы расширились далеко на север и восток. Самонадеянность хана усилилась в связи с только что успешно проведенной карательной экспедицией против казахов Туркестана и Сузака. Но и предводитель кетмень-тюбинских киргизов Сатыке отнюдь не желал покоряться, а, наоборот, сам неоднократно совершал набеги на кокандцев.

Для похода Омар-хан на этот раз выбрал зимнее время, «когда киргизы наименее подвижны и наименее способны как к защите, так и к нападению»[4]. Его полководец Сейид-Кулибек отправился с конным отрядом в горы. Минуя перевал, они ночью напали на киргизское укрепление. Застигнутые врасплох, кетмень-тюбинцы бежали. «Произведя страшные грабежи в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных, Сейид-Кулибек с триумфом вернулся в Коканд»[5]. Так прекратилось существование одного из немногих киргизских укреплений, которое в значительной мере сдерживало натиск кокандских феодалов на Кетмень-Тюбинскую долину в течение почти трех десятилетий. С захватом Кетмень-Тюбе для кокандских феодалов открылся путь в Таласскую долину и далее — в Чуйскую долину и Прииссыккулье.

археол.-этногр. экспедиции, т. 1. М., 1956, стр. 147. В бассейне одной из кетмень-тюбинских речек — Торкен — наряду с подразделениями киргизов кайдулат, качканак и шыкмамат кочевали группы могол (монгол), некогда возглавлявших политические объединения на Тянь-Шане и составлявших здесь более 60% населения. (Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов..., стр. 147).

1 Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. М., 1973, стр. 227.

2 Там же.

3 Там же, стр. 227.

4 В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 118.

5 Там же.

Установление господства Кокандского ханства над Кетмень-Тюбинской долиной и другими районами Киргизии было связано с экспансией этого феодально-деспотического среднеазиатского государства в сопредельных с ним районах, главным образом на северо-востоке, населенных преимущественно скотоводами-кочевниками и полукочевниками. Завоевание новых территорий представляло ханам большие выгоды как политического, так и экономического характера. Возрастала численность подневольного населения; за счет постоянных налогов и многочисленных поборов, массового ограбления трудового народа, особенно во время военных походов, пополнялись ханская казна и карманы кокандских феодалов. Немалую роль при этом сыграло стремление кокандцев захватить торговые пути в Кашгарию и далее на Восток и обеспечить их безопасность. К тому же сама Киргизия имела важное значение как рынок выгодной реализации товаров кокандских купцов и как источник дешевых продуктов скотоводства, в которых нуждалось городское население ханства[1].

При Мадали-хане (начало его правления относится к 1822 г.) — сыне Омар-хана, кокандцы возвели свою крепость Улуг-Коргон (Кетмень-Тюбе), стратегически господствующую над окрестностью (на месте киргизской крепости или с частичным использованием ее фортификации, а выше по р. Узун-Ахмат и на р. Чичкан — более мелкие укрепления. Последние вместе с крепостью Улуг-Коргон составляли одно из звеньев в цепи кокандских крепостей и укреплений на территории Киргизии, возводимых ханами по мере колонизации новых районов. При Кетмень-Тюбинской крепости постоянно находился гарнизон — 100 солдат[2]. Перекрывая перевалы и устанавливая контроль над пашнями в долине, кокандские поработители удерживали в своем подчинении киргизских скотоводов. Они взимали с них всевозможные налоги, а с проходящих через долину караванов и разъездных торговцев — пошлины. Особенно тяжкими были призывы мужчин в ханское ополчение, связанные с обязанностью отстаивать чуждые киргизам интересы хана.

Назначенный ханом наместник постоянно жил в крепости, но фактически власть над киргизами Кетмень-Тюбе принадлежала не ему, а родоправителям-манапам. Однако, по преданиям, «киргизы не особенно подчинялись хану, и среди них всегда были волнения»[3].

Заслуживает внимания сообщение муллы Нийаз Мухаммеда об участии кетмень-тюбинских киргизов в политических событиях в ханстве 1860—1862 гг.[4]. В то время царская Россия активно распростра-

---

[1] Б. Джамгерчинов. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.

[2] П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 году. Андижан, 1904, стр. 56, 64. (Рукопись в б-ке АН Киргиз. ССР).

[3] П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 году, стр. 65.

[4] В. В. Бартольд. Извлечение из «Тарих-и Шахрухи». Соч., т. II, ч. 2. М., 1964. стр. 350—358; В. А. Ромодин. Перевод извлечений из «Тарих-и Шахрухи» Муллы Нийаз-Мухаммеда Хоканди. В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии, стр. 233—237.

няла свою власть на юг Семиречья, заняв ряд кокандских укреплений. Правитель Ташкента Канаат-Шах сообщил хану о приближении русских войск и запросил помощи. Малля-хан направил к нему датху Алымбека, приказав одному отряду двигаться через крепость Куртку с тем, чтобы собрать киргизское ополчение, а другому — идти нужным путем через Чимкент. Силою собрав 12 тыс. «людей Андижана и киргизов Куртки, Кетмень-Тюбе», Алымбек соединился с войсками Канаат-Шаха в местности Бикет (между Кастеком и Алматами). Однако будучи в тайной оппозиции по отношению к Малля-хану, Алымбек под предлогом недовольства тем, что его не назначили главнокомандующим, не принял участия в боях против русских войск и увел с собой в горы киргизскую конницу.

Кокандский хронист сокрушался по поводу того, что Алымбек «забрал андижанское войско и киргизов, удалился с ними в сторону, а дело битвы и все, что влечет за собой честь или позор, оставил Канаат-Шаху[1]. Впоследствии, обвиненный ханом в измене, Алымбек бежал на Алай и затем в верховья Нарына, чтобы поднять окрестных киргизов против Коканда. Кетмень-тюбинцы примкнули к восставшим[2]. Намереваясь стать правителем киргизов Центрального Тянь-Шаня, он вступил в сношение с русскими (кстати, западно-сибирским властям было заранее дано распоряжение о положительном ответе на просьбы киргизов о покровительстве). Но вскоре Алымбек вновь оказался в водовороте придворных интриг в Коканде, приведших к свержению Малля-хана в 1862 г.

Надо полагать, немалую роль в пассивности Алымбека во время похода против русских войск в Семиречье и его нежелании вступить в сражение с ними сыграло и благожелательное отношение кетмень-тюбинских киргизов к России. К этому времени иссык-кульские киргизы уже приняли российское подданство, с просьбой о присоединении к России обращались к русским властям в Западной Сибири и чуйские киргизы[3].

Вражда из-за пастбищ между кетмень-тюбинскими и чуйскими манапами, а также постепенное утверждение России в Зачуйском крае ускорили вхождение Кетмень-Тюбе в состав Российского государства. Так, уже во время рекогносцировочного похода отряда А. И. Бутакова весною 1864 г. в Чуйскую долину к нему прибыл наряду с другими манапами, выразившими свои добрососедские чувства, также сын манапа Рыскулбека — Осмон[4]. Кетмень-тюбинцы поняли, что принятие русского подданства избавит их от власти кокандского хана и притеснений со стороны соседей.

Силы и влияние в крае кокандцев, вынужденных под напором царских войск и из-за неоднократных антиханских восстаний киргизов оставлять свои крепости и укрепления, ослабевали.

---

[1] Материалы по истории киргизов и Киргизии, стр. 236.
[2] Б. Джамгерчинов. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1966, стр. 182—183.
[3] Там же, стр. 139—140.
[4] Там же, стр. 28.

В декабре 1864 г. манап Рыскулбек обратился к генералу М. Г. Черняеву с просьбой о принятии в подданство его с 10 тысячами юрт подвластных ему киргизов-саяков, которые кочевали между Андижаном и Кетмень-Тюбе: «Места на Кетмень-Тюбе, — писал Рыскулбеков, — с давнего времени принадлежат мне, и я оттуда никуда не укочую. Сарыбагыши и солто уже два года делают мне притеснения и, если Вы пришлете мне письмо Ваше, то они не посмеют больше притеснять меня»[1]. Генерал М. Г. Черняев направил это обращение генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, последний — военному министру России — Милютину[2]. 18 марта 1865 г. тот в свою очередь писал Дюгамелю о «соизволении» царя Александра II на принятие в подданство манапа Рыскулбека с киргизами из Кетмень-Тюбе[3]. Рыскулбек отправил в крепость Токмак своего сына Диканбая, который и провел через горные перевалы русский отряд в Кетмень-Тюбе[4].

Господству Кокандского ханства над Кетмень-Тюбинским краем приходил конец. Кетмень-тюбинцы первыми в Южной Киргизии приняли русское подданство[5]. Правда, это не избавило простой народ от гнета. Однако в целом вхождение Киргизии в состав России явилось знаменательным событием в истории края, оно оказало положительное влияние на ряд сторон жизни и быта киргизов, на развитие их хозяйства и культуры[6].

Добровольное вхождение Киргизии в состав России явилось выражением неодолимого стремления трудовых масс киргизского народа к установлению прочных дружественных связей с русским и другими народами России. Оно было исторической необходимостью на пути развития в прошлом отсталого и бесправного киргизского народа[7].

С вхождением в состав России территория Кетмень-Тюбе была преобразована в одноименную волость. В 1867 г., с организацией Токмакского (впоследствии Пишпекского) уезда, она была включена в его

---

[1] А. Серебренников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1864, ч. II. Ташкент, 1914, стр. 278.

[2] Б. Джамгерчинов. Добровольное вхождение Киргизии..., стр. 258—259.

[3] А. Хасанов. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX в. Фрунзе, 1961, стр. 39.

[4] П. Ф. Резник. Кетмен.-Тюбе в 1899 году, стр. 66.

[5] После поражения Кокандского восстания 1873 года несколько тысяч киргизов перекочевали в Кетмень-Тюбе и на Чаткал, «спасаясь от преследований кокандского хана, который немилосердно казнил» повстанцев и грабил их имущество. Здесь им были отведены земельные участки (К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, стр. 78—81).

[6] В частности, после окончательного присоединения нарынских киргизов к России, к 1868 г. было освобождено из рабства более 2 тыс. кибиток (хозяйств, или примерно 10 тыс. человек), в разное время попавших в плен и превращенных в рабов. Было окончательно ликвидировано рабство во всей его неприглядной форме. (Газ. «Туркестанские ведомости», 1874, № 45; Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава..., стр. 442).

[7] Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей Родины. К 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России. Материалы идеологического отдела ЦК Компартии Киргизии. Фрунзе, 1963, стр. 44.

состав. Волостным управителем стал манап Рыскулбек Нарбутин. В 1881 г. от жителей Кетмень-Тюбинской волости было подано прошение туркестанскому генерал-губернатору о передаче волости в ведение Аулие-Атинского или Наманганского уездов[1]. Просьбу свою они мотивировали тем, что Кетмень-Тюбе ближе к уездным центрам Аулие-Ата и Намангану, чем к Пишпеку, а также имеет лучшее сообщение с Таласом и Ферганой. Распоряжением краевых властей с начала 1884 г. Кетмень-Тюбинская волость была отнесена к Наманганскому уезду Ферганской области, а 15 марта 1886 г. было получено и формальное «высочайшее» соизволение царя[2].

Позднее, «для удобства управления», а также вследствие непрекращающихся распрей кетмень-тюбинских бай-манапов, от которых страдал трудовой народ, колонизаторские власти решили разделить Кетмень-Тюбинскую волость на Сусамырскую, с границей по р. Нарын, и Кенкол-Карагырскую, причисленные к Андижанскому уезду (1888 г.)[3].

После подавления Андижанского восстания 1898 г. «беспокойная» Сусамырская волость 1 января 1899 г. была передана из Андижанского уезда в Наманганский, а в апреле 1899 г. ферганский военный губернатор «признал полезным» разделить и Сусамырскую волость на две «для усиления и облегчения надзора» за ее населением, выделив из нее новую — Арымскую волость[4], с границей по р. Чичкан.

Так накануне установления Советской власти в этом горном крае оказалось, что компактная территория Кетмень-Тюбинской котловины с этнически однородным киргизским населением была искусственно раздроблена на три волости, входившие в два уезда — Наманганский (Арымская и Сусамырская волости) и Андижанский (Кенкол-Карагырская волость).

Удаленность Кетмень-Тюбинской котловины от городов Ферганы, Таласа и Чуйской долины, куда направлялись основные массы переселенцев из центральных губерний России, а также труднодоступность горных перевалов, явились одной из причин довольно позднего появления здесь русских и украинских крестьян-переселенцев.

Вплоть до XX столетия Кетмень-Тюбинскую котловину миновала волна переселенческого движения[5]. Появление русских переселенцев в Кетмень-Тюбе связано не с официальной колонизацией Киргизии, а с самовольным переселением сюда бедноты из многих районов Туркестана.

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 16, л. 1.
[2] Там же, л. 4.
[3] ЦГА Узб. ССР, ф. 1, л. 11, д. 1770, л. 1—4.
[4] Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1973, стр. 54—58.
[5] См.: «Туркестанские ведомости», 1885 г., № 20 и 21; П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 году. До 1901 г. в Кетмень-Тюбе из русских переселенцев проживали лишь лесник и учитель, да время от времени навещал долину полицейский пристав и другие чиновники.

Несколько первых трудовых крестьянских семей в поисках свободной земли через отроги Таласского хребта спустились в долину в 1901 г. Они обосновались в районе слияния трех рек — Нарын, Узун-Ахмат и Чичкан. Постепенно к ним присоединились и другие переселенцы, основная масса которых прибыла осенью 1908 и весною 1909 гг. То были в основном безземельные крестьяне из различных мест Европейской России, но главным образом из Воронежской и Харьковской губерний[1]. Среди переселенцев были 4 мельника, 4 плотника, 4 охотника, 2 шорника, 2 пильщика, сапожник, кузнец, торговец и фельдшер[2].

Киргизы, зимовки которых находились в долине, уступили русским крестьянам часть своих земель. Впоследствии переселенцам было замежевано 6541 дес. Вскоре в Кетмень-Тюбе был уже свой базар, очень нужный населению[3].

Первопоселенцы поначалу произвольно занимали усадьбы, строили землянки и избы-времянки, затем мало-помалу стали обживаться и, смотря по силам и достатку, возводить дома, возле которых росли хозяйственные постройки по мере обзаведения скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Для орошения усадеб и пахотных земель поселенцы провели первые отводы из киргизских арыков[4].

В 1908 г. самовольческий поселок был зарегистрирован и назван Алексеевкой[5]. Постепенно росло число его жителей. Если в 1907 г. здесь насчитывалось лишь 15 семей (69 человек), то в следующем году — уже 53 семьи (319 человек), а в 1911 г. — 65 семей (460 человек)[6], хозяйственное положение их было самым различным[7]. В 1910 г. намечалось устроить в Кетмень-Тюбе уже 200 переселенческих семей с 700 мужскими душами[8].

---

[1] Так, из Воронежской губернии пришло 16 семейств, Харьковской — 13, Астраханской — 4. Полтавской — 3, Киевской — 2, Саратовской — 2, Самарской — 2, Екатеринославской — 2, Тульской, Симбирской, Курской, Петровской, Ставропольской, Семиреченской и Сыр-Дарьинской — по 1. — Л. И. Несколько слов к вопросу об устройстве в местности Кетмень-Тюбе Наманганского уезда Ферганской области русского поселка. «Туркестанские ведомости», 1910, № 49.

[2] Там же.

[3] Н. Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб., 1911, стр. 159 и сл.

[4] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1803, л. 203.

[5] В «Сведениях и ведомствах о состоянии русских поселков» год образования с. Алексеевки — 1910. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 25, оп. 1, д. 149, л. 5. См. также: Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 год. Ташкент, стр. 77.

[6] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. В кн.: Акад. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, «Наука», стр. 331. В материалах ревизии Туркестанского края К. К. Палена отмечено «около 70 семейств» (см.: К. К. Пален. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910, стр. 231 и др.).

[7] К 1908 г. в этих семьях числилось 28 телег, 20 плугов, 16 борон, 70 лошадей, 2 вола, 30 коров, 30 телок, 11 свиней, 18 баранов и овец, 6 козлов, 5 гусей, 690 кур. На посевы имелось 230 пудов пшеницы, 20 пудов овса, 1,5 пуда льна и 1 пуд гороха. «Туркестанские ведомости», 1910, № 49.

[8] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1903, л. 199.

К 1911 г. это было уже довольно благоустроенное село с хорошо спланированными и обсаженными деревьями улицами, к которым примыкали усадьбы. Налаживались дружеские отношения пришлого населения с коренным, что благотворно сказывалось на развитии их хозяйства, культуры, быта. Добрососедские контакты вели не только к взаимной хозяйственной поддержке, но и к пониманию общности судеб простых людей труда, к пониманию единства интересов в грядущей классовой борьбе киргизской и русской бедноты против социального и национального гнета.

* * *

Основным занятием коренного населения Кетмень-Тюбе в XIX в.[1] продолжало оставаться кочевое и полукочевое экстенсивное скотоводство. Земледелием занимались в небольших размерах полуоседлые хозяйства и немногие осевшие бедняки. Относительное развитие получили различные домашние промыслы и ремесла, базировавшиеся на животноводческом сырье. В целом же хозяйство кетмень-тюбинцев носило натуральный и полунатуральный характер (последнее — преимущественно у полуоседлых земледельцев и тех скотоводов, которые отчасти или эпизодически были связаны с рынком).

Как обособленный район юго-западной Киргизии Кетмень-Тюбе намного уступал в экономическом развитии соседним оседло-земледельческим регионам — Фергане и Таласу, оставаясь по сути их периферийно-скотоводческой базой, для чего здесь имелись довольно благоприятные условия[2]. О направленности, типе и характере, а также средних размерах киргизского животноводческого хозяйства в Кетмень-Тюбе досоветского периода свидетельствуют данные, собранные чиновниками переселенческих органов в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Так, по роду хозяйственных занятий население Кенкол-Карагырской волости являлось преимущественно кочевниками-скотовода-

---

[1] После завоевания Киргизии монгольскими войсками и столь же разорительных походов тимуридов широко распространенное прежде в долине земледелие (свидетельство тому — остатки многих поселений и следы древней ирригации) пришло в упадок. В период господства на Тянь-Шане могольских ханов Кетмень-Тюбе предстает уже как скотоводческий район, хотя еще продолжали функционировать отдельные оседло-земледельческие очаги (Акчий XV—XVI вв.). К их исчезновению привели длительные феодальные усобицы и борьба с внешними завоевателями, особенно джунгарами в XVII — первой половине XVIII вв. Не возродила их и кокандская колонизация. Земледелие, к которому обращались в моменты кризисного состояния скотоводства после джутов и других стихийных бедствий, низвелось к роли простого придатка к скотоводческому хозяйству.

[2] Кетмень-Тюбинская долина — один из наиболее благоприятных районов Нарынского края как по климату, так и по экономическим условиям. Большую роль здесь всегда играла р. Нарын, «связь долины этой реки с Таласом и Чу» — так оценивал ее природно-географические условия один из первых русских исследователей Туркестана А. В. Буняковский. (См.: А. В. Буняковский. Растительность Чирчикской долины и сведения о географических исследованиях в Тянь-Шане летом 1869 г. «Изв. РГО», т. VI, СПб., 1870, стр. 113—115).

ми, хозяйства которых составляли 80,5% всех хозяйств волости[1], а в Сусамырской и Арымской волостях удельный вес кочевого населения был даже выше — 84%[2]. Животноводство являлось основным источником существования населения долины. В Кенкол-Карагырской волости оно приносило 67,5 руб. дохода на каждые 100 руб., полученные в хозяйстве, тогда как земледелие давало лишь 32,5 руб. дохода[3]. В двух других названных киргизских волостях Наманганского уезда соотношение доходных частей бюджета в «среднем» хозяйстве от животноводства и земледелия было более равномерным, составляя соответственно 41 и 38%[4]. А это лишний раз свидетельствует о том, что хозяйство даже большинства кетмень-тюбинских киргизов отнюдь не было «чисто» кочевым, скотоводческим, ибо оно в определенной мере, особенно у полукочевников, являлось комплексным — животноводческо-земледельческим. Совершенно не сеявшие хозяйства составляли всего несколько процентов[5].

Первые статистические сведения о количестве поголовья скота и его структуре в Кетмень-Тюбе относятся к 1869 г. Тогда 1469 хозяйств Кетмень-Тюбинской волости владели 20687 баранами, 3287 лошадьми, 485 верблюдами и 302 головами рогатого скота[6]. По сравнению с XVIII — первой половиной XIX вв. здесь, как и в других районах края, наблюдалась тенденция к увеличению доли рогатого скота — мелкого и крупного — при относительном уменьшении удельного веса лошадей как по поголовью, так и по значению в хозяйстве.

К 1914 г. овцеводство стало уже одной из важнейших отраслей животноводства наряду с коневодством и разведением крупного рогатого скота. Характерно, что богатые скотоводы содержали в большом количестве главным образом промышленный скот — лошадей и овец, а бедные — преимущественно молочные породы: крупный рогатый скот, малопригодный для перекочевок, и неприхотливых дешевых коз[7].

Высокопродуктивный скот не разводили, хотя отдельные экземпляры его встречались в богатых хозяйствах. Овцы содержались в основном грубошерстные и малошерстные, лошади малорослые; крупный рогатый скот — с низкими удоями и незначительным убойным весом. Богатство юртовладельца определялось количеством скота, главным образом овец.

Скотоводство в Кетмень-Тюбе, как и в других районах края, характеризовалось вертикально-кочевой системой его ведения. Перекочевки

---

1 Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд. Ферганская область. Ташкент, 1913, стр. 65.

2 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 648, л. 2. В «среднем» хозяйстве насчитывалось 23 головы домашнего скота. Там же, л. 2.

3 Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд, стр. 44.

4 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 648, л. 2.

5 Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 45.

6 Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III. СПб., 1874, стр. 256—259.

7 Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 36.

велись по строго определенному циклу: с зимовок перемещались на весенние пастбища, затем поднимались в горы на джайлоо (до 3,5 *км*), а с наступлением холодов вновь спускались на осенние пастбища, зимовки были постоянны. Маршруты перекочевок не выходили за пределы волости, а их протяженность зависела, конечно, от состоятельности животновода, однако не превышала 100—150 верст[1]. В этом, в частности, была одна из особенностей местного животноводства.

Лучшими пастбищами считались местности Арым, Чичкан, Ирису, Ортак-Тоо и Сусамыр. У каждого рода имелись свои скотопрогонные пути, свое место на джайлоо. Основным летним выпасом служила обширная Сусамырская долина. Скотоводы из Кетмень-Тюбе встречались там с киргизами из Таласа и Чуйской долины, а также с прикочевывавшими казахами. Мирное соседство скотоводов нередко нарушалось столкновениями из-за спорных границ.

Скотоводческое хозяйство кетмень-тюбинцев имело и свои специфические особенности, обусловленные географическими и природно-климатическими условиями.

Пользование пастбищами носило коллективный, общинно-родовой характер. Оседание киргизов, несмотря на традиционность земледельческих занятий, происходило чрезвычайно медленно. И хотя почти все киргизские хозяйства в Кетмень-Тюбе имели посевы зерновых или кормовых культур (за исключением бедноты, не имевшей никакого скота и лошадей, или наиболее богатых кочевников, пренебрегших земледелием), жилые постройки на зимовьях имели только 1,3% их в Кенкол-Карагырской волости[2] и 3,6% — в Сусамырской и Арымской волостях[3].

В начале XX в. в Кетмень-Тюбинской долине намечаются кое-какие сдвиги в способах содержания скота. В частности, возросли заготовки сена на зиму. Заготовкой кормов для скота в Кенкол-Карагырской волости занимались 2,3% хозяйств[4]. Некоторые середняцкие и зажиточные хозяйства сено закупали в Сусамырской и Арымской волостях, таких хозяйств насчитывалось 4,1%[5]. 15,3% всех хозяйств Кенкол-Карагырской волости[6] и 3,6% хозяйств Сусамырской и Арымской волостей[7] сеяли люцерну. Возводились ограды для мелкого рогатого скота и крытые навесы для лошадей.

Несмотря на традиционный характер скотоводства, в начале XX в. киргизы стали применять и более прогрессивные методы ухода за ско-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 648, л. 2; Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 41.

[2] Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд, стр. 44. Отметим попутно, что процент культурных угодий в общей площади призимовочных территорий составлял здесь всего 3,5%.

[3] Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 41.

[4] Там же. Андижанский уезд, стр. 44.

[5] Там же. Наманганский уезд, стр. 41.

[6] Там же. Андижанский уезд, стр. 44.

[7] Там же. Наманганский уезд, стр. 41.

том, заимствованные у переселенцев. В целом же животноводство в Кетмень-Тюбе все еще носило экстенсивный характер, базируясь в основном на круглогодичном содержании скота на пастбище.

Примерно с середины прошлого столетия в долине начинает возрождаться земледелие. Уже в 1869 г. А. В. Каульбарс зафиксировал в целом ряде мест Кетмень-Тюбинской котловины «киргизские пашни»[1]. К этому же времени относятся и первые статистические данные о земледельческих занятиях кетмень-тюбинских киргизов, собранные русской администрацией. Так, в 1869 г. 1469 хозяйств Кетмень-Тюбинской волости высевали 1258 капов (мешков) пшеницы и 1077 капов проса и собирали 4066 капов пшеницы и 3904 капа проса[2].

В последующие десятилетия — в конце XIX — начале XX вв. — земледелие получило дальнейшее развитие: увеличились площади распаханных под зерновые земель (за счет богарных), расширился набор выращиваемых культур. Уже в 1899 г., по расспросным данным, в долине было засеяно около 3000 дес.

К 1913 г. на одно сеющее хозяйство в Кенкол-Карагырской волости приходилось в среднем 2,5 дес. пашни, в том числе 1,7 дес. поливной и 0,8 дес. богарной. В то же время площадь естественных сенокосов на одно хозяйство составляло 1,2 дес., а посевов люцерны — и того меньше[3]. Почти аналогичная картина наблюдалась в занимающихся земледелием хозяйствах Сусамырской и Арымской волостей. Здесь на одно хозяйство в среднем приходилось 2,6 дес. пахоты, в том числе поливной 2,5 дес. и только 0,1 дес. богарной, а покосов — естественных и люцерны — лишь 0,2 дес.[4] Сельскохозяйственные культуры возделывались преимущественно на орошаемых землях. Так, в Сусамырской и Арымской волостях поливные посевы составили 94,9% всего посевного клина[5]. Более заметное развитие получило и богарное земледелие. Например, в Кенкол-Карагырской волости посевы на богаре занимали уже 31,8% общей площади пашни.

Улучшение транспортных связей Кетмень-Тюбе с Ферганской долиной, хотя и вызвало некоторое расширение киргизских запашек, но последующие земельные изъятия по воле царских властей затормозили развитие земледелия в крае. Достаточно сказать, что в 1914 г. Переселенческое управление планировало изъятие до 91160 дес. «излишков» только по Сусамырской и Арымской волостям[6]. Лишившись пашни, местное население вынуждено было осваивать предгорные земли.

Однако агротехника, по-прежнему, носила примитивный характер. На поливной пашне 3—4 года подряд сеяли «без отдыха» пшеницу,

---

[1] А. В. Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. «Записки РГО». СПб., 1873, стр. 334—335.

[2] Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III. СПб., 1874, стр. 256—259.

[3] Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд, стр. 44.

[4] Там же. Наманганский уезд, стр. 41.

[5] Там же.

[6] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 648, л. 4.

просо, кукурузу, на богарных — пшеницу, иногда чередуя ее с ячменем. Через 7—8 лет поливное поле оставляли под залежь, богарное — через 4—5 лет[1]. До трехполья, как отмечал в середине 20-х годов П. Кушнер[2], местные киргизы так и не дошли.

Пахали исключительно сохами с железными наконечниками. В качестве бороны использовалась связка хвороста или бревно, которые волочило животное. Сеяли вручную. Во многих местах сначала производили посев, а потом взрыхляли почву. Тягловой силой служили быки, лошади и верблюды. Жали серпами, молотили традиционным способом — гоняли быка или лошадь по снопам, разложенным по кругу. С появлением переселенцев киргизы для молотьбы стали использовать каменные катки.

Если в скотоводстве общинные отношения выражались в коллективном выпасе скота, перемещении аилами, когда скот комплектовался в стада не по принципу собственности, а по видам — в табуны, гурты или отары, то в земледелии архаичные общинные порядки проявлялись в совместной обработке земли и последующем ее разделе на участки по хозяйствам. Бытовала и многовековая земледельческая практика совместного (всем аилом) хранения зерна в ямах.

Земледельческий цикл определялся по народному календарю, составленному с учетом климатических особенностей края. Выращивали кетмень-тюбинские киргизы в основном пшеницу, кукурузу, просо, некоторые сеяли ячмень, лен, а также бахчевые (дыни)[3],—навыки возделывания последних были заимствованы у узбеков Ферганы. Впервые узбеки начали культивировать здесь и такую высокодоходную культуру, как хлопок. Незначительные площади его имелись в долине р. Узун-Ахмат. В 1899 г. делались попытки выращивать американский хлопок[4]. В долине Кара-Су сеяли рис. С приходом узбекских, русских и украинских переселенцев киргизы стали выращивать некоторые огородные культуры — картофель, лук, морковь, правда, лишь на поливных землях и то в ничтожно малом количестве[5].

Нарративные источники и архивные документы донесли до нас скудные сведения о бытовавших в Кетмень-Тюбе формах землевладения и землепользования. Однако можно полагать, что они не отличались от таковых в других южных районах Киргизии, в частности, Ферганс[6]. Правом землевладения обладали манапы — родоправители, пользование пастбищем было коллективным — общинным, орошаемые пахотные земли находились в частном владении и подворно-наследствен-

---

1 Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 49, 50.
2 Архив Киргизского филиала ИМЛ, ф. 56, оп. 1311, л. 187—188.
3 Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 46.
4 См.: П. Резник. Хлопководство в Наманганском уезде. Ежегодник Ферганской области, т. III. Новый Маргелан, 1903, стр. 124.
5 Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 46.
6 Ср.: В. Плоских. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965.

ном пользовании, хотя роль общины и коллективного начала в земледелии проявлялась здесь более четко, чем в Фергане. Практика свободного захвата богарных земель приводила к столкновению интересов рядовых общинников и богатых скотоводов.

В XIX—начале XX в. в основе земледелия в Кетмень-Тюбе лежала издавна освоенная местным населением техника ирригации. Следы больших ирригационных сооружений в местности, например, Узун-Ахмат[1], которая в древности и раннем средневековье представляла собой культурно-земледельческий оазис, были отмечены еще в дореволюционное время. Однако народная память безосновательно связывает время возникновения каналов с калмаками[2].

Из старых гидротехнических сооружений в долине наиболее значительным на территории Кетмень-Тюбе был так называемый Большой арык («Чон-арык») в Кенкол-Карагырской волости. Длина его составляла 35 верст, время функционирования — конец XVIII—начало XIX вв. Известны также киргизские арыки «Курган» и «Карасакал» в районе с. Алексеевка[3]. В проведении крупных оросительных каналов была заинтересована та часть феодально-родовой верхушки, которая с помощью полударового труда зависимых от нее общинников, заводила собственные земельные распашки. Поддержание ирригационной сети в рабочем состоянии являлось результатом коллективного труда целых аилов и общин. Канал называли обычно именем манапа или бая — инициатора или организатора работ. Так, в Кетмень-Тюбе и в районе р. Джумгал известны арыки Дыйканбая.

В целом земледелие киргизов в Кетмень-Тюбинской котловине оставалось экстенсивным, несмотря на то, что более двух третей обрабатываемых площадей были поливными, они засевались малоурожайными и низкодоходными культурами. Земледелие во многом носило потребительский натуральный характер, едва удовлетворяя минимальные потребности населения в зерне; только зажиточные и байские хозяйства имели возможность поставлять избыток продукции на рынок.

До вхождения в состав России в кетмень-тюбинских аилах безраздельно господствовала меновая торговля[4]. Скот обменивался на некоторые земледельческие продукты, добычу охотников, изделия кустарного промысла, а также на издавна добываемую кетмень-тюбинцами соль. Лишь изредка внутренний натуральный обмен дополнялся обменом то-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1803, л. 200.

[2] Нашествия джунгар не имели никакого отношения к возрождению ирригации и земледелия в долине, а так называемые «калмакские» арыки гораздо древнее. Как показали специальные исследования, поливное земледелие в долине зародилось в эпоху раннего средневековья. По рассказам стариков, при заселении киргизами Кетмень-Тюбинской долины здесь уже существовал большой горный арык, который якобы был проведен калмаками. По мере расширения земледелия киргизы не только использовали старые, но и проводили новые каналы.

[3] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1803, л. 203.

[4] Общее состояние торговли в крае в середине XIX в. См.: А. Б. Джаманкараев. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1965.

варов, привозимых транзитными купцами да ферганскими, специально прибывающими в Кетмень-Тюбе за скотом. Местные бай-манапы приобретали в обмен на скот предметы роскоши, рядовые общинники — необходимые в быту предметы, в основном металлические изделия.

В конце XIX—начале XX в. в натуральный обмен вторгается денежная торговля. Втягиванию киргизских хозяйств во внутрирыночные отношения, а соответственно и развитию в крае товарно-денежных отношений во многом способствовала замена натуральной формы налогов денежной, расширение транзитной торговли скотом между Семиречьем и Ферганой через Кетмень-Тюбе (прогонялось несколько сотен тысяч баранов), некоторое улучшение путей сообщения котловины с соседними районами Киргизии и Туркестана, а также переселение в долину ферганских узбеков и русских крестьян.

Сильнейшим тормозом развития торговли в Кетмень-Тюбе являлась ее изоляция на время закрытия перевалов. Этим объяснялась относительная дешевизна местных товаров[1] (в основном скота и животноводческого сырья) и дороговизна товаров привозимых. Низкие цены обусловливались во многом трудностями сбыта на сторону сельскохозяйственной продукции. Торговля была сосредоточена главным образом в руках купцов-узбеков и татар, наезжавших в долину только летом, с открытием горных дорог.

Из-за слабо развитой торговли местное киргизское население почти обходилось продуктами собственного хозяйства, выменивая скот и животноводческое сырье на кустарно-ремесленные изделия у ферганских торговцев, связи с которыми оживились с середины 80-х годов XIX в.

В конце XIX — начале XX вв. кетмень-тюбинские скотоводы переправляли свой скот на рынки Ферганы и Семиречья, откуда им доставляли мануфактуру и другие фабрично-заводские товары. Так, зажиточные животноводы из Арымской и Сусамырской волостей отправляли своих лошадей на рынки Андижанского уезда и в Сыр-Дарьинскую область (в Талас)[2].

Развитию земледелия у киргизов способствовало улучшение вьючной дороги в Фергану в 1904 г. Теперь ежегодно зерно вывозилось даже за пределы долины — на базары Наманганского и Андижанского уездов[3]. Усиление внутренней торговли было вызвано открытием базара в основанном переселенцами с. Алексеевка. По существу и землю под это селение киргизы уступили в надежде на открытие здесь базара. Это хотя и слабый, но все же один из показателей роста товарности киргизского хозяйства, его тяготения к установлению связей с рынком.

---

[1] К примеру, чейрек риса стоил 16 руб., пшеницы — 3 руб., а ячменя — всего 1 руб.. как и сотня снопов сухого клевера. «Порядочный» баран оценивался в 1 руб. 50 коп.— 1 руб. 80 коп. (П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 году, стр. 55).

[2] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 276, оп. 1, д. 972, л. 6—7.

[3] К. Усенбаев. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960, стр. 140—141.

Вместе с тем нет оснований переоценивать значение торговли и ее влияние на разложение натуральных и полунатуральных основ киргизского хозяйства в Кетмень-Тюбе, которые оставались господствующими даже накануне Октябрьской революции 1917 г.

Изолированность горного края из-за неблагоприятных транспортных условий заметно тормозила его экономическое и культурное развитие. Правда, в начале XX в. дороги, связывавшие Кетмень-Тюбе с соседними районами Киргизии и Туркестана, были в несколько лучшем состоянии, чем в конце 60-х годов XIX в. Однако по многочисленным свидетельствам современников, и в предреволюционный период Кетмень-Тюбе, как и другие горные районы Киргизии, оставался краем почти сплошного бездорожья.

Как видно из архивных документов, литературных и других источников, в частности, записок упоминавшегося П. Ф. Резника, к 1914 г. сообщение населения Кетмень-Тюбинской долины с соседними местностями и уездными центрами осуществлялось через несколько труднопроходимых перевалов, закрывавшихся с конца лета до следующей весны. По ним издавна проходили караванные, вьючные и вьючно-колесные дороги в Фергану, Талас и Семиречье. Три пути вели в города Ферганской долины, из них два — в г. Наманган. В 1903 г. одна из этих дорог разрабатывалась в порядке трудовой повинности населением ближайших кетмень-тюбинских волостей под руководством русских саперов, но работы не были закончены из-за наступления сильных холодов. Вьючные дороги на Наманган и Андижан напоминали скорее тропы, по узкому карнизу которых во многих местах не могли разъехаться даже два встречных всадника[1].

Колесный (местами вьючный) путь вел лишь в Таласскую долину— в с. Дмитриевское (Талас) и далее в г. Аулие-Ата. Путь по р. Чичкан через перевал Джар-Гарт шел в с. Мерке. А дорогой по р. Тургень-Сай, через Сусамырскую долину, и далее перевалом Ала-Арча можно было за несколько суток добраться до Пишпека. Длинные и трудные дороги вели в Прииссыккулье (в г. Пржевальск).

Столь же неблагоустроенными были пути и внутри Кетмень-Тюбинской котловины. А перебраться с одного берега бурного Нарына на другой иногда совершенно не представлялось возможным. Разработка и поддержание в проезжем состоянии дорог и ремонт мостов ложились тяжелейшим бременем на плечи трудового киргизского и переселенческого населения края[2]. Некоторая «забота» царских властей об улучшении дорог и связи объяснялась военно-политическими и полицейскими соображениями, вытекала из интересов пополнения казны.

Оценивая в общем состояние экономики Кетмень-Тюбе в дореволюционный период, отметим, что ее территориальная замкнутость и на-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 1803, л. 201.

[2] А. А. Сапелкин. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1968, стр. 85.

туральные основы киргизского хозяйства не были серьезно нарушены и после вхождения края в состав России. Экстенсивное кочевое скотоводство, потребительский характер земледелия, низкий уровень товарно-денежных отношений и плохие пути сообщения явились серьезным тормозом для дальнейшего экономического развития долины. Преодолеть его могли лишь революционные преобразования.

* * *

Кетмень-Тюбинская долина издавна была ареной национально-освободительной борьбы киргизского народа против монгольских и джунгарских завоевателей, а также межфеодальных усобиц бай-манапской верхушки коренного населения.

Туркестанская колониальная администрация считала Кетмень-Тюбе чрезвычайно неспокойным районом, где буквально не прекращалась антифеодальная и антиколониальная борьба трудящихся против господствующих классов и стоявших за их спиной царских колонизаторов. Нередко выступления недовольных рядовых общинников в силу господства в киргизском обществе патриархально-феодальных отношений принимали характер родо-племенных столкновений.

В основе же многочисленных проявлений классовой борьбы угнетенного кетмень-тюбинского дыйканства лежали глубокие социально-экономические причины: процесс социальной дифференциации в киргизском аиле и общине, зарождение непримиримо враждебных классовых сил. О социальной дифференциации киргизов Кетмень-Тюбе к 1914 г. можно судить по материалам об экономике их хозяйств, собранным чиновниками переселенческих органов. Ко времени империалистической войны процесс социальной дифференциации аила здесь протекал особенно интенсивно. При этом выделялись крайние классово полярные группы, отношения между которыми были резко враждебны. Все увеличивавшемуся числу бедняцких хозяйств (бесскотным и безлошадным и владельцам до трех лошадей, а также беспосевным и издольщикам до двух десятин) экономически противостояла численно небольшая (всего несколько процентов всех кетмень-тюбинских хозяев) группа бай-манапских семей[1],

Остановимся вкратце на вопросе о найме, который был тесно связан с арендой земли и скота, а также социальной дифференциацией и классовой борьбой в Кетмень-Тюбе.

Число киргизских хозяйств, использовавших наемный труд, в Кенкол-Карагырской волости к 1913 г. составляло 13,1%, т. е. несколько больше, чем по Андижанскому уезду в целом, где их было 12,7%[2]. Это незначительное превышение объясняется преобладанием в Кетмень-Тю-

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию. Андижанский уезд, стр. 55; Наманганский уезд, стр. 36—37; и др.

[2] Там же. Андижанский уезд, стр. 60.

бе кочевого скотоводства, требовавшего дополнительных рабочих рук, а также обращением баев к земледелию, которое было связано с наемными работниками. Многие баи сдавали захваченную ими обширную землю на издольных началах (орток) беднякам, получая за это половину урожая. За счет наемного труда зажиточные киргизы с целью наживы начали культивировать хлопок и некоторые другие технические культуры, находившие спрос на рынке.

Кроме того, среди киргизов Кенкол-Карагырской волости получают распространение кое-какие промыслы. Обращаясь к статистическим данным по обследованию киргизских хозяйств Наманганского и Андижанского уездов, следует иметь в виду, что в категорию «занятия промыслами» статистики включали и вынужденную продажу своей силы в наем киргизской беднотой, а также службу и торговлю у богатых и зажиточных киргизов. Некоторые бедняки жили тем, что собирали и продавали топливо, орехи, батрачили в байских хозяйствах, нанимались пастухами и табунщиками, занимались добычей и извозом соли, алебастра и свинца. По данным обследований, число хозяйств, занимавшихся промыслами, в Кетмень-Тюбе составляло 30,6%, а по Андижанскому уезду в целом — 25,5%[1]. Здесь следует оговориться, что собственно промыслы среди оседлого населения уезда были распространены гораздо больше, чем среди кочевников-животноводов Кетмень-Тюбе, но по приведенным статистическим выкладкам получается наоборот.

Это объясняется следующим: в число «промышленников» статистиками были зачислены батраки, черно- и разнорабочие, прибегавшие к вынужденной продаже своего труда богатым и зажиточным скотоводам, и, разумеется, байским хозяйствам, владеющим более чем 5—14 десятинами земли.

Мы не имеем возможности подсчитать точно, какой процент киргизских хозяйств был втянут в процесс купли-продажи рабочей силы. Среди хозяйств, занятых промыслами, при обследовании не выделены те, которые отпускали наемных рабочих на сторону. Причем наемные рабочие в этом случае использовались в основном в зажиточных и байских хозяйствах в пределах своей волости[2]. Нет сомнения, однако, в том, что число их было гораздо больше, чем число хозяйств, пользующихся наемным трудом в Кенкол-Карагырской волости. Это позволяет ориентировочно определить количество хозяйств, втянутых в отношения продажи и потребления наемной рабочей среды, не менее чем в 25%.

При полном отсутствии промышленных предприятий в крае, при слабо развитой торговле внутри Кетмень-Тюбинской котловины и плохих транспортно-экономических связях ее с сопредельными районами, в

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 541; то же. Андижанский уезд, стр. 60 (табл. VII). В киргизских хозяйствах Наманганского уезда, в том числе Арымской и Сусамырской волостей, число хозяйств, занятых промыслами, составляло по данным статистиков 34% (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 648, л. 3).

[2] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 10, д. 648, л. 2.

обстановке господства патриархально-феодальных отношений столь высокий процент хозяйств (минимум одна четверть их), прибегающих к отпуску и потреблению наемного труда, говорит за то, что большая часть наемных сельскохозяйственных рабочих эксплуатировалась еще докапиталистическими методами и была по сути батраками.

Жизнь рядового скотовода-кочевника и земледельца в Кетмень-Тюбе, как и во всем колониальном крае, была чрезвычайно тяжела. Натуральные, а затем и денежные налоги в пользу казны дополнялись многочисленными поборами со стороны бай-манапских родоправителей. Сотни батраков из года в год гнули спины в их хозяйствах.

Одной из особенностей классовой борьбы в Кетмень-Тюбе являлись родо-племенные столкновения — выступления «вассальных» родов против «стоящих у власти». Сложные родо-племенные отношения, при которых одни роды считались главными, «коренными», другие — потомками некогда «пленных» и «зависимых» — все это определяло и специфику проявления протеста[1].

Переплетение докапиталистических и зарождавшихся элементов капиталистических форм и методов эксплуатации ставило нередко кетмень-тюбинское дехканство в невыносимые условия труда и существования, делало феодально-байский гнет особенно тягостным. Социальная эксплуатация усугублялась бременем национально-колониального угнетения. Все это и определяло ту классовую и антиколониальную борьбу, которая выделяла Кетмень-Тюбе в конце XIX — начале XX вв. среди соседних даже экономически более развитых районов края.

В ответ на усиление двойного гнета — бай-манапской феодально-родовой верхушки и царизма в лице колониальной администрации — кетмень-тюбинская букара неоднократно выступала с протестами. Выразителем ее интересов был известный киргизский акын-демократ Токтогул Сатылганов. Классовая борьба дыйканства Кетмень-Тюбе, как и всей Киргизии, принимала самые различные формы: она проявлялась в прошениях и жалобах администрации, откочевках и бегстве от ненавистных манапов, отказе от уплаты налогов и внесения некодифицированных сборов, уклонения от обременительных трудовых повинностей, провале угодных местным бай-манапам кандидатов на выборах в органы «туземной» власти, срыве самих выборов, неподчинении распоряжениям властей и нападении на их представителей, в вооруженных восстаниях[2].

Об усилении классовой и национально-освободительной борьбы в Кетмень-Тюбинской долине свидетельствуют массовые выступления и волнения местных трудящихся в конце XIX — начале XX вв., направленные против «своих» эксплуататоров и царских колонизаторов.

Немалую роль в обострении классовых отношений среди киргизов Кетмень-Тюбе играла семья известного манапа Рыскулбека Нарбутина.

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию. Наманганский уезд, стр. 24—28.
[2] Подробнее см.: К. Усенбаев. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967.

Он пользовался неограниченными, по существу ханскими, правами, позволяя себе «поступки, о которых прежде никакой манап в Чуйской долине и думать не смел»[1]. Дыйкане знали, что «ослушаться Рыскулбека — все равно, что лишиться имущества, а пожалуй, и головы»[2]. Он обладал огромным состоянием, нажитым за счет налогов с купцов, и, конечно, поборов с трудового населения. Жестокими эксплуататорами были и его сыновья, внуки, против притеснения которых неоднократно выступала кетмень-тюбинская беднота[3].

В марте 1889 г. рядовые киргизы Кенкол-Карагырской волости обратились с жалобой к военному губернатору Ферганской области на злоупотребления и вымогательства волостного управителя. В августе этого же года, зимой 1891[4], в марте 1892 г. в ряде киргизских аилов, общин и волостей Кетмень-Тюбе вспыхивали разрозненные выступления дыйкан[5], которые, однако, быстро подавлялись властями. В октябре 1895 г. жители Кенкол-Карагырской волости, недовольные выборами волостной администрации, поддерживаемой участковым приставом, избили на глазах представителей уездной власти полицейского. Спрятавшихся в юрте пристава, волостного управителя, бия, переводчика и полицейского разгневанная толпа осыпала градом камней[6].

Во время выборов волостной администрации в Андижанском и Наманганском уездах в январе 1896 г. произошли народные волнения[7]. В Кетмень-Тюбе в конце 90-х годов XIX в. в борьбе за власть выступили две соперничавшие феодально-родовые группировки — род Рыскулбековых и верхушка более мелких племен, возглавляемая Садык-бием. Трудящиеся открыто боролись против эксплуататоров, в первую очередь против деспотизма манапов Рыскулбековых[8].

Токтогул Сатылганов встал на защиту народа, бичуя в своих песнях беззаконие жадных и алчных манапов — сыновей Рыскулбека. Его обличительная песня «Беш каман» («Пять кабанов») облетела все аилы.

С новой силой волнения дыйкан Кетмень-Тюбе вспыхнули в 1898 г., когда так называемое Андижанское восстание всколыхнуло всю Фергану[9] и район Кетмень-Тюбе. Для подавления волнений сюда был на-

---

[1] Г. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз. «Туркестанские ведомости», 1871, № 2.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] А. Хасанов. О национально-освободительном движении в Средней Азии в конце XIX века. «Изв. АН Киргиз. ССР», 1971, № 2, стр. 74—75.
[5] Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, «Илим». 1973, стр. 37—38.
[6] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 4, д. 241, л. 7; А. Г. Зима: Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959, стр. 67.
[7] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 4, д. 241, л. 1—7.
[8] Подробнее см.: А. Чукубаев. Токтогул. Эпоха, жизнь и творчество. Фрунзе, 1958, стр. 67.
[9] ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 2, д. 420, л. 6—7 и др.

правлен специальный карательный отряд под начальством подполковника Бушена. Его прислали после рапорта-доноса сусамырского волостного управителя Бахтияра Рыскулбекова о готовящемся в волости антиправительственном выступлении и его участниках. В числе арестованных сусамырских киргизов с 10 на 11 июля был взят и Токтогул Сатылганов[1]. 3 августа 1898 г. временный военный суд в г. Намангане приговорил всю группу к смертной казни, которая затем была «милостиво» заменена ссылкой на каторжные работы в Сибирь[2].

Расправа царизма над участниками Андижанского восстания 1898 г. не запугала народные массы, в выступлениях которых социальный протест сливался с национальной борьбой против колониального режима и царских чиновников на местах.

Широкий резонанс получило и выступление кетмень-тюбинской букары в 1899 г. 12 марта возбужденная толпа в 200 человек напала на волостного управителя Керимбая Атаканова и его джигитов, аильных старшин и других «почетных» лиц. Дыйкане, «вооружившись» палками и камнями, освободили арестованных волостным управителем четырех общинников, ранили самого волостного и нескольких его приспешников, избили манапских прихвостней. Три дня не унималась толпа, чувствуя поддержку трех аилов Сусамырской волости[3].

Военный губернатор Ферганской области, напуганный Андижанским восстанием, тотчас же по получении сообщений о народном волнении в Кетмень-Тюбе, двинул туда команду казаков с помощником наманганского уездного начальника, а затем и сам отбыл на место событий. Губернатор не стал разбирать жалоб на притеснения и поборы Рыскулбековых — опору колониальных властей, а быстро и жестоко расправился с трудовыми дыйканами. По его распоряжению каратели арестовали 37 человек по обвинению в «сопротивлении властям». 12 из них под казачьим конвоем были отправлены в г. Наманган, где их ожидала судебная расправа, а остальных, чтобы «не будоражить» особенно население, отпустили на поруки. 900 рублей штрафа было наложено на население трех аилов Сусамырской волости — именно тех, где были арестованы и отправлены в сибирскую ссылку год тому назад десятки рядовых киргизов за участие в Андижанском восстании[4].

Пристав П. Ф. Резник, хорошо знакомый с настроениями кетмень-тюбинских дыйкан, считал, что для их «успокоения» надо прибегнуть к длительным чрезвычайным мерам. Он предлагал содержать при них казачью сотню, начальник которой, располагая всей полнотой власти на месте, непосредственно подчинялся бы военному губернатору Ферганской области[5].

---

[1] См.: А. А. Чукубаев. Об отношении Токтогула Сатылганова к Андижанскому восстанию. Уч. зап. истфака Киргосуниверситета, вып. 3, Фрунзе, 1954, стр. 39—46.
[2] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 468, л. 141—144.
[3] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 6009, л. 21, 26.
[4] Подробнее о весенних событиях 1899 г. в Сусамырской волости см.: Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии, стр. 56—57.
[5] П. Ф. Резник. Кетмень-Тюбе в 1899 году, стр. 85—86.

Эти меры, как и передача киргизских волостей Кетмень-Тюбе из одного уезда в другой, а равно и репрессии, предпринимаемые царскими властями, не могли успокоить население. Как зафиксировано в документах, в 1902 г. дыйкане Кенкол-Карагырской волости вновь поднялись на борьбу против волостного управителя и бай-манапской верхушки, пытавшихся лишить их земли.

События первой русской революции 1905—1907 гг. получили резонанс и в далеком Кетмень-Тюбе, вызвав волну новых «беспорядков», преимущественно на почве аграрных отношений. Опасаясь взрыва недовольства масс, администрация перенесла выборы волостных управителей и аильных старшин с февраля на май 1905 г. Однако в мае рядовые скотоводы Сусамырской волости «провалили» на выборах ставленника бай-манапов, избрав волостным бедняка-киргиза Джанкая. Это, понятно, вызвало недовольство бай-манапов из рода Дыйканбая, они постарались очернить вожака букары, инспирируя движение против него[1].

Стремясь предотвратить недовольство трудового дыйканства, крупные бай-манапы Наманганского, Аулие-Атинского, Пишпекского и Пржевальского уездов срочно съехались в «урочище Кетмень-Тюбе» для решения вопросов о «неурядицах» в землепользовании и землевладении, из-за которых происходила «масса столкновений»[2].

В период столыпинского «землеустройства» в долине Кетмень-Тюбе лучшие пахотные земли, освоенные уже полуоседлым киргизским населением, изымались в колонизационный фонд, создаваемый, по выражению В. И. Ленина, путем вопиющего насилия над насущными нуждами коренного населения. А когда изгнанная земледельческая беднота начинала осваивать богарные земли в предгорьях, то против нее нередко выступали богатые кочевники-скотоводы, устраивая потравы посевов. Обострение классовых противоречий среди кетмень-тюбинских киргизов вынуждены были отметить даже чиновники переселенческих органов.

Положение трудящихся колониальной Киргизии еще более ухудшилось накануне и в период империалистической войны. Недовольство масс проявилось сильнее обычного даже в глухих горных районах края. В 1915 г. несколько бедняков, не выдержавших произвола бая, на которого батрачили, бежали из Кетмень-Тюбе в Таласскую долину. Подобная форма протеста существовала и в других местах Киргизии. Зачастую беглецы уводили с собой байский скот и лучших лошадей[3].

Возмущение рядовых общинников вызывалось усилением налогового гнета и насильственными поборами местных властей и манапов будто бы в фонд обороны, а также продолжавшимися земельными изъятиями. В феврале 1916 г. дыйкане Арымской и Сусамырской волостей

---

[1] Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии, стр. 94.
[2] А. Чукубаев. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900 — 1917 гг.). Фрунзе, 1967, стр. 49.
[3] История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1968, стр. 475.

Наманганского уезда выступили с протестом против постановления уездной земельной комиссии об отчуждении как «излишнего» большого земельного массива, издавна обрабатываемого и используемого киргизами. Постановление чиновников переселенческих органов даже уездный начальник вынужден был квалифицировать как документ, попирающий насущные интересы дыйканства. Однако министр земледелия, к которому попала жалоба трудящихся, стал защищать не обездоленных дыйкан, а чиновников. Он назвал поведение киргизов «недостойным» по отношению к властям, а их требования признал незаконными[1].

Летом 1916 г. недовольство трудящихся вылилось в массовое восстание, оно охватило Среднюю Азию, Казахстан. Рядовые общинники выступили против мобилизации и отправки на военно-тыловые работы. Вооружившись самодельными пиками и ружьями, они нападали на волостных управителей, уничтожали списки мобилизованных.

По утверждению Коргола Досуева — друга Токтогула, известный акын не остался в стороне от восстания: он призывал бедноту к активной борьбе против бай-манапов и царизма.

18 августа 1916 г. военный губернатор Ферганской области доносил в Ташкент, что киргизы Наманганского и части Андижанского уездов, кочующие между перевалом Курумес (западнее Кугарта) и рекой Нарын, находятся в соприкосновении с повстанцами. «Сусамырская волость Наманганского уезда волнуется... Очевидно, волна бунта распространяется по правому берегу Нарына из Пишпекского уезда, — телеграфировал краевым властям губернатор, взывая о помощи. — Прибывшая на Тогуз-Тороу сотня должна произвести воздействие. Для утверждения спокойствия в двух волостях (Сусамырской и Чаткальской.—*авт.*) Наманганского уезда необходимо выслать казаков с одним или двумя пулеметами в Кетмень-Тюбе»[2].

Отряды повстанцев нападали на чиновников и бай-манапов. Успешно действовал отряд в полторы сотни бедняков во главе с Жанышем Какиевым, которому помогали Борулдай Джакыпов и Молдоналы Шокуров. Скрываясь в лесах Джолубека в высокогорном ущелье Сары-Добо, они угоняли скот богачей, убивали волостных управителей и аильных старшин. Карателям не удалось уничтожить отряд повстанцев. Только лютая зимняя стужа в горах заставила их вернуться на свои зимовья. Местные власти жестоко расправились с активистами повстанческого отряда и кроме того взыскали в свою пользу штраф скотом и деньгами[3].

Восстание 1916 г. по своему характеру явилось социальной и национально-освободительной борьбой местных трудящихся. Разрозненные и неорганизованные, слабо вооруженные отряды повстанцев не могли долго противостоять карательным войскам царских властей. Отсутствие

---

[1] История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1968, стр. 667.
[2] Цит. по кн.: К. Усенбаев. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967, стр. 167—168.
[3] К. Усенбаев. Восстание 1916 г. в Киргизии, стр. 168.

ясной программы, единого руководства и политической партии обрекали восстание на поражение. Тем не менее оно показало, что угнетенные колониальные народы не хотят мириться с социальным и национальным гнетом царизма и представляют немалую революционную силу. Объективно восстание подрывало устои колониализма как в целом в Средней Азии, так и в Киргизии, в частности в Кетмень-Тюбе. Позднее трудящиеся долины приняли активное участие в борьбе за победу Великого Октября и упрочение Советской власти в горном крае.

Первые шаги в изучении Кетмень-Тюбе были сделаны отечественными учеными, путешественниками-исследователями Тянь-Шаня второй половины XIX — начала XX в. Благодаря их научному подвигу стали известны многие географические объекты Киргизстана, в том числе Кетмень-Тюбинская котловина и бассейн р. Нарын. В их трудах содержится характеристика природы Тянь-Шаня, местной флоры и фауны, отмечен родо-племенной состав и хозяйственные занятия населения края, описаны отдельные элементы культуры киргизов. Причем уже само проявление интереса к Кетмень-Тюбинской долине и ее населению, пусть не всегда с научной целью, зачастую в поисках ответа на запросы колониальной администрации Туркестана, является определенной вехой в развитии русско-киргизских историко-культурных связей.

Так, в 1869 г. член-учредитель Среднеазиатского общества, капитан А. В. Каульбарс — участник военно-научной (топографической) экспедиции в Центральный и Западный Тянь-Шань, несколько дней провел в Кетмень-Тюбе, рекогносцируя дорогу через перевал Дувана из долины Карасу в Андижан. Затем экспедиционный караван прошел по бассейну р. Узун-Ахмат в Талас, участниками его — Петровым и Рейнгардтом — была определена топосъемка ряда местностей Кетмень-Тюбинской котловины. Характеристика долины, ее дорожно-транспортных и хозяйственных условий, а также краткие историко-этнографические заметки о киргизах Кетмень-Тюбе были опубликованы позднее (1872, 1875 гг.) Русским Географическим обществом в материалах А. В. Каульбарса[1]. Его труды о поездках в Тянь-Шань содержат ценные фактические сведения о крае, однако объяснения исторических событий и современной ему киргизской действительности довольно-таки поверхностные[2]. В 1871 г. А. П. Федченко намеревался посетить Кетмень-Тюбе на обратном пути во время путешествия по Кокандскому ханству[3].

---

[1] А. В. Каульбарс. Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход. «Изв. РГО», т. VII, 1871, СПб., 1872, стр. 173—178; его же. Материалы для географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 года членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А. В. Каульбарсом. «Зап. РГО по общей географии», т. V. СПб., 1875, стр. 253—539.

[2] В частности, он считал исконными жителями края калмаков, которых уже потом сменили киргизы. Не понимая сущности патриархально-феодальных отношений, он усматривал причины баранты лишь в кровной мести. По справедливой оценке современников, отчет А. В. Каульбарса был беден выводами, но богат фактами. См.: Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973, стр. 47—48.

[3] А. П. Федченко. Сборник документов. Ташкент, 1956, стр. 128.

Интереснейшие поездки по Тянь-Шаню выпали на долю Н. А. Северцова. Будучи начальником Ферганской ученой экспедиции 1878 г., он наметил маршрут из Наманганского уезда вдоль побережья р. Нарын через перевал Март в Кетмень-Тюбе и Сусамыр, чтобы осмотреть междуречье Нарына, бассейн р. Узун-Ахмат и высокогорную Сусамырскую долину, не снятые еще на геологические карты.

15 мая Н. А. Северцов и топограф Скасси отправились из Андижана на Уч-Курган, пересекли водораздельный хребет, отделяющий реки Чаткал и Карасу от Узун-Ахмата, и пошли вверх по Нарыну. При этом Скасси картировал Кетмень-Тюбинскую долину, а Северцов занимался сбором зоологических коллекций, а также сведений о природно-географических условиях котловины, имевших важное значение для изучения тектонического строения Тянь-Шаня. Путешественниками были осмотрены богатые залежи каменной соли и других полезных ископаемых, определено множество высотных точек в районе исследований[1].

В 1884 г. сбором гербариев и изучением растительности котловины и сопредельных регионов занимался профессор ботаники Казанского университета Н. В. Сорокин[2]. В 1908—1914 гг. его начинания были продолжены участниками почвенно-ботанических экспедиций, работавших по заданию Переселенческого управления. Территория Кетмень-Тюбинской долины и прилегающих районов была обследована в флористическом и геоботаническом отношении[3].

Заслугой Н. В. Сорокина являются впервые отмеченные им остатки средневекового городища Кодул-Ничке и ряда других древностей долины, внешне сходных, по его словам, с археологическими памятниками Южного Прииссыккулья[4]. Довольно любопытны и его беглые бытовые зарисовки из жизни кетмень-тюбинских кочевников на страницах путевых описаний. Рядом сведений о позднесредневековом Кетмень-Тюбе и времени его зависимости от Кокандского ханства и царской России наука обязана трудам отечественных востоковедов — В. В. Бартольда и В. П. Наливкина, а также путешественника Г. Н. Потанина.

Статистические и другие важные фактические данные о сельскохозяйственных занятиях кетмень-тюбинцев за 1913 г. содержатся в опубликованных материалах по землепользованию киргизов Наманганского и Андижанского уездов Ферганской области, которые использованы в данной статье и ряде работ киргизских историков. Собранные по заданию Переселенческого управления, они, конечно, требуют к себе сугубо критического отношения.

Вкратце охарактеризуем культурную жизнь кетмень-тюбинцев во второй половине прошлого — начале нынешнего столетия.

---

[1] Н. А. Северцов. Сборник документов. Ташкент, 1958, стр. 133, 155—156.
[2] Н. В. Сорокин. Путешествие по Русскому Тянь-Шаню в 1884 г. «Изв. РГО», т. XXI. 1885, вып. II. СПб., 1883, стр. 113, 127—128:
[3] И. В. Выходцев. Русские исследователи на территории Киргизии. «Изв. КирФАН СССР», вып. 2—3. Фрунзе, 1948, стр. 70.
[4] Н. В. Сорокин. В горах и долинах Русского Тянь-Шаня. «Исторический вестник». СПб., 1886, № V—VI, стр. 652 и др.

После вхождения Киргизии в состав России культурные изменения коснулись и Кетмень-Тюбе. К началу XX в., осенью 1899 г., здесь по желанию киргизского населения Сусамырской и Арымской волостей было открыто первое и единственное учебное заведение — начальная русско-туземная школа. Сразу же в нее было зачислено 33 ученика в возрасте от 7 до 27 лет[1]. Ученики, как отмечали современники, посещали уроки весьма охотно, делая «порядочные успехи». Школа была основана по инициативе рядового учителя-энтузиаста А. Ф. Степанова — воспитанника Петербургского университета, прекрасно владевшего киргизским языком. Содержалась она на средства местных жителей без материальной поддержки властей. На учителя смотрели как на чудака, добровольно согласившегося на «изгнание» в кетмень-тюбинскую глушь, где он «совершенно один и полгода отрезан от всего мира». Некоторые пессимистически предрекали скорый провал этой просветительной «затеи». В 1903 г. в школе обучалось 25 учеников[2]. Но даже к 1917 г. в Кетмень-Тюбе грамотных людей насчитывались буквально единицы. Таковы «плоды просвещения» российского царизма на колониальной окраине — в Киргизии.

Прикладное искусство, фольклор, музыка киргизского населения Кетмень-Тюбе в XIX — начале XX вв. развивались в русле лучших многовековых народных традиций. Как показали исследования этнографов, традиционные виды духовной и материальной культуры кетмень-тюбинских киргизов в основном сходны с культурой киргизов из северных районов края, причем отмечается много общего и с культурой населения сопредельных районов Тянь-Шаня и Прииссыккулья.

С конца XIX в., т. е. со времени установления более интенсивной торговли с соседними областями и странами, с усилением миграции разнонационального населения в Кетмень-Тюбе в материальной культуре местных жителей происходят определенные изменения. В кочевой в своей основе быт киргизов (в хозяйственные занятия, домашний обиход, одежду, пищу, интерьер жилища) проникают элементы узбекской, затем русской и украинской культуры, на их жизненном укладе сказывается также влияние таласских и южных киргизов, чему способствуют давние этнические связи, соседство и взаимные браки. Такие контакты содействуют созданию определенной общности культуры в регионе Кетмень-Тюбинской котловины.

В этом сложном процессе взаимоотношения культур немаловажное значение имело народное искусство. Кетмень-Тюбинские умельцы, преемственно сохраняя многие традиционные художественные принципы в технологии тех или иных домашних промыслов и ремесел, выработали

---

[1] ЦГВИА СССР, ф. 400, аз. ч., оп. 1900 г., д. 251, стр. 8; История Киргизской ССР, т. 1, стр. 561.

[2] Ферганская область в 1903 году. Ежегодник Ферганской области, т. III, Н. Маргелан. 1904, стр. XIV. Характерно, что в открывшейся в 1898 г. русско-туземной школе в Джумгальской долине изъявили желание учиться не только дети местных скотоводов, но и 18 учеников из Сусамырской и трех соседних киргизских волостей Пишпекского уезда.

и свое локальное стилевое единство. Лучшие произведения народного прикладного искусства — орнаментированные войлоки и красочные ширдаки, тушкийизы и различные вышивки, изделия из кожи, дерева и металла (серебряные украшения, тиснение, чеканка и резьба) — роднили яркий жизнерадостный колорит и безмерное богатство древнего орнаментального стиля. Эта особенность наиболее четко проявлялась в текстильных изделиях домашнего женского производства — в предметах узорного ткачества, войлочных коврах, вышивках, в народной одежде с ее территориальными отличиями.

Не менее развито было в Кетмень-Тюбе и искусство резьбы по дереву. В Историческом музее г. Фрунзе экспонируются старинные сундучки, как образцы прекрасного искусства кетмень-тюбинских резчиков. Высоко ценились в народе и ювелирные изделия местных умельцев. Ими была освоена древнейшая восточная техника художественной обработки металла — зернь, чеканка, инкрустация. Особенно славились украшения, изготовленные в конце прошлого века Кулике[1].

Токтогул Сатылганов.

Немаловажное значение в общественно-культурной жизни киргизов в дореволюционный период имели развлечения и игры. У кетмень-тюбинцев они почти ничем не отличались от народных игр других мест края. Со времени вхождения Кетмень-Тюбе в состав России они оставались по существу такими же, как их описал А. В. Каульбарс еще в 1869 г. Это скачки, стрельба на скаку из лука в серебряную ямбу, привязанную к шесту, состязания всадников, стремящихся выбить друг друга из седла пиками — сайыш[2].

Наряду с истинно народными играми бытовали развлечения, затеваемые ради неприглядной потехи баями и манапами. Подобными «играми» зачастую сопровождались поминки киргизских феодалов—аши и тои. К участию в них обычно привлекались представители враждующих племен или родов.

Зато слава о победителях истинно народных игр жива в памяти многих поколений киргизов. За пределами Кетмень-Тюбе были известны

[1] См.: Д. Айтмамбетов. Культура киргизского народа, стр. 206—207.
[2] А. В. Каульбарс. Краткие сведения о двух поездках..., стр. 174—175.

имена героической женщины Айчурек-богатыря — победительницы в поединках и виртуозной комузистки[1], Эрназара Бостонкулова, погибшего в состязаниях с сайышистом Мамбетовым. Токтогул Сатылганов посвятил любимцу своих земляков Э. Бостонкулову проникновенные строки, гневно осудил бай-манапов, организовавших сайыш, приведший к гибели батыра[2].

Популярностью у народа пользовались импровизированные выступления акынов и их песенные состязания — айтыши. Поистине всенародную известность приобрел акын-демократ из Кетмень-Тюбе (уроженец кыштака Сасык-Джийде) Токтогул Сатылганов (1864—1933 гг.). В своих песнях-импровизациях он обличал социальную несправедливость, бесчинство бай-манапских эксплуататоров и царских чиновников. Музыкально-поэтическое наследие Токтогула Сатылганова, как и его общественно-политическая деятельность, имели огромное значение в развитии устно-поэтического и музыкального творчества киргизского народа.

Особой выразительностью и мастерством отличалась игра на национальных музыкальных инструментах и импровизированное исполнение эпоса «Манас».

Очень трогательны и женские плачи-кошоки. Их искусной исполнительницей была, например, мать Токтогула—Бурма[3].

Таковы, на наш взгляд, основные явления, характеризующие развитие материальной и духовной культуры коренного населения Кетмень-Тюбе в конце XIX — начале XX вв.

В истории Кетмень-Тюбинского края при всех его локальных особенностях отразились все аспекты экономической и политической жизни, социальной структуры, классовой и национально-освободительной борьбы трудящихся дореволюционной Киргизии.

Сегодняшний Токтогульский район — это составная часть Советского Киргизстана — края победившего социализма.

Под руководством Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета, в братском единстве с великим русским народом и другими народами нашей страны трудящиеся Киргизстана в течение жизни одного поколения навсегда покончили с вековой отсталостью, добились огромных успехов в развитии экономики и культуры и сейчас вносят достойный вклад в коммунистическое строительство[4].

---

1 Д. Айтмамбетов. Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX века. Фрунзе, 1967, стр. 158.

2 См.: Д. Омурзаков, Ю. Мусин. Киргизские народные игры. Фрунзе, 1973, стр. 28—29.

3 См.: Рукоп. фонды отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 331 (фольклор), стр. 114—115.

4 О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии от 22 января 1974, стр. 45.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы раскопок могильников Кечу, Джалпак-Таш и Ак-Сенир

Каирминской группой были обследованы курганы двух хронологических категорий — сакского времени и катакомбной культуры.

Могильник Кечу находится в одноименной местности на правом берегу реки Чичкан на северной околице старого пос. Токтогул. Расположен на сравнительно ровной площадке. Насчитывается в нем десять курганов. Однако по свидетельству местных жителей, число их было значительно большим.

Курганы составляют три цепочки, две из которых включают по три насыпи, одна — четыре. Все курганы ориентированы по север—юг. Насыпи в плане подобны кругу, в разрезе — полусферические; многие, особенно большие, имеют остатки кромлехов и каменных панцирей (иногда двух).

В процессе раскопок были вскрыты все 10 курганов. Захоронения совершены в грунтовых ямах различной формы — часто овальных. Размеры ям отличаются сравнительно большой величиной: длина более 3 *м*, ширина свыше 2 *м* и глубина более 1 *м*.

Могильные ямы вырыты в галечном грунте и перекрыты поперечными деревянными плахами. Ориентировка — восток—запад. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад. У изголовья с северной стороны обычно находили предметы сопроводительного инвентаря. Вещественный материал был обнаружен почти во всех курганах.

К у р г а н 1. Сверху каменный панцирь. Диаметр насыпи 15 *м*, высота 1,3 *м*. Могильная яма перекрыта в поперечном направлении деревянными бревнами и имеет размеры: длина 4 *м*, ширина 2 *м*, глубина 2 *м*. Погребение ограблено, но тем не менее в нем удалось найти золотую серьгу с бирюзовой подвеской и бусину. Керамика представлена фрагментами мисок, чаш, а также целыми формами.

К у р г а н 2. Диаметр его 18 *м*, высота 1,48 *м*. Поверхность насыпи с небольшой западиной наверху покрыта каменной кладкой. Поперек могильной ямы бревна. Длина могил 3,75 *м*, ширина 2,5 *м*, глубина 2 *м*. Остатки инвентаря — обломки керамической посуды и целая форма — разбросаны по всей могиле.

К у р г а н 3. Имеет земляную насыпь. Диаметр около 15 *м*, высота 1,1 *м*. На уровне дневной поверхности остатки деревянного перекрытия

могилы, имеющей длину 2,3 *м*, ширину 1,9 *м* и глубину 1,6 *м*. Из инвентаря найдены лишь фрагменты керамики.

Курган 4. Выделяется сравнительно большой величиной (диаметр насыпи 20 *м*, высота 2,3 *м*). Поверхность обложена крупными камнями. Могила была перекрыта бревнами. Ее длина 3,9 *м*, ширина 2,8 *м*, глубина 1,65 *м*. Костяк покоился на спине, головой на северо-запад. У черепа найдено золотое налобное (?) украшение сложной формы, две бусины и набор миндалевидных золотых фольговых бляшек (свыше двух десятков). Керамическая посуда включает несколько целых форм и фрагментов.

Курган 5. Отличается небольшими размерами: диаметр 12 *м*, высота 0,75 *м*. Поверхность покрыта панцирем. Могильная яма: длина 2,1 *м*, ширина 1 *м*, глубина 1,85 *м*. В числе инвентаря только керамика, несколько целых сосудов и обломки.

Курган 6. Диаметр до 8 *м*. Уже на глубине 0,56 *м* обозначилась могильная яма длиной 3,35 *м*, шириной 1,35 *м* и глубиной 1,65 *м*. Ни инвентаря, ни остатков захоронения не обнаружено.

Курган 7. Значительно больше курганов 5 и 6 (диаметр его 15 *м*, высота 1,3 *м*). Могила имела бревенчатое перекрытие. Длина ямы 3,25 *м*, ширина 2,5 *м* и глубина 1,15 *м*. Находки представлены фрагментами керамики.

Курган 8. Имеет каменную обкладку. Диаметр насыпи 17 *м*, высота 2 *м*. На уровне дневной поверхности отмечено деревянное перекрытие. Длина могильной ямы 3,65 *м*, ширина 3,2 *м*, глубина 1,6 *м*. Костяк погребенного плохой сохранности. Рядом с черепом найдено навершие булавки из золотой фольги с частью железного стержня. Кроме того, здесь обнаружен целый сосуд и несколько фрагментов.

Курган 9. Также имел каменный панцирь. Диаметр насыпи 16 *м*, высота 1,3 *м*. Длина могилы, перекрытой бревнами, достигает 3,3 *м*, ширина 2,3 *м*, глубина 1,2 *м*. Рядом с остатками черепа найдена бирюзовая бусина. Обнаружено несколько керамических сосудов и их фрагментов.

Курган 10. Диаметр 6 *м*, высота 0,3 *м*. Длина могильной ямы 2,6 *м*, ширина 1,2 *м*, глубина 0,8 *м*. Погребение принадлежало ребенку. Костяк плохой сохранности. Находки — один целый керамический сосуд и осколки миски.

Большую часть вещественного материала составляет керамика. Это миски, тарелки, кружки, горшки и другие типы сосудов.

Добытая керамическая посуда находит параллели среди сосудов так называемых «чисто кочевнических» памятников.

Изделия ювелирного искусства представлены следующими предметами украшения.

Три каменные бусины, две из них бочковидные (тип 2, по Б. А. Литвинскому и тип 442, по Леймлейну), отверстия продольной формы; третья бусина овалоидальная или каплевидная (тип 3, по Б. А. Литвинскому и тип 511, по Леймлейну) (рис. 1).

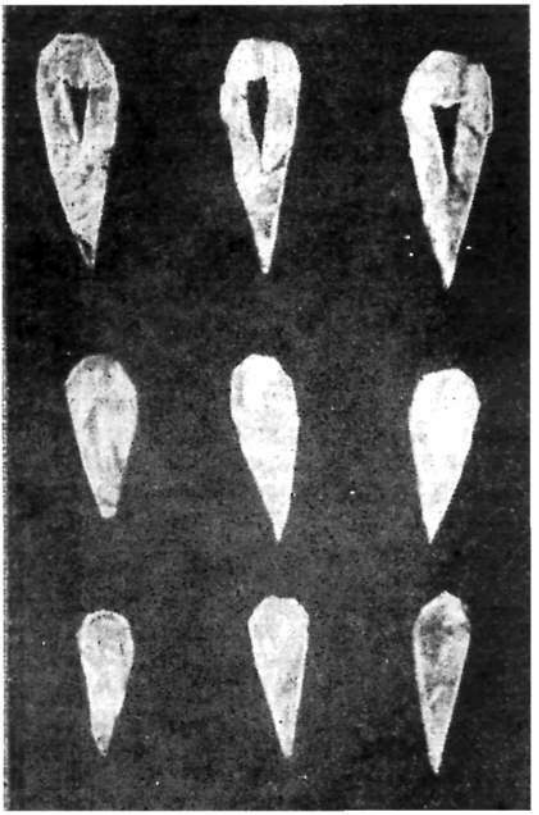

Рис. 1.

Серьга золотая, гнутая (рис. 2), состоит из большого кольца с припаянным снизу маленьким колечком, к которому прикреплена проволочная подвеска в виде восьмерки, с присоединенной к ней плоской бирюзовой миндалевидной подвеской. Этот тип серьги известен в синхронных погребениях Кетмень-Тюбе и прежде.

Навершие булавки (рис. 3) из золотой фольги в виде луковички с гофрами, расположенными сверху вниз. Сам стерженек железный.

Налобное (?) украшение сложной формы из золота. Оно состоит из сплюснутого шарика, на лицевой стороне которого выгравирована (штрихами и вдавлениями) морда филина или совы (?) с характерными ушками, носом, глазами и ртом. По бокам изделия имеются кольца, к которым прикреплены проволочки. На одной из них сохранилась кубовидная подвесочка. Вверху к трем стерженькам прикреплены три сегментовидные бляшки. К верхней части каждой из них припаяны

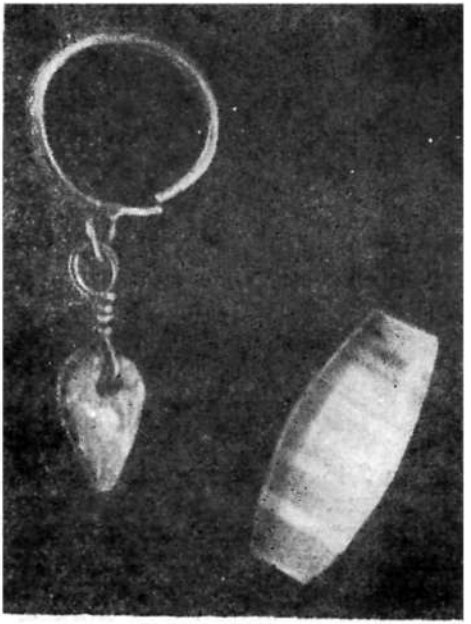

Рис. 2.

строенные шарики. Тип украшения близок к серьгам из сибирской коллекции[1]; сходство можно заметить и с предметами амударьинского клада. Данное украшение в целом уникально, хотя отдельные детали находят параллели в древней торевтике и других видах искусства.

Нашивные и другие бляшки из фольги миндалевидной и подпрямоугольной форм со сложными вырезами в середине и без вырезов (рис. 4).

Сейчас пока трудно окончательно судить обо всех упомянутых бляшках. Ясно одно: они являются деталями украшения либо для головного убора, либо для платья.

Таким образом, топографические особенности памятника, конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения, весь облик предметов материальной культуры свидетельствуют о том, что могильник Кечу относится к сакскому времени.

Могильник Джалпак-Таш находится у места слияния рек Нарын, Чичкан и Узун-Ахмат, напротив с. Алексеевки на второй высокой правобережной террасе реки Узун-Ахмат. Располагается на сравнительно большой и ровной площадке. Исследован выборочно. Здесь вскрыто восемь курганов, находящихся в первой цепочке. На основании раскопок удалось восстановить в общих чертах погребальный обряд.

[1] М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, стр. 194—195.

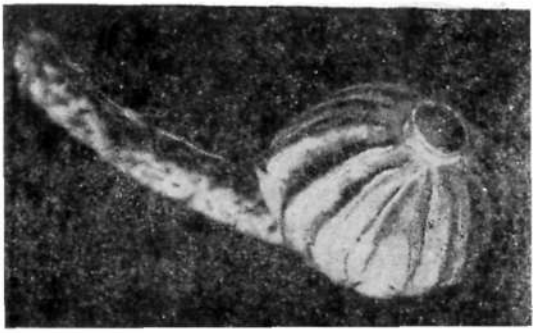

Рис. 3.

Курган 17. Высота 2,46 *м*, диаметр 21 *м*. На поверхности прослеживается панцирная кладка. В вершине холма воронка глубиной до 0,75 *м*. На глубине 0,8 *м* встречена еще одна панцирная кладка. Насыпь земляная. Могильная яма (длина 4 *м*, ширина 1 *м*, глубина 1,38 *м*) была перекрыта в поперечном направлении деревянными плахами.

Кости погребенного разбросаны по всей могиле. У западной стенки обнаружена керамическая чаша и фрагмент миски. Из золотых вещей следует отметить петлевидную серьгу из гнутой проволоки, ажурную подвеску, пластину с антропоморфным изображением и накосник (?). Найдены также бусы и кусочки железа.

Курган 16. Диаметр 16 *м*, высота 2 *м*. Панцирной кладки не имеет. Насыпь земляная. Могильная яма перекрыта бревнами. Длина ее 2,8 *м*, ширина 1,3 *м*, глубина 1,25 *м*. Кости погребенного и фрагменты керамики встречались прямо в засыпи. У западной стены стояли две

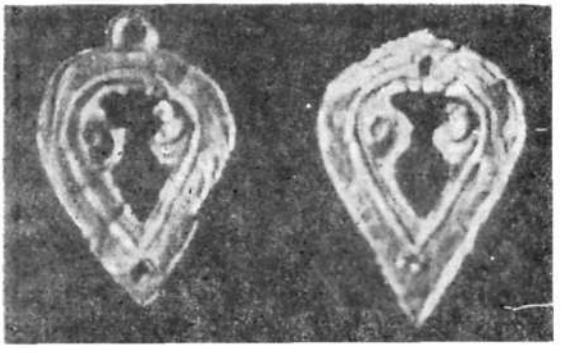

Рис. 4.

керамические чаши. Здесь же найдена круглая золотая пластина с изображением птицы.

Курган 15. Диаметр 17 *м*, высота 1,92 *м*. Панцирная кладка прослеживается не по всей поверхности холма. Могильная яма перекрыта бревнами, длина ее 4 *м*, ширина 1 *м*, глубина 1 *м*. Судя по положению костей скелета, ориентация погребенного западная. Из инвентаря сохранились золотое навершие булавки в виде луковицы, серьга из гнутой золотой проволоки и две бусины.

Курган 14. Диаметр 16 *м*, высота 1,7 *м*. Поверхность холма покрыта плотной панцирной кладкой. Несколько ниже прослеживается еще одна каменная кладка. Могильная яма перекрыта бревнами. Ее длина 2,3 *м*, ширина 1 *м*, глубина 1 *м*. Кости погребенного разбросаны, находок не обнаружено.

Курган 13. Диаметр 19 *м*, высота 2,24 *м*. На поверхности холма остатки каменной обкладки. Могильная яма перекрыта бревнами. Длина ямы 2,4 *м*, ширина 1,2 *м*, глубина 0,9 *м*. Костяк сохранился неполностью. Из находок следует отметить керамическую кружку и обломок миски.

Курган 10. Диаметр 17 *м*, высота 2,8 *м*. На поверхности местами прослеживается каменная кладка. Яма перекрыта бревнами. Длина могилы 3 *м*, ширина 2,4 *м*, глубина 1 *м*. Нижние участки стенок обожжены. Находок нет.

Курган 7. Диаметр 18 *м*, высота 2 *м*. Панцирная кладка сохранилась почти по всей поверхности. Остатки истлевшего дерева на уровне дневной поверхности свидетельствуют о характере перекрытия могильных ям — под насыпью обнаружено две могилы. Длина первой 3,2 *м*, ширина 1,3 *м*, глубина 1,35 *м*. В ней найдены обломки керамического сосуда. Вторая могила, длиной 2,6 *м*, шириной 1,5 *м*, глубиной 1,1 *м*, в северной стенке имела нишу. Здесь обнаружены фрагменты керамического сосуда и золотая серьга с подвеской.

Курган 2. Диаметр его 17 *м*, высота 1,68 *м*. Во многих местах поверхности холма виден панцирь. Размеры могильной ямы: длина 3,4 *м*, ширина 2,7 *м*, глубина 1,4 *м*. Из числа находок необходимо отметить осколки керамических сосудов и свыше двух десятков различных по форме бляшек из золотой фольги.

Вскрытые захоронения в принципе однотипны. Они совершены в грунтовых ямах, ориентированных по запад—восток. Причем ямы несколько своеобразны: наряду с узкими и продолговатыми встречаются подквадратные. Под одной из продолговатых насыпей удалось обнаружить две могильные ямы. Они синхронны.

Положение костяков нарушено почти во всех могилах, однако удалось установить, что погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Ямы были перекрыты бревнами. Несколько ям имели обгорелые края. «Участие» огня в погребальном обряде (трупосожжений, как будто, нет) является косвенным подтверждением то-

го, что носители данной культуры исповедовали зороастрийскую религию[1].

Керамическая посуда была представлена пятью целыми формами и шестью фрагментами. Эта небольшая коллекция синхронна керамике из могильника Кечу. По-видимому, традиции керамического производства в целом были весьма устойчивыми уже в те отдаленные времена.

Бусы двух типов: 1-й — в форме параллелепипеда, 2-й — почти плоские, с незначительно выпуклыми поверхностями. Материал — камень и хрусталь.

Серьги и подвески. Серьги золотые, гнутые, из проволоки, они подобны серьгам из могильника Кечу. На одной из них две подвески-бисеринки. Найдена также ажурная с глубокорельефным орнаментом подвеска, по-видимому, с пастовыми вставками. Основа изделия золотая. К ней подвешены миндалевидные с продольными гофрами цветные стеклянные подвески. Стекло с фиолетовым оттенком. Сохранилась лишь одна подвеска вместо трех.

Бляшки из золотой фольги: 1) круглые, нашивные, разных размеров (рис. 5); 2) прямоугольные удлиненные с поперечными гофрами, также нашивные; 3) сложнофигурные в виде треугольников, запятых, в форме сапожка и т. д.

Необходимо отметить, что некоторые бляшки, в частности, гофрированные, выполнены на бронзовой основе.

Золотое навершие булавки по форме подобно аналогичному предмету из могильника Кечу, только меньших размеров.

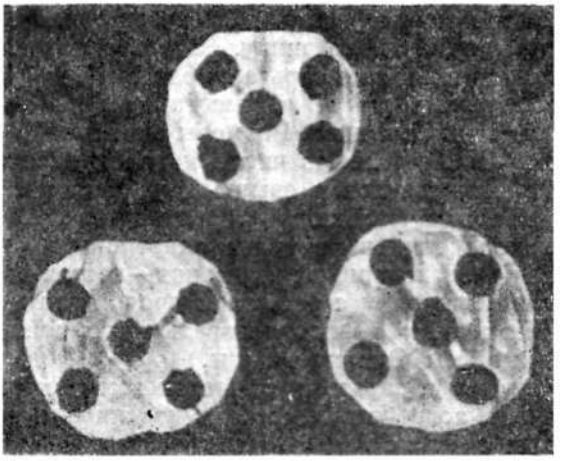

Рис. 5.

[1] О верованиях сакских племен см.: Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 132—155.

Золотой накосник в виде шарика с раструбом, нанизан на стержень из бронзы. Возможно, это не накосник, а заколка, и тогда шарик служил навершием, а стерженек — рабочей частью.

Обкладка ножен в виде сужающегося прямоугольника из листового железа. Может быть, это часть обкладки. Имеется и другой предмет из листового железа; судя по форме, тоже обкладка ножен, но меньших размеров.

Изображение птицы выгравировано на круглой пластине из листового золота. Птица имеет хищный клюв, изогнутую шею и очень пышный хохолок. Перья хвоста и крыльев подбиты довольно четко. С помощью пяти отверстий пластина крепилась, скорее всего, к одежде. Изображения птиц в древнем искусстве распространены довольно широко, хотя точных аналогий в близком по времени материале обнаружить не удалось.

Антропоморфное изображение оттиснуто на золотой пластине. Фигура погрудная, подана в профиль. Прекрасно просматриваются прическа, головной, убор, одежда, украшения, тип лица. В левой руке — светильник с пылающим огнем. По всей вероятности, здесь зафиксирован момент зороастрийского культа. Выше говорилось о возможном использовании огня в погребальном обряде. История культурного анализа описываемой находки является предметом специального исследования.

Могильник Ак-Сенир является памятником, относящимся к катакомбной культуре. Расположен на высокой террасе адыра, на правом берегу р. Чичкан, в 3 *км* выше старого пос. Токтогул. Могильник занимает наклонную площадку. Весь изрыт в результате переноса поздних кладбищ. Сейчас по совокупности признаков можно восстановить наличие 99 курганов, но раньше их было намного больше.

Оставшиеся курганы разной величины и расположены бессистемно. Подавляющее большинство их имеет западины — следы грабительского лаза. Насыпи в плане почти круглые, лёссовые, иногда каменно-земляные.

Обычно со стороны удлиненной части холма начинается дромос, который, углубляясь, переходит в катакомбу. Последняя расположена перпендикулярно к оси дромоса. Катакомбы небольшие. В могильнике раскопано 13 курганов, давших материалы, аналогичные материалам, полученным в результате многолетних раскопок И. Кожомбердиева в долине Кетмень-Тюбе.

А. К. Абетеков, И. Кожомбердиев,
В. П. Мокрынин

Памятники тюркского времени

Памятники кочевников раннего средневековья в долине Кетмень-Тюбе немногочисленны. Несмотря на достаточно хорошую изученность региона в археологическом отношении, к рассматриваемому времени в настоящий момент можно отнести лишь два погребения, вскрытых в разных могильниках, и два каменных изваяния.

Могильник Джаныш-Булак. Курган 8 расположен обособленно в юго-западной стороне могильника. Намогильное сооружение представляет собой округлую каменную выкладку диаметром 6 *м* и высотой 0,5 *м*. В северной части она разомкнута. Внутри выкладки оконтурилась овальная в плане могильная яма, ориентированная по линии запад—восток. Размеры ее 1,2×2 *м*. На глубине 2,3 *м* у северной стенки ямы были зачищены разрозненные кости скелета мужчины 45—50 лет. По костям in situ, можно полагать, что погребенный лежал головой на восток. Правая нога его была серьезно повреждена еще при жизни[1]. Вдоль южной стенки покоился скелет лошади в скорченном положении, головой на запад. Курган ограблен в древности.

В засыпи могильной ямы на глубине 0,8 *м* найдена прямоугольная бляшка из золотой фольги на бронзовой основе. Она орнаментирована четырьмя стилизованными веточками, расходящимися от центра к углам. В разных местах могильной ямы обнаружены: обломок железного ножа, фрагмент железного стремени с широкой подножкой, астрагал барана со стертыми краями, части костяных и медных пластинок неясного назначения.

Могильник Теке-Таш. Курган 13 расположен в южной части могильника. Насыпь каменно-земляная, округлая в плане, диаметром 3 *м*, высотой 0,2 *м*. По основанию выкладка из более крупных камней, частично нарушенная. Под насыпью прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии восток—запад. Размеры ее 1,1×2,2 *м*. Засыпь лёссово-щебенчатая. На глубине 0,9 *м* покоился скелет коня на животе, грудью на запад, голова его повернута назад, ноги подогнуты. Между челюстями скелета очень плохой сохранности находились железные однокольчатые удила с S-образными псалиями; с северной стороны около

[1] См.: З. Б. Альтман. Палеопатологические исследования костных материалов из древних могильников. В настоящем сборнике.

середины спины — железное стремя с плоской подножкой и с прямоугольной прорезью на плоском щитке с тонкой шейкой. Между ребрами железная подпрямоугольная пряжка с подвижным язычком, закрепленном на одной из коротких сторон.

Каменные изваяния. Найдены в урочищах северной части долины Кетмень-Тюбе[1]. Одно изваяние обнаружено при пахоте в верховьях р. Торкен в местности Кишен-Сай. На удлиненном валуне серого гранита выбито лицо мужчины со сросшимися бровями и пышными, подкрученными вверх усами. Нижняя врезная линия передает овал окладистой бороды. Той же техникой подчеркнут головной убор. Черты лица даны в невысоком рельефе. Несмотря на примитивность художественного исполнения, лицо весьма выразительно. Это достигнуто редким приемом изображения личины подобного рода — на глазных яблоках углублением переданы зрачки. Изваяние хранится в средней школе с. Торкен (рис. 1).

Второе изваяние найдено на западной окраине поселка Ак-Беит в арыке, выведенном из р. Бала-Чичкан. Оно представляет собой удлиненный валун розового крупнозернистого гранита. На нем узкими бо-

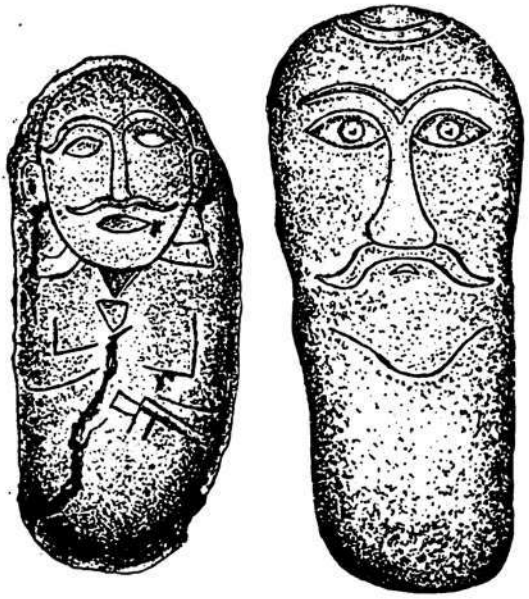

Рис. 1. Каменные изваяния из ущелья Чичкан и Кишен-Сай.

[1] В. Мокрынин. Первые находки древнетюркских каменных изваяний в Кетмень-Тюбе. АО 1969 года. М., 1970, стр. 209—300.

роздками выбито изображение мужчины. Брови представляют собой непрерывную волнообразную линию. Концы их слегка подняты к вискам. В правой руке, согнутой в локте, рюмкообразный сосуд. Кисть левой руки, также согнутой в локте, плохо различима. Под ней изображен кинжал (?) с перекрестием. Фигура облачена в кафтан с треугольными отворотами, рукава облегающие. Изваяние хранится в школе поселка Ак-Беит (рис. 1).

Описанные каменные изваяния, принадлежат к кругу хорошо изученных памятников подобного типа в Семиречье, Монголии, Туве и на Алтае. Они датируются VI—XI вв.[1]

Относительно точная датировка рассматриваемых курганов значительно затруднена прежде всего из-за малочисленности выявленных погребений и небольшого количества сопровождающего их инвентаря. Кроме того, хронологическая периодизация курганов тюркского времени в Киргизии находится в стадии разработки.

Наиболее характерными для раннего средневековья являются погребения с конем, которые распространены довольно широко в Казахстане, Южной Сибири, Монголии. Известны они и на территории Киргизии.

Некоторые исследователи считают, что широтная ориентация погребений с конем, подобная зафиксированной нами, является свидетельством их раннего происхождения. Меридиональная же ориентация — признак более поздних захоронений. Другие придерживаются противоположного мнения. В литературе высказывалась точка зрения, будто обе ориентировки погребений с конем синхронны и являются показателем не хронологического, а этнического порядка[2]. Мы считаем, что для датировки погребений с конем в Кетмень-Тюбе за основу следует брать вещественный материал.

Погребальный инвентарь из кургана 8 могильника Джаныш-Булак представлен в основном фрагментами. Показательным является наличие нижней части стремени. На Тянь-Шане раньше VI в. стремена были неизвестны. Золотая бляшка не может быть хронологически определяющей, так как техника изготовления и орнаментация подобных ей изделий уходят корнями в глубокую древность.

Инвентарь из кургана 13 могильника Теке-Таш более выразителен. Однокольчатые удила с S-образными псалиями, стремя с плоской подножкой и прямоугольной прорезью на площадке с узкой шейкой находят широкие аналогии: в Туве части конской сбруи такой же конструкции датируются VII—IX вв.[3], в могильнике Кудыргэ — VII—VIII вв.[4]

---

[1] Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966, стр. 39.
[2] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965, стр. 65.
[3] Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 20, 98, 103.
[4] А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., табл. XXXI, 54, 58.

В Прииртышье подобного типа удила и стремена бытовали в VII—IX вв.[1] Стремена с плоской подножкой и прямоугольной прорезью на площадке с узкой шейкой найдены в погребениях Чуйской долины VI—VIII вв.[2] Указанная хронология подтверждается стратиграфическими наблюдениями на городище Ак-Бешим, где в слое VIII—IX вв. обнаружены удила с S-образным псалием[3].

---

[1] Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). Сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100 и 101, 64, 74.
[2] Тр. САЭ «Чуйская долина», табл. 3.
[3] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЭЭ, М., 1959, т. II, стр. 215, рис. 44, *б*.

Т. П. Кияткина

Антропологические работы в долине Кетмень-Тюбе

Антропологические наблюдения над костным материалом в 1973 г. велись в отрядах, которыми руководили А. Абетеков, Д. Ф. Винник, И. Кожомбердиев и В. П. Мокрынин.

Исходя из данных о состоянии черепа, зубной системы и костяка, нами определялся пол и возраст погребенного. По мере возможности, визуально определялся расовый тип в пределах рас первого порядка.

Весь материал принят для хранения в фонды Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР и нуждается в реставрации. В статье дается краткая предварительная характеристика его по могильникам.

Могильник Кечу (правый берег р. Чичкан) состоит из трех цепочек курганов, тянущихся по линии север—юг. Относится к сакскому времени (VI—III вв. до н. э.). Различная величина насыпей свидетельствует о социальной дифференциации погребенных.

Было вскрыто 10 курганов. Захоронения совершались в грунтовых ямах, часто овальной формы. Размеры их: длина 3 *м*, ширина 2, глубина более 1 *м*. Ориентировка — восток—запад. Ямы перекрыты деревянными плахами. Погребенные лежали на спине, головой на запад.

Костный материал представлен очень мелкими осколками. Определение пола и возраста чрезвычайно затруднено.

К. 1 — женщина 50—55 лет.

К. 2 — взрослый человек 25—30 лет.

К. 3 — женщина около 40 лет.

К. 8 — молодой человек (до 30 лет).

К. 9 — женщина без признаков старения (до 50 лет).

К. 10 — младенец 1—1,5 лет.

Определенный нами пол был подтвержден погребальным инвентарем.

Могильник Джалпак-Таш датируется VI—III вв. до н. э. и связывается с раннекочевническими племенами сакского облика.

Костный материал получен из пяти курганов. Все погребения нарушены, нигде не сохранилось первоначального положения костяка. В погребении обычно находились и кости животных.

К. 2 — мужчина 50—60 лет.

К. 14 — мужчина 30—40 лет.

К. 15 — женщина 25—27 лет.

К. 16 — мужчина 25—30 лет. Судя по сохранившимся фрагментам лицевого скелета, тип европеоидный.

К. 17 — женщина 18—20 лет.

При знакомстве с костным материалом из могильников Кечу и Джалпак-Таш прежде всего обращают на себя внимание очень крупные, длинные, массивные кости мужчин и необычайно изящные, тонких очертаний кости женщин. Здесь уверенно можно говорить о ярком половом диморфизме.

Указание З. Б. Альтмана о наличии бруцеллезного заболевания (к. 14) подтверждает предположение археологов о скотоводческом типе хозяйства племен, оставивших курганы. Косвенным свидетельством этого является, видимо, и присутствие костей животных в каждом погребении.

Могильник Ак-Сенир датируется I—V вв. н. э. Раскопано 13 курганов.

Костный материал получен из восьми курганов:

К. 10 — 1) мужчина 60—65 лет. На черепе фиксируются следы деформации так называемого «гуннского» типа; 2) фрагменты черепа мужчины 25—30 лет.

К. 27 — под стеной в полном беспорядке лежали кости мужчины и женщины. Мужчина 25—30 лет. На черепе явственна деформация гуннского типа. Очевидны монголоидные признаки. Женщина 25—30 лет. Череп деформирован.

К. 38 — мужчина 40—45 лет.

К. 45 — женщина 45—50 лет.

К. 47 — костяк лежал в камере на спине, головой на запад. Здесь же находились и кости животных. Захороненный — мужчина 50—55 лет. Череп деформирован. Очевидны монголоидные признаки.

К. 71 — женщина 40—50 лет.

К. 76 — парное погребение — мужчина и женщина. Мужчина 55—60 лет. Череп деформирован; явственна монголоидная примесь. Женщина 45—50 лет. Череп деформирован.

Итак, 1) в могильнике Ак-Сенир фиксируются наряду с одиночными парные разнополые (к. 27 и к. 76) и парные однополые (к. 10) захоронения; 2) половой диморфизм выражен отчетливо; 3) на всех черепах прослеживаются следы кольцевой деформации гуннского типа; 4) в той или иной степени видны монголоидные признаки; 5) все курганы потревожены грабителями, костяки нарушены; 6) лишь в одном (к. 47) погребении непотревоженный костяк лежал в деревянной раме-гробу; 7) во многих могилах находились и кости животных.

Могильник Ничке I (I—V вв. н. э.). Погребения совершались в катакомбах.

К. 1 — парное погребение. Погребенные лежали головой на запад. Мужчина 50—60 лет. Женщина 35—40 лет. Деформации на черепах не отмечается. Половой диморфизм выражен четко.

К. 2 — в катакомбе одиночное погребение ребенка 3 лет. Он лежал головой на запад. Прослеживается налет монголоидности.

К. 3 — одиночное погребение женщины (более 60 лет).

Могильник Джаныш-Булак находится на левобережье Нарына, на верхней надпойменной террасе. Выделено два, видимо, хронологически различных могильника — I и II. Датируются широко — III — VI — VIII вв. н. э.

Более ранний могильник — **Джаныш-Булак I.** Просмотрен костный материал 14 курганов. Из-за плохой сохранности костяков не всегда удавалось проследить половозрастную характеристику погребенных. Захоронения одиночные. В трех курганах погребенные лежали на спине, головой на запад. Во всех остальных — фрагменты плохо сохранившихся костей были разбросаны. Удалось определить пол 11 погребенных (8 мужчин и 3 женщины). Все погребенные — взрослые люди, детских захоронений нет. Возраст погребенных определен в 12 случаях: он колебался в пределах от 25—30 лет до 60—65 лет. В кургане 28 покоился скелет мужчины 25—30 лет европеоидного типа.

Джаныш-Булак II. Костный материал получен из трех курганов.

К. 8 — в яме головой на запад лежал скелет лошади. Под северной стеной головой на восток (судя по сохранившимся костям левой голени) покоился мужчина. Определение возраста затруднено из-за несоответствия состояния зубной системы полностью облитерированным швам черепа и сильно стертым суставным поверхностям. В практике чаще встречается положение, при котором по состоянию зубов возраст представляется значительно старше, чем он определяется по швам черепа. В данном случае, быть может, мы имеем дело с какой-либо патологией в процессе изнашивания скелета, облитерации швов и пр. Состояние зубной системы позволяет установить возраст погребенного в 30—35 лет. Стертые суставные поверхности свидетельствуют о возрасте около 50 лет. Полностью облитерированные швы черепа и полное слияние чешуи височной кости с теменными костями говорят либо о весьма преклонном возрасте погребенного, либо о каком-либо патологическом процессе.

Очень массивные, широкие кости рисуют нам физически развитого, крепкого, атлетического сложения человека. Расовый тип смешанный.

К. 10. В подбое головой на восток, на спине, лежал скелет взрослой женщины. Возраст не определен.

К. 11. Могила 1. Скелет покоился на спине, головой на восток. Пол — мужской. Возраст 25—35 лет. Черепная коробка не деформирована. Расовый тип европеоидный.

Могила 2. Это отдельное погребение в виде кольцевой оградки, находится очень близко от основной насыпи. Костяк ребенка 1,5—2 лет лежал на правом боку, скорченный, головой на восток. Рядом найден обломок железного предмета.

Отряд под руководством И. Кожомбердиева раскопал 2 могильника.

Акчий-Карасу. Внешне могильник представляет бессистемно расположенные очень большие насыпные курганы. И. Кожомбердиев да-

тирует его сакским временем — VI—III вв. до н. э. Захоронения совершались в ямах подпрямоугольной формы.

Погребения одиночные. Состояние костей очень плохое, краниологический материал не сохранился, о расовом типе погребенных говорить нельзя.

Антропологические данные приводятся по следующим курганам:

К. 3. Молодой человек. Пол не определен.

К. 5. Женщина 25—30 лет.

К. 6. Мужчина (?) в возрасте до 30 лет. Череп не деформирован.

К. 7. Мужчина 22—25 лет. Кости очень массивные, длинные.

К. 8. Взрослый человек.

К. 9. Взрослый человек без признаков старения (до 45—50 лет).

К. 11. Женщина, около 20 лет.

К. 12. Взрослый человек.

К. 13. Взрослый, без признаков старения. Найдена кость животного.

К. 14. Взрослый, без признаков старения. Найден фрагмент деформированной чешуи затылочной кости.

К. 16. Взрослый человек.

К. 17. Взрослый. Мужчина (?).

К. 18. Взрослая женщина.

К. 19. Взрослый (?) человек.

К. 20. Мужчина 25—30 лет. Фиксируется боковой кариес в одном из сохранившихся моляров.

К. 21. Костяк лежал на спине, головой на запад. Левая рука согнута в локте, кисть покоилась в области живота. Правая рука и ноги вытянуты. Мужчина 22—25 лет.

К. 24. Мужчина 45—50 лет.

Как видно из вышеизложенного, курганы представляют собой захоронения только взрослых. Погребений детей не обнаружено.

Пол определен в девяти случаях — у 6 мужчин и 3 женщин. Возраст — у 5 мужчин и 2 женщин. Он колебался в пределах от 20 до 50 лет. Костяки без признаков старения. Иными словами, среди 17 погребенных не обнаружено ни одного старого человека. Четверо мужчин были в возрасте до 30 лет, две женщины — 20 и 30 лет. Во всяком случае, можно полагать, что треть мужчин и женщин умирали, не дожив до 30 лет.

Акчий-Карасу. Могильник катакомбный, I—V вв. н. э. Все погребения ограблены, кости разбросаны по камере. Лишь в некоторых случаях удалось установить первоначальное положение погребенных.

Катакомба 1. Парное захоронение — мужчина и женщина. Возраст мужчины не определен. Признаков старения на костях не отмечено (до 40—45 лет). Женщина 30—40 лет. Череп имеет кольцевую деформацию. Расовый тип смешанный. Большая доля монголоидности.

Катакомба 2. Парное разнополое захоронение. Возраст погребенных установить не удалось. Признаков старения на костях не обнаружено.

Катакомба 3. Все кости разбросаны. Судя по сохранившимся фрагментам, здесь было парное разнополое захоронение. Возраст мужчины определяется ориентировочно по отдельным костям скелета — 35 лет. На костях женского скелета признаков старения также не отмечается. В катакомбе обнаружены и кости животных.

Катакомба 4. Погребение нарушено, много разбросанных костей (при их разборе были найдены небольшие фрагменты обожженных костей). Извлеченный из камеры костный материал был представлен в следующем виде:

1) Левая плечевая, две лучевых, головка правой плечевой, почти полный таз, рукоятка грудины, отдельные позвонки — необгоревшие — выглядят фрагментами костяка молодого мужчины.

2) Череп молодого мужчины. Деформирован, деформация круговая, гуннского типа. По состоянию зубной системы возраст определен в 25 лет. Явны следы монголоидной примеси.

3) Женский череп. Возраст, судя по швам черепа, зубам — до 30 лет. Череп деформирован так же, как и мужской. Явны следы монголоидной примеси.

4) Две плечевые кости, правые локтевая и лучевая, левая бедренная и правая большая берцовая, ключица, позвонки. Судя по останкам, скелет принадлежал женщине 50—60 лет.

Кроме этих черепов и костей скелета в катакомбе найдено много обожженных костей. Черепов со следами обгорелости не было, однако есть обожженные фрагменты нижних челюстей. Они «самостоятельные» и «не подходят» ни к молодому мужчине, ни к женщине 50—60 лет. Челюстей три.

Таким образом, судя по сохранившемуся костному материалу, в катакомбе находились:

1) костяк и череп мужчины 25 лет; 2) череп женщины (до 30 лет); 3) женский костяк (50—60 лет); 4) обожженные кости мужского костяка; 5) три нижние челюсти, обожженные, две из них женские, одна — мужская. Судя по зубам, они принадлежали пожилым людям.

Все обожженные кости и нижние челюсти лежали отдельно друг от друга под южной стенкой катакомбы. Остальные кости были разбросаны. Определить первоначальное положение костяков не представилось возможным.

Катакомба 5. Парное разнополое захоронение. Погребенные лежали головами на северо-запад. Оба черепа деформированы, деформация круговая, гуннского типа. Судя по состоянию зубной системы, швов и суставных поверхностей костей, возраст мужчины 25—30 лет, женщины — 30—35 лет.

Катакомба 6. Погребение парное. У стены, противоположной входу, лежал костяк на спине, ноги согнуты в коленях, головой на северо-запад. Судя по черепу, погребенной была 17—19-летняя женщина. Ближе к входу лежали кости и обломки черепа ребенка 8—10 лет. Однако в куче костей найдено три эпистрофея. Один принадлежал моло-

дому человеку. Кроме эпистрофея, костей третьего скелета нет. Найденные кости принадлежали двум костякам (детскому и юношескому).

Катакомба 7. В западной части камеры два черепа — мужчины и женщины. Оба черепа деформированы. Возраст мужчины определяется в 40—45 лет, женщины — в 40 лет.

Катакомба 8. Парное разнополое захоронение. Кости в беспорядке. Скелет мужчины полный. Череп крупный, не деформированный. Явственна монголоидная примесь. По состоянию зубной системы, швов черепа и суставным поверхностям костей возраст определяется в 45—50 лет.

Женский костяк сохранился также полностью, череп фрагментарный. Лобная кость резко уплощена, видимо, деформация кольцевая, гуннского типа. Возраст — 25—30 лет. Половой диморфизм выражен ярко.

Катакомба 9. Кости в беспорядке. Захоронение одиночное, взрослого человека.

Катакомба 11. В камере масса разбросанных костей. Захоронение множественное: 1) Мужчина 50—60 лет; череп деформирован. 2) Мужчина 40—45 лет; черепная коробка деформирована. 3) Юная женщина 17—18 лет; череп не сохранился. 4) Подросток 11 лет; черепная коробка деформирована.

Катакомба 12. В камере беспорядочный наброс из множества костей. При разборке их выяснилось, что здесь было парное захоронение: мужчина 25—30 лет и женщина 20—22 лет. Женский череп деформирован (деформация кольцевая), по типу близок всем известным из катакомб черепам.

Здесь следует особо остановиться на мужском захоронении. Череп обращает на себя внимание своими размерами, конфигурацией, строением лица, отсутствием деформации. Поражает его необычайная морфологическая близость к черепу из кургана 8 могильника Джаныш-Булак II. Морфологическое сходство отнюдь не означает (или далеко не всегда означает) родство, генетическую близость, общность происхождения. Поэтому автор настоящей статьи не может говорить о «принадлежности» мужчины из катакомбы 12 и мужчины из погребения с конем (могильник Джаныш-Булак II, к. 8) к одной этнической группе. Однако следует иметь в виду это поразительное морфологическое сходство, это явное «выпадение» физического облика мужчины катакомбы 12 из очень определенного, повсеместно фиксируемого антропологического типа людей из катакомбных могильников гуннского времени — этого смешанного, или смягченного примесью монголоидных черт основного европеоидного типа.

З. Б. Альтман

Палеопатологические исследования костных материалов из древних могильников

Исследованы останки людей из могильников, раскопанных летом 1973 г. в разных местах долины Кетмень-Тюбе. Могильники разновременны (первая половина I тыс. до н. э. — VIII—X вв. н. э.), о чем свидетельствует их устройство и характер захоронений. Кости человека сохранились плохо, по-видимому, из-за природных особенностей. Кроме того, почти все могилы были подвергнуты ограблению еще современниками, что отразилось на анатомическом порядке скелета и целостности костей. В некоторых могилах из-за плохой сохранности скелета было затруднено или даже невозможно определение пола и возраста погребенного.

Костный материал обнаружен в 84 могилах, где было захоронено 108 человек. Останки осматривались на месте, затем тщательно изучались вне погребальных камер. Антропологическая характеристика материала дана в статье Т. П. Кияткиной в настоящем сборнике. В ней приводится описание только 15 случаев патологических изменений, обнаруженных на 13 костяках.

1. Изменения челюстно-лицевой области — 7 человек
2. Последствия травмы — 5 »
3. Изменения, вызванные инфекционным фактором — 2 »
4. Новообразования — 1 »

Изменения челюстно-лицевой области сводились к хорошо известным и подробно описанным в медицинской и палеопатологической литературе кариесу зубов, парадонтозу, остеомиелиту челюстей, атрофии альвеолярного края челюстей на ограниченном участке или на всем протяжении.

Наибольший интерес представляли изменения, обнаруженные на скелете мужчины 25—35 лет (могильник Джаныш-Булак II, курган 21, могила 1). Весь альвеолярный край верхней челюсти атрофирован, что могло произойти только при многолетнем отсутствии зубов. Следов каких-либо деструктивных изменений, обусловленных активно протекавшим воспалительным процессом, не выявлено. Слева на верхней челюсти зубы сохранены, однако резко выражена стертость коронок их в косом направлении, что характеризует длительно существующее грубое нарушение прикуса. Безусловно, это должно было сказаться на состоянии височно-челюстного сустава. При изучении обеих впадин для

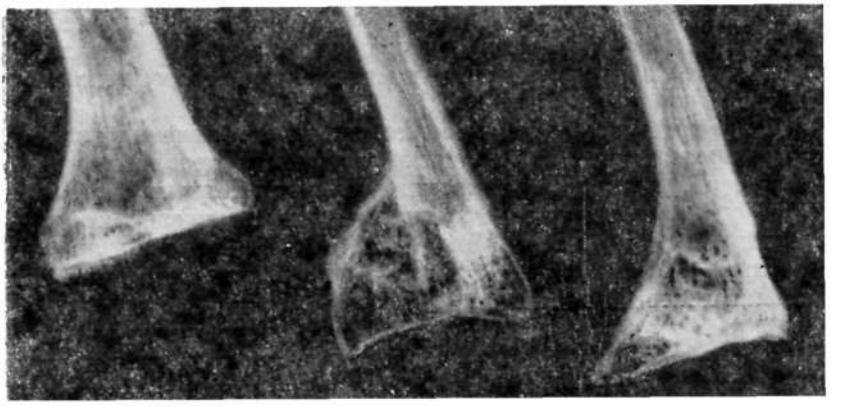

Рис. 1.

суставных головок нижней челюсти отмечено уплощение суставных бугорков, особенно справа. Кпереди от правого суставного бугорка на височной кости имеется шероховатость от трения перемещающейся головки нижней челюсти. Такая избыточная, патологическая подвижность нижней челюсти приводит вначале к вправляющимся (привычным), а затем и невправляющимся подвывихам и вывихам. У таких людей, естественно, развивается асимметрия лица, затрудняется акт жевания, появляется дизартикуляция речи и слюнотечение.

Последствия травмы обнаружены на костях 5 человек. Три случая травмы зарегистрировано в катакомбном могильнике Акчий-Карасу, где погребено было 29 человек. Относительная частота травм в этом могильнике при сравнении их в других могильниках объясняется только лучшей сохранностью костей и полнотой скелетов.

Наблюдение 1. Могильник Джалпак-Таш, курган 15. Хорошо заживший перелом правой лучевой кости в типичном месте без значительной деформации у женщины 25—27 лет представляет собой вариант одной из самых обычных бытовых травм.

Наблюдение 2. Могильник Акчий-Карасу, катакомба 1. При осмотре костей женщины, прожившей 30—40 лет, выявлена деформация II—III-плюсневых костей правой стопы ближе к их основанию. Кости утолщены, поверхность их неровная, суставная площадка шероховатая. На рентгенограммах костей (рис. 1) отчетливо видны плоскости переломов и смещение отломков. Таким образом, имелся заживший внутрисуставной перелом основания II—III-плюсневых костей с последующим развитием деформирующего артроза в суставе Лисфранка и массивных обызвествлений мягких тканей, окружающих место перелома.

Повреждения этой области могут быть только следствием непосредственного воздействия силы: падение тяжести на тыл стопы, сдавление стопы колесом или копытом лошади.

Наблюдение 3. Могильник Акчий-Карасу, катакомба 8. Погребенный мужчина 45—50 лет имел переломы двух ребер справа по передне-

подмышечной линии, перелом правой костевой кости в проксимальной трети диафиза и повреждение правого голеностопного сустава, закончившееся массивными окостенениями мягких тканей, особенно в области межберцового сочленения.

Наиболее тяжелым с точки зрения диагноза и лечения является повреждение предплечья. Перелом проксимального отдела диафиза локтевой кости, как правило, сопровождается выраженным смещением отломков и нередко сочетается с вывихом головки лучевой кости — так называемой переломо-вывих Монтеджиа. Вывих головки луча распознать трудно, а без вправления вывиха не удается правильно сопоставить отломки локтевой кости.

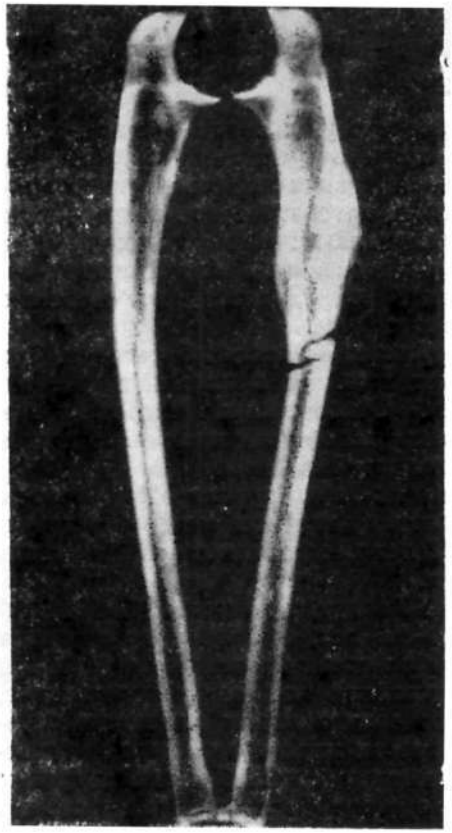

Рис. 2.

У древнего кочевника отломки стоят настолько хорошо, что практически отсутствует какая-либо деформация по оси или укорочение сломанной кости (рис. 2). Нет никаких признаков неблагополучия в локтевом суставе. Это наблюдение подтверждает высказанное при исследовании могильников Алайской долины мнение о достаточно высоком умении древних кочевников лечить повреждение костей и суставов[1].

Наблюдение 4. Могильник Акчий-Карасу, катакомба 12. На черепе мужчины 25—30 лет скуловая кость, верхняя челюсть слева и подносовой шип несут следы ранения. Характер костных дефектов свидетельствует о том, что удар мог быть нанесен только тонким и острым лезвием ножа. При этом мягкие ткани носа были отсечены полностью, на что указывают расположения точек повреждения кости и направление плоскости удара.

Наблюдение 5. Могильник Джаныш-Булак II, курган 8. Погребен мужчина в возрасте 50 лет. Широкие массивные кости с выраженным рельефом говорят об атлетическом телосложении и большой физической силе этого человека.

---

[1] Б. Альтман. Костная патология ранних кочевников Алая. Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968, стр. 73.

Средняя треть правой бедренной кости по передненаружной поверхности повреждена грубым треугольной формы выступом. При рентгенологическом исследовании было выявлено, что остеофит носит характер костной мозоли с преимущественно периостальным и в меньшей степени пароссальным компонентом на месте деформации кости (рис. 3). Мозоль имеет вид лоскута, острие которого направлено книзу.

Такое изменение могло явиться лишь следствием ранения бедра с повреждением надкостницы и поверхностных участков кортикального слоя. По направленности дефекта и характеру повреждения удар был нанесен с большой силой острым рубящим оружием снизу вверх. Наиболее вероятен стебельный удар пешего воина по всаднику.

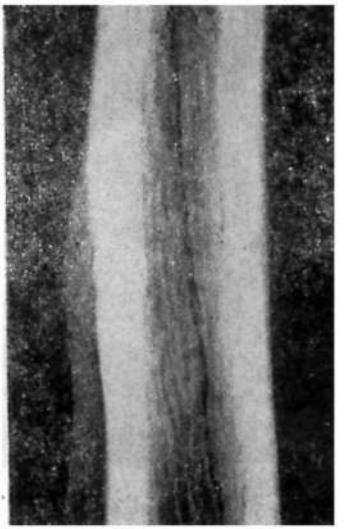

Рис. 3.

Изменения, вызванные инфекционным фактором

Наблюдение 1. Могильник Джаныш-Булак II, курган 11, могила 1. На черепе мужчины, умершего в возрасте между 25 и 35 годами, в области чешуи лобной кости имелась округлой формы костная бляшка размером 0,5 *см*. Такие изменения описаны как окостеневшие сифилитические гуммы.

Наблюдение 2. Могильник Джалпак-Таш, курган 14. Захоронен высокий, физически развитый мужчина, умерший в возрасте между 30 и 40 годами. Левая безымянная кость соединена с крестцом без признаков разрушения костной ткани вокруг крестцово-подвздошного сочленения. На рентгенограмме таза определяется отсутствие рентгеновской суставной щели и переход костных пластинок из одной кости в другую — полный широкий костный анкилоз. Окружающая сустав костная ткань склерозирована, внутрикостно расположенных участков деструкции нет. Таким образом, данные рентгенографии указывают на то, что человек перенес какой-то воспалительный процесс в крестцово-подвздошном сочленении (сакроилеит). Такие сакроилеиты, заканчивающиеся анкилозом без заметных разрушений костей, чаще вызываются бруцеллезом. Жизнь кочевника, постоянно связанная со скотом, не противоречит нашим предположениям.

Новообразования. Могильник Акчий-Карасу, катакомба 1. На одном из ребер, обнаруженных в парном захоронении, определялась

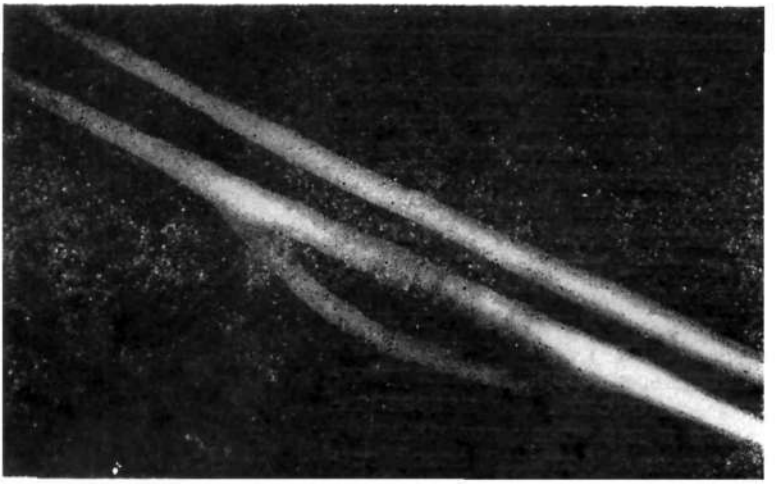

Рис. 4.

деформация, обусловленная костным образованием по передней поверхности ребра. На рентгенограмме видно, что образование тесно связано с ребром, имеет костную структуру и покрыто дополнительным кортикальным слоем. Основной кортикальный слой истончен на уровне образования (рис. 4), что характерно для остеомы, т. е. первичной опухоли костной ткани с доброкачественным течением.

Заканчивая описание патологических изменений, хочется привести слова замечательного ученого, основоположника отечественной палеопатологии, профессора Д. Г. Рохлина: «Найденная кость человека — не только символ смерти, как это нередко многими воспринимается. Являясь доказательством когда-то существовавшей жизни, кость как часть человека может что-то рассказать о его жизни». Да, теперь антропологи, остеологи, палеопатологи, вооруженные знаниями и современной аппаратурой, могут заставить кость рассказать не только о жизни одного человека, но и многое об обществе, в котором он жил.

Изменения, обнаруженные на костях древних кочевников в районе долины Кетмень-Тюбе, далеко не полностью отражают все то, что могло быть выявлено и изучено. Плохая сохранность скелетов не позволила этого сделать. Однако выявление и расшифровка даже отдельных случаев заболеваний и перенесенных травм, особенно с признаками лечения, позволяют расширить и углубить представления о жизни населения древнего Киргизстана.

М. Н. Лебель

Консервация археологических находок в полевых условиях

Важное значение для науки имеют не только раскопки памятника, но и непосредственная работа с археологическим материалом в полевых условиях. Зачастую найденные предметы рассыпаются еще при расчистке и только консервация, сопровождающая раскрытие предмета с нарушенной структурой материала, может сохранить его для подобного изучения. Поэтому в археологической экспедиции желательно иметь специалиста по консервации находок в полевых условиях.

В Кетмень-Тюбинской археологической экспедиции 1973 г. принимала участие старший реставратор Государственного Эрмитажа, автор настоящей статьи[1].

Всего камеральной обработке, консервации и реставрации, шифровке и упаковке было подвергнуто более 200 предметов. Ниже приводится перечень их.

	Консервация (очистка, пропитка), шт.	Реставрация (склеивание, дополнение), шт.
1. Бронза (пряжки, бусы, пояс, зеркала)	34	10
2. Железо (ножи, мечи, стрелы, кольчуги)	41	11
3. Серебро (пряжки, голова дракона, накладки)	8	3
4. Золото (серьги, рельефные накладки, бусы)	10	4
5. Камень (сурьматаши, бусы)	5	2
6. Керамика (горшки, чаши, кувшины)	81	68
7. Стекло (разноцветные бусы)	12	3
8. Дерево (остатки гробов)	20	5

[1] Кроме этого, автор принимала участие в раскопках могильника Алмалуу в Кетмень-Тюбинской долине в 1967 г.

9. Кость (накладки на лук и ножны)	20	9
10. Кожа (фрагменты ремней)	3	—
11. Ткань (остатки одежды, циновки)	2	2
Итого...	236	117

Описанные в данной статье примеры полевой обработки археологических находок могут быть приняты во внимание при подобных работах в будущем.

В экспедициях для полевой консервации как минимум следует иметь:

1) скальпели и ножи с бруском для заточки;
2) зубные щетки, щетинные кисти;
3) пинцет, шприц, шпатель;
4) несколько напильников и натфелей, наждачную бумагу;
5) вату, марлю, полиэтиленовую пленку;
6) антисептики: пентахлорфинолят натрия и тимол;
7) силикагель — средство, поддерживающее минимальную влажность при упаковке в полиэтиленовые мешки;
8) гипс для дополнения утраченных частей в керамических сосудах;
9) растворители (ацетон, спирт, ксилол, уайтспирт);
10) полибутилметилкрилат (ПБМА).

Раствор ПБМА в ксилоле (5—15%) благодаря низкой вязкости и медленному испарению способен проникать глубоко в поры материала, укрепляя его структуру. Ацетоновый раствор ПБМА (15—30%) из-за скорого испарения ацетона очень удобен для склеивания. Кроме того, хорошая адгезия, бесцветность и светостойкость выгодно отличают ПБМА от других клеющих материалов.

Но все же консервация археологических находок из металла в полевых условиях, хотя и способствует значительному сохранению их, в большинстве случаев не может заменить реставрационных работ в лаборатории. Металл, даже благополучный на вид, всегда нуждается в серьезной реставрации. Коррозия — главный враг металла. Она не прекращается, пока не удалены хлористые соли. Простейший способ удаления их — длительное вываривание в дистиллированной воде. Так как это в полевых условиях обычно невозможно, первичная консервация металлических изделий ограничивается очисткой от загрязнения при помощи жесткой щетки и удалением рыхлых продуктов коррозии. Если содержание хлористых солей не превышает допустимого, можно пропитать металл ксилольным раствором ПБМА. После просушки предметы помещают в полиэтиленовые мешки, куда для поддержания нужной влажности следует положить силикагель[1]. Зерна силикагеля окрашены кобальтом. Высушенные, они ярко-голубого цвета; впитывая вла-

[1] При этом металл не должен соприкасаться с силикагелем.

ту, становятся розовыми. Изменение цвета является показателем степени влажности.

В экспедиции 1973 г. полевой реставрации подвергалось около сотни археологических предметов из железа, бронзы, серебра, золота. Найденный при раскопках городища Акчий железный топор расслоился и распался на части, которые были очищены, склеены 25%-ным ацетоновым раствором ПБМА, глубокие лакуны заполнены мастикой.

Два бронзовых зеркала попали к реставратору в виде кучки мелких расслаивающихся обломков. С большим трудом удалось подобрать фрагменты, склеить их и определить первоначальный размер и форму.

Голова дракона, сделанная из двух пластинок серебра, чеканенных по деревянному основанию и скрепленных по шву серебряными гвоздями, была найдена в одной из катакомб могильника Акчий-Карасу. Деревянная основа вместе с серебром была закреплена 7—10%-ным ксилольным раствором ПБМА.

Золотые предметы сохраняются лучше и обычно не требуют консервации. Их достаточно промыть спиртом. Так были очищены золотые серьги, украшенные зернью и шлифованными рубинами. Выпавшие из гнезд камни подклеены 25%-ным ацетоновым раствором ПБМА.

Органические материалы сохраняются в земле плохо. В раскопках 1973 г. найдено много фрагментов досок от гроба, но из-за недостатка растворителей их не закрепляли. Другие изделия из дерева, видимо, не сохранились.

Изделия из кости, так же, как и из дерева, можно пропитать 7 — 10%-ным раствором ПБМА на ксилоле. Так были укреплены костяные накладки для лука из могильника Акчий-Карасу.

Находки из органического материала сразу же после извлечения нужно поместить в полиэтиленовые чехлы для замедления процесса сушки. Быстрое высыхание особенно на солнце коробит предмет и дает трещины.

Фрагменты кожи после высыхания становятся жесткими, сильно деформируются. Чтобы вернуть им прежний вид, их необходимо подвергнуть жированию. В полевых условиях это сделать невозможно. Поэтому кожу следует как можно быстрее завернуть в марлю, обрызгать раствором антисептика и поместить в полиэтиленовый мешок.

Остатки тканей, меха, циновок в виде комочков тлена или отпечатка на фрагментах досок гроба были найдены в раскопе катакомбных курганов могильника Акчий-Карасу. Остатки ткани были увлажнены смесью из спирта, воды и глицерина, расправлены, наклеены на бумагу. Для этой цели лучше было бы иметь специально приготовленные кусочки тюля для дублирования ткани и плоскую коробочку для упаковки. Ткань, сохранившаяся лишь в виде отпечатков тлена на дереве, закрепилась при пропитке самого дерева ксилольным раствором ПБМА.

Стекло обычно подвержено эрозии, т. е. оно расслаивается, между слоями и чешуйками попадает воздух, который делает стекло золотистым с переливами радужного спектра. Такое стекло очень непрочно и может рассыпаться в любой момент. Его нужно закрепить ксилольным

раствором ПБМА. Стеклянные сосуды при упаковке необходимо забинтовать пропитанными ацетоновым раствором ПБМА бинтами. Бусины из цветного стекла из могильника Акчий-Карасу были скреплены раствором ПБМА еще при расчистке в раскопе, бусина необработанная рассыпалась в песок.

Кроме стеклянных найдены бусы из хрусталя, сердолика, агата. Состояние их не требовало консервации. Но три сурьматаша, один из раскопок могильника Теке-Таш, два — из могильника Акчий-Карасу, расслоились. Мягкий камень типа шифера пришлось пропитать ксилольным раствором ПБМА и склеить ацетоновым раствором той же смолы.

Керамика — наиболее стойкий материал. Глиняные сосуды доходят до нас обычно в сравнительно хорошем состоянии. К сожалению, все курганы, раскопанные Кетмень-Тюбинской экспедицией 1973 г., были ограблены. Это явилось основной причиной того, что только несколько сосудов были найдены целыми. В основном сохранились одиночные черепки, а большинство чаш и кувшинов удалось собрать из обломков с большими или меньшими утратами.

Наиболее полно можно собрать из обломков раздавленный в могиле сосуд, если расчистить и разобрать черепки, пометить и склеить отдельные части на месте раскопа. Это намного облегчит в дальнейшем работу реставратора. При упаковке черепков нужно следить, чтобы не повредились их кромки, иначе сборка сосудов осложняется, и внешний вид швов склейки ухудшается.

На сосудах с росписью краску необходимо закрепить сразу же после раскрытия, иначе она может осыпаться. Чаша, найденная в раскопе одного из курганов могильника Теке-Таш, сохранила остатки фрагмента, нанесенного красной краской. Красочный слой был закреплен 7%-ным ацетоновым раствором ПБМА. Таким же способом можно закрепить росписи на штукатурке, дереве, лёссовой скульптуре, пользуясь растворами ПБМА на ацетоне, ксилоле или их смеси в зависимости от сохранности и структуры обрабатываемого материала.

И. Кожомбердиев

Материалы для археологической карты Кетмень-Тюбинской котловины

На территории Кетмень-Тюбинской котловины выявлено огромное количество памятников различных исторических эпох. Значительное число их попадает в зону затопления Токтогульского водохранилища и будет безвозвратно утеряно для науки. Но на большинстве могильников и поселений будущего бассейна водохранилища проводились раскопки, в результате которых был получен богатый материал, характеризующий культуру племен, населявших Кетмень-Тюбе в далеком прошлом. Кратким итогам разведочного обследования археологических памятников указанного района и посвящена настоящая публикация.

Памятники левобережья р. Нарын

Могильник Чырак-Булак. Расположен под перевалом Кок-Бель. Представлен земляными курганами диаметром 15—50 *м*, высотой 1—4 *м*. В ряде случаев насыпи покрыты камнями. Более 60 курганов составляют цепочку, ориентированную с севера на юг. Могильник обследован в 1963—1964 гг. И. Кожомбердиевым. В 1973 г. раскопки производились А. Абетековым и В. П. Мокрыниным. По конструкции могильных ям и фрагментам глиняных сосудов могильник датируется VI—III вв. до н. э.

В полутора километрах к востоку от Чырак-Булака отмечены цепочки курганов. Недалеко от них Н. Г. Галочкиной в 1973 г. выявлены каменные оградки эпохи бронзы. Раскопки не производились.

Могильник Джазы-Кечу находится в 3—4 *км* к востоку от Чырак-Булака, в предгорной широкой полосе под перевалом Кок-Бель. Это огромное курганное поле, тянущееся в разных направлениях на 1,5—2 *км*. В могильнике насчитывается более 300 курганных насыпей, расположенных бессистемно или цепочкой. Вокруг некоторых курганов четко прослеживается кольцевая выкладка из крупных камней. Курганные насыпи уплощенно-сферической формы, иногда встречаются каменные оградки, едва заметные на поверхности дневного горизонта. Высота насыпей 0,3—2 *м* при диаметре 5—15 *м*.

Могильник обследован в 1957 г. П. Н. Кожемяко. Раскопан один курган. В 1968—1970 гг. изучение объекта было продолжено Н. Г. Галочкиной. В 1972—1973 гг. вновь подвергнуты исследованию оградки

эпохи бронзы и курганы сакского периода (Н. Г. Галочкина и И. Кожомбердиев). Основной погребальный инвентарь — глиняные сосуды и бронзовые украшения.

Могильник Байыш-Булак. Расположен в 4—5 *км* к востоку от могильника Джазы-Кечу. Насчитывает более двух десятков земляных курганов диаметром 6—12 *м*, высотой до 1 *м*. В 1958 г. И. Кожомбердиевым раскопано два катакомбных и одно подбойное захоронение. Датируется I—V вв. н. э. Возле могильника имеются остатки средневекового поселения.

Могильник Джаныш-Булак. Расположен на террасе вблизи родника Джаныш-Булак, недалеко от могильника Байыш-Булак. На археологическую карту нанесен в 1963—1964 гг. Насчитывается более 50 курганов с каменной и земляной насыпью, диаметром 8—12 *м*, высотой до 1 *м*.

В 1973 г. могильник был подвергнут раскопочному археологическому изучению А. Абетековым. Вскрыто 26 курганов, которые дали около 60 глиняных сосудов. Могильник датируется III—I вв. до н. э. Среди раскопанных курганов одно захоронение с конем. Наличие в нем фрагментов железной и костяной пряжки позволяет датировать погребение VIII в.

Могильник Уч-Терек. Расположен в 4 *км* к юго-западу от пос. Уч-Терек на адыре. Состоит из двух больших цепочек, ориентированных с севера на юг. Всего насчитывается около 40 курганов, диаметром 10—30 *м*, высотой — 1—3 *м*. Курганы датируются сакским периодом. Нанесены на карту в 1963—1964 гг. Раскопки не производились.

Могильник Саргата. Находится у входа в ущелье Саргата на ровной площадке у дороги Уч-Терек — Озгоруш. В расположении курганов намечаются цепочки. Насчитывается более 25 курганов. Раскопки не производились.

Городище Уч-Терек расположено на территории пос. Кызыл-Уран, вблизи р. Нарын. Обследовано в 1957 г. П. Н. Кожемяко, а в 1968 г. Н. Г. Галочкиной. Датируется VIII—X вв.

Могильник Озгоруш. Находится в 30 *км* к юго-востоку от с. Уч-Терек. Курганы с земляной насыпью, расположены бессистемно на расстоянии 2—3 *м* один от другого. Местное население называет этот могильник Мин-Тобе. В настоящее время на площади могильника насчитывается более 400 насыпей диаметром до 40 *м* и высотой от 1 до 4 *м*. По сведениям местных жителей, при земляных работах были обнаружены арчовые доски, вероятно, от гроба. В 1966 г. И. Кожомбердиевым исследовано одно катакомбное захоронение. Датировка могильника I—V вв.

На территории Озгоруша кроме упомянутого могильника повсеместно встречаются курганы, вытянутые в цепочку. Однако они специальному изучению не подвергались. При строительных работах в 3-м отделении совхоза Уч-Терек студентами Ошского пединститута найдено 4 глиняных сосуда с округлым и уплощенным дном, относящихся к сакскому периоду.

Из средневековых поселений обращает на себя внимание городище Чалдывар, площадью 10—15 *га*. Здесь местные жители часто находят различные глиняные сосуды, жженые кирпичи. Раскопки не производились.

При слиянии рек Кара-Су — Конурогуз имеется торткуль под названием Кожобергендин-Коргону. Размер его 50—60 *м*. Раскопки не производились.

Местным жителям давно известна пещера Бартай-Ункур. Она находится в средней части ущелья Акжар, на левом берегу р. Кен-Тулук. Длина пещеры 18 *м*, ширина около 8 *м*, высота почти 9 *м*. По данным М. Юнусалиева, здесь располагалась стоянка первобытных людей.

Памятники правобережья р. Нарын

Правый берег Нарына характеризуется довольно ровной площадью с обширной территорией и многочисленными ущельями, простирающимися с запада на восток на десятки километров. Здесь собственно и сосредоточены основные археологические памятники различных археологических эпох.

Памятники междуречья Чичкан — Узун-Ахмат

В 1952 г. в урочище Шанек геологи нашли копьевидный небольшой кинжал и нож эпохи бронзы. По свидетельству агронома района Н. С. Ладушкина, в 1929 г. при рытье арыков Карасакал и Чон-Арык были найдены трехперые бронзовые наконечники стрел. Весьма обширно представлена сако-усуньская культура. Памятники этого типа группами встречаются по всему течению р. Узун-Ахмат, в урочище Беш-Таш, Кара-Кунгей, Ак-Тектир, Чолпон-Ата, Карасакал и Чон-Арык. Все могильники находились в непосредственной близости от населенных пунктов и зимовок кочевников. Последние, как правило, располагались в местах, удобных для водопоя. Берега р. Узун-Ахмат имеют пологий спуск. Все курганы с каменно-земляными насыпями различного диаметра и высоты. По основанию насыпи встречаются каменные кольца (кромлехи). Многочисленность курганов свидетельствует о долговременном пребывании племен в этих местах.

Памятники сако-усуньского времени довольно компактно представлены также в центре Токтогульского совхоза. Среди местного населения они именуются Мин-Тобе — «тысяча холмов». Многие из них распаханы.

Раскопкам были подвергнуты следующие могильники.

Джалпак-Таш. Находится у места слияния рек Нарын, Чичкан и Узун-Ахмат, напротив с. Алексеевки, на второй высокой правобережной террасе р. Узун-Ахмат. На археологическую карту нанесен в 1963—1964 гг. Насчитывает около 30 курганов диаметром 8—21 *м*, высотой 0,3—2,5 *м*, расположенных цепочкой. Большинство насыпей имеет панцирную кладку. Раскопано 8 курганов, которые дали наряду с глиняными сосудами (пять целых), многочисленные нашивные золотые бляшки, золотую круглую пластинку с рисунком хищной птицы и золотую пластинку с антропоморфным изображением человека. Фигура по-

грудная, дана в профиль, в левой руке — светильник с пылающим огнем. Курганы датируются VI—IV вв. до н. э.

Могильник Кечу находится на правом берегу р. Чичкан вблизи старого райцентра Токтогул. Насчитывает более 10 курганов диаметром 8—20 *м*, высотой 0,75—1,18 *м*, составляющих три цепочки, ориентированные с севера на юг. Большие курганы имеют остатки кромлехов и каменных панцирей. Раскопано 10 курганов. Основной погребальный инвентарь — глиняные сосуды и предметы украшения — золотые проволочные серьги с бирюзовыми подвесками, нашивные золотые бляшки различной формы и т. д. Датируется могильник VI—IV вв. до н. э.

Могильник Ак-Сенир. Расположен на высокой террасе, на правом берегу р. Чичкан, рядом с могильником Кечу. Курганы имеют земляные насыпи (иногда каменно-земляные), разбросаны бессистемно на огромной площади. В могильнике насчитывается более 100 курганов диаметром 7—15 *м*, высотой 0,7—1,5 *м*.

В 1973 г. исследовано 13 курганов с катакомбными захоронениями. Основной подъемный материал: глиняные сосуды (свыше 40 единиц, из них семь целых), железные наконечники стрел, ножи, каменные палочки, предметы ювелирного искусства, золотые бляшки, пластины, остатки маски из листового золота и золотая прямоугольная бляшка с инкрустацией и зернью. Датируются I—V вв. н. э.

Могильник Кайырма. Расположен к северу от с. Кайырма. Насчитывает более 50 курганов с земляной насыпью. Судя по внешнему виду, курганы относятся к типу катакомбных. Раскопки в трех курганах не дали возможности определить конструкцию погребения.

С севера от с. Кайырма, на склоне адыра, на самой высокой части террасы обнаружен огромный могильник, насчитывающий более 200 земляных насыпей. Курганы средней величины, расположены без определенной системы. Раскопки не производились. Другой могильник, насчитывающий около 200 земляных курганов, расположенных бессистемно, находится на правом берегу р. Чичкан, напротив с. Арал. Раскопки не производились. По внешнему виду оба могильника относятся к типу катакомбных.

Могильник Кара-Кунгей. Находится в верховьях р. Узун-Ахмат, недалеко от урочища Шанек. Местное население называет его Мин-Тобе. По словам очевидцев, курганы могильника составляют три группы и занимают огромную площадь. По внешнему виду относятся к типу катакомбных.

Сасык — место древнего водозаборного сооружения на самом адыре, к северу от старого центра Токтогул. При рытье колодца у родника на глубине 1 *м* обнаружено 10 керамических водопроводных труб. Длина каждой трубы 50 *см*.

Междуречье Чичкан-Торкен наиболее насыщено археологическими памятниками.

Арал — левобережье р. Чичкан, у места слияния ее с р. Бала-Чичкан. Во время строительных работ найдены резные обожженные глиня-

ные плитки и медные тарелки, относящиеся к X—XII вв. Возможно, здесь в то время существовало поселение. Вблизи Арала цепочка курганов (более 15), ориентированных по юг—север. Высота их от 1 до 2,5 *м*. Диаметр 10—30 *м*. Другая цепочка из 8 курганов тянется вдоль правого берега р. Бала-Чичкан. Раскопки одного из них дали железный нож, пять золотых нашивных бляшек. Датировка — IV—III вв. до н. э. Каменное изваяние обнаружено на левом берегу р. Бала-Чичкан у с. Эмгек. Изображен мужчина, в правой руке, согнутой в локте, рюмкообразный сосуд, левая опущена на кинжал с перекрестием. Датируется VI—VIII вв.

Торткуль Садыр расположен на правом берегу в верховьях р. Бала-Чичкан. На основании подъемного материала памятник датируется X—XII вв. Раскопки не производились.

Могильник Боз-Тектир находится на высокой ровной террасе, на правом берегу р. Бала-Чичкан. Состоит из трех групп курганов (около 40), расположенных в цепочки по направлению юг—север. Особо выделяется размерами курганов восточная цепочка. Диаметр их 25—45 *м*, высота 2—5 *м*. Могильник исследован Токтогульским археологическим отрядом в 1972 г. Раскопано 27 курганов. Все они оказались разграбленными. Несмотря на это, наряду с разнообразными глиняными сосудами (более 30) были обнаружены две круглые бронзовые бляхи с изображением голов тигров, стремявидные бронзовые удила, черешковый трехгранный наконечник стрелы и бронзовый предмет, имитирующий сложный лук в горите, ручка железного кинжала с антенным навершием. Могильник датируется VI—III вв. до н. э.

Могильник Атамбай. Расположен в верховьях р. Бала-Чичкан, на левом берегу, на склоне предгорья. Насчитывает около 15 курганов. В 1972 г. Токтогульским археологическим отрядом раскопано три больших кургана (диаметр 17—23 *м*, высота 2—4 *м*). Курганы разграблены. Найдены изображение сокола из листового золота, две золотые нашивные бляшки, бронзовая проколка, три округлые бронзовые бляшки и одна конусовидная пронизка от конской сбруи. Курганы датируются VI—IV вв. до н. э.

Могильник Ак-Беит — огромный курган, находится на левом берегу р. Бала-Чичкан. Насыпь его изрыта современным кладбищем. От него на юг идут цепочки курганов, которые местами сохранились на усадьбах колхозников. К востоку от него, в 500 *м*, едва прослеживается около 150 курганов с земляными насыпями. Внешне курганы относятся к типу катакомбных.

Могильник Сары-Джон расположен к востоку от с. Эмгек, на высокой террасе. Цепочка из 13 курганов ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Последние 6 курганов оказались погребениями с катакомбным захоронением. Большие курганы достигают в диаметре 21—23 *м*, в высоту 2,2—7 *м*. Курганы имеют круглые или четырехугольные кромлехи диаметром 30—40 *м* и каменные панцири. Могильник исследован в 1970 г. И. Кожомбердиевым. При раскопках обнаружены обломки глиняных сосудов, многочисленные золотые на-

шивные бляшки, золотая серьга с изображением двух соколов с инкрустацией и зернью и бусы из кристаллов пирита цилиндрических форм и др. Могильник датируется VI—IV вв. до н. э.

Недалеко от вышеописанного могильника, в 200 *м* к северо-западу, находится другой могильник, насчитывающий более 300 курганов с земляными насыпями. Курганы средней величины (диаметром 8—15 *м*, высотой 1—1,65 *м*) расположены весьма компактно, бессистемно. Раскопки не производились.

Могильник Кара-Каш находится на высокогорной террасе рядом с с. Кызыл-Туу, недалеко от современного райцентра Токтогул. Выделяется цепочка, состоящая из пяти курганов диаметром 30—40 *м*, высотой 4—6 *м*, со сплошным каменным покрытием и кромлехами. К северу от основной цепочки, как бы являясь ее продолжением, — другая цепочка из четырех курганов. В 1968 и 1970 гг. раскопочным изучением могильника занимался И. Кожомбердиев. Было вскрыто около 20 курганов, которые дали глиняные сосуды, многочисленные золотые нашивные бляшки и один брактеат из листового золота. Могильник датируется VI—III вв. до н. э.

Могильник Джал-Арык находится на территории нынешнего нового райцентра Токтогул. Назван по имени некогда проходившего вблизи огромного арыка. Курганы расположены компактно на ровной площади. Их насчитывается 616 с земляными насыпями. Высота 1—3 *м*, диаметр 6—25 *м*. В 1959, 1961, 1963—1964, 1968—1969 гг. могильник был подвергнут раскопочному изучению И. Кожомбердиевым. Вскрыто более 110 курганов с катакомбными захоронениями. Значительная часть курганов оказалась разграбленной. Многие из погребенных покоились в деревянных гробах. Основной материал составляли предметы вооружения: железные наконечники стрел, палаши, обломки меча, крючки от колчана, многочисленные фрагменты костяных накладок от лука, в числе их целые детали от сложного лука. Из предметов украшения найдены золотые серьги, перстни, бляшки с инкрустацией и зернью. В большом ассортименте представлены бусы: стеклянные, коралловые, янтарные, агатовые, а также разнообразные предметы быта. Уникален оригинальный стеклянный бокал. Могильник датируется I—VI вв.

Джал-Арык II находится на расстоянии 400 *м* от могильника Джал-Арык, на самом краю террасы. Курганы двумя группами тянутся вдоль всей террасы и занимают площадь длиной более 1,2 *км*, шириной 100—150 *м*. Курганы расположены компактно, но бессистемно вокруг цепочки из 15 больших курганов. Всего в могильнике насчитывается около 150 курганов, из них в 1963—1964 и 1968—1969 гг. раскопано 106.

В одних случаях это едва заметные курганы с одной или двумя кольцевыми выкладками, под которыми умершие покоились в небольших грунтовых ямах в вытянутом положении, головой на запад. В других — курганы весьма крупных размеров (диаметр 20—40 *м*, высота 2—4 *м*), с панцирным покрытием насыпей, с просторными могильными

сооружениями, перекрытыми накатом из толстых бревен. Наиболее массовым материалом является керамика (с округлым, уплощенным и плоским дном) лепная и изготовленная на гончарном круге. Из предметов вооружения найдены железный чекан с деревянной рукояткой и железным втоком, обломки меча, акинаки-кинжалы с различными перекрестиями и навершиями, более 10 бронзовых наконечников стрел, железные и бронзовые крючки от колчанов. Интересна скульптурная фигурка льва из листового золота, серебряная полукруглая бляха с изображениями коней-грифонов и расписной глиняный сосуд. Могильник может быть отнесен к VI—II вв. до н. э., он является пока самым богатым захоронением этого времени на территории Киргизии.

Могильник Кайрак — это как бы продолжение джал-арыкских курганов и расположен в 1 *км* к югу от них. В нем насчитывается 50 курганов. В 1970 г. И. Кожомбердиевым вскрыто 35. Погребенные лежали в грунтовых ямах, перекрытых иногда жердями. Наиболее массовым материалом является разнообразная керамика, лепная и сделанная на гончарном круге (чаши, миски, кувшины). Выделяются сосуды расписные и сосуд чернолощеный с вырезанными треугольниками. Из металлических предметов найдены фигурки золотого петушка и обломок бронзового зеркала с бортиком. Могильник датируется VI—III вв. до н. э.

Джал-Арыкское поселение. Расположено рядом с могильником Джал-Арык. Площадь 144 *кв. м.* Было исследовано в 1969—1970 гг. И. Кожомбердиевым и Н. Г. Галочкиной. Основные находки — обломки глиняных сосудов. Датируется XI—VIII вв. до н. э.

Курганы между селами Кызыл-Туу и Комсомол занимают пространство длиной 4 *км*, шириной 2 *км*. Насчитывается около 100 курганов. Раскопки не проводились.

Могильник Теке-Таш расположен на левом берегу р. Чичкан. Возвышенная терраса усеяна многочисленными курганами, многие из которых едва заметны, с одной или двумя кольцевыми выкладками. Умершие погребены в небольших грунтовых ямах. В 1973 г. могильник исследовался В. П. Мокрыниным. Было вскрыто 25 курганов. Среди раскопанных одна оградка относится к эпохе бронзы, один курган дал захоронение с конем тюркского времени, остальные курганы датируются IV в. до н. э.

Могильник Боз-Тобе находится на второй террасе р. Нарын, в 1 *км* к северу от могильника Акчий-Карасу. Он значительных размеров: с запада на восток тянется на расстояние до 1 *км* при ширине до 200—250 *м*. Всего насчитывается около 500 земляных насыпей, многие из них сильно уплощены. Курганы различного размера, большие достигают в диаметре 20—30 *м*, в высоту 2—3 *м*. В 1961 г. И. Кожомбердиевым было раскопано 10 курганов с катакомбными захоронениями, которые дали только глиняные сосуды. Могильник датируется I—V вв. К востоку от могильника зафиксировано много курганов, относящихся к сакскому периоду. Раскопки не производились.

Могильник Акчий-Карасу расположен на правом берегу р. Нарын, на ровном плато надпойменной террасы. Протяженность могильника около 4 *км* с запада на восток. В нем насчитывается более 150 курганов (диаметр их от 10 до 50 *м*, высота 1—5 *м*), сосредоточенных в трех группах—восточной, центральной и западной, отстоящих на некотором расстоянии одна от другой.

Могильник исследовался в 1958, 1962, 1965, 1972—1973 гг. И. Кожомбердиевым. Вскрыто 77 курганов, которые дали два разновременных погребальных комплекса. Восточная и западная группы курганов, расположенных в цепочках по юг—север, представили археологический материал, датируемый VI—III вв. до н. э. Наиболее уникальными находками являются реалистично штампованное изображение золотого тигра, золотая бляшка с инкрустацией и зернью, золотая лента с S-видным орнаментом, ручка железного кинжала с антенным навершием, немногочисленные сосуды с черным лощением и т. д.

Раскопки центральной группы вскрыли погребения с катакомбными захоронениями (порой длина дромоса достигала 10—16 *м*, глубина катакомбы от дневного уровня 5 *м*). Это часть могильника датируется первой половиной I тыс. н. э. Основной археологический материал составляют предметы вооружения: железные наконечники стрел, обломки меча, многочисленные остатки железных кольчуг и панцирей, фрагменты костяных накладок лука. Уникальны обломки стеклянных бокалов, головка серебряного дракона, изображение оленя из листового золота.

Могильник Кара-Тектир находится в верховьях р. Коодуль на левом берегу, вблизи с. Комсомол. В нем насчитывается более 350 курганов с земляными насыпями, расположенными двумя большими компактными группами на площади длиной 600 *м*, шириной 300 *м*. Среди местного населения могильник именуется Мин-Тюбе. Курганы диаметром 15—20 *м*, высотой 1—2 *м*. Имеется несколько больших курганов диаметром 15—20 *м* и высотой 2—3 *м*. В 1958—1959, 1963—1965 гг. И. Кожомбердиевым вскрыто около 80 катакомбных захоронений. Основной погребальный инвентарь: сосуды, предметы украшения, многочисленные наконечники стрел. Интересна литая скульптурка горного козла из бронзы. Могильник датируется I—V вв. н. э.

Ничке-Сай. У выхода одноименного ущелья в 1973 г. М. Б. Юнусалиевым обнаружены каменные орудия труда (ядрище и отщепы) верхнепалеолитического времени.

В окрестностях с. Ничке находится комплекс поселений X—XII вв. и могильник катакомбного типа. Обследованы А. Н. Бернштамом, П. Н. Кожемяко, И. Кожомбердиевым.

Могильник Торкен. Расположен на правом берегу одноименной реки, состоит из 900 курганов. Насыпи земляные. Размеры: диаметр 8—30 *м*, высота 0,8—4 *м*. В 1961—1962 и 1964 гг. И. Кожомбердиевым вскрыто около 90 курганов с катакомбными захоронениями. Основной инвентарь — глиняная и деревянная посуда, палаши, наконечники стрел и др. Из предметов украшения особый интерес представля-

ют маски из листового золота и золотые серьги с инкрустацией и зернью. Могильник датируется I—V вв.

Могильник Айгырджал. Расположен на северо-восточном склоне горы Шамшыкал. Насчитывает около 300 курганов с земляными насыпями различной величины. В 1962 г. обследован И. Кожомбердиевым. Раскопано 5 курганов катакомбного типа. Датируется I—V вв. н. э.

На правом берегу реки Торкен кроме двух вышеуказанных могильников в разных местах встречаются цепочки курганов сако-усуньского типа. На левом берегу р. Торкен отмечены следы двух поселений: одно относится к античному, другое — к средневековому времени.

Могильник Алмалуу. Находится у входа в ущелье на предгорной террасе, круто обрывающейся к р. Торкен. В могильнике 136 курганов, расположенных тремя группами. В 1966—1967 гг. И. Кожомбердиевым вскрыто 85 курганов с катакомбными захоронениями. В одной из катакомб обнаружен хум больших размеров. Инвентарь состоит из предметов быта, оружия и украшения. Могильник датируется I—V вв.

Могильник Кызыл-Джазы. Расположен на южном склоне горы Артак. В могильнике 276 курганов с земляными насыпями. Размеры насыпей: диаметр 7—14 *м*, высота 0,8—1,8 *м*. В 1966 г. И. Кожомбердиевым раскопано 40 курганов катакомбного типа. В насыпи двух курганов были обнаружены кувшины с детскими скелетами. В одной из катакомб найден красноангобированный бокал с процарапанным орнаментом и глиняная курильница. Могильник датируется I—V вв.

Перечисленные нами памятники предоставляют возможность осветить жизнь племен, обитавших на территории Кетмень-Тюбинской долины в далеком прошлом.

Принятые сокращения

АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник древней истории
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИКК	— Материалы по истории киргизов и Киргизии
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ТИИАЭ АН Каз. ССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тр. ИИ АН Киргиз. ССР	— Труды Института истории АН Киргизской ССР
Тр. КАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. САЭ	— Труды Семиреченской археологической экспедиции
Тр. ХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

Содержание

Стр.

Предисловие 5

И. Кожомбердиев. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе 9

М. Б. Юнусалиев. Палеолитические разведки в Кетмень-Тюбинской котловине 25

Н. Г. Галочкина. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы 30

И. Кожомбердиев, Г. А. Помаскина. Наскальные изображения 39

А. К. Абетеков. Могильник Джаныш-Булак 52

А. К. Абетеков, Я. А. Шер. Древние жители урочища Джаныш-Булак. (К методике социально-демографических реконструкций) 67

В. П. Мокрынин. Раннекочевнические курганы в урочище Теке-Таш . 76

Д. Ф. Винник, М. Кубатбеков. Катакомбные могильники в местности Ничке 86

Д. Ф. Винник. Торткули в местности Ничке 92

Е. З. Заурова. Раскопки на городище Акчий 106

Д. Ф. Винник, Е. З. Заурова. Историческая топография оседлых поселений Западного Тянь-Шаня 128

О. Береналиев. Древняя ирригация долины Кетмень-Тюбе . . . 145

В. Д. Горячева, В. М. Плоских. Укрепление Улуг-Коргон . . 153

В. Я. Галицкий, В. М. Плоских, К. И. Антипина. Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX—начала XX вв. 164

Приложение 192

Материалы раскопок могильников Кечу, Джалпак-Таш и Ак-Сенир . . 192

А. К. Абетеков, И. Кожомбердиев, В. П. Мокрынин. Памятники тюркского времени 200

Т. П. Кияткина. Антропологические работы в долине Кетмень-Тюбе 204

З. Б. Альтман. Палеопатологические исследования костных материалов из древних могильников 210

М. Н. Лебель. Консервация археологических находок в полевых условиях 215

И. Кожомбердиев. Материалы для археологической карты . . . 219

Принятые сокращения 228

КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

археология и история

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО Академии наук Киргизской ССР

Редактор издательства *В. Л. Вишник.*
Художник *В. Ф. Роек*
Технический редактор *Э. К. Гаврина*
Корректор *Л. С. Жинова*

Сдано в набор 4/III 1976 г. Подписано в печать 14/III 1977 г.
Формат 70×90 1/16. Бумага тип. № 1. Объем 17,0 п. л.+вкл.
0,75 п. л., 17,02 уч.-изд. л.+вкл. 0,4 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Д—00863. Заказ 991. Цена 2 руб. 91 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, Ленинский проспект, 265а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	17 сверху	1961 г.	1958 г.
13	1 снизу	«Молодая гвардия», 1972,	ж. «Молодая гвардия», 1972, № 8

Цена 2 руб. 91 коп.